

Наталья
ЛАВРЕЦОВА

г. Псков (д. Савкино)

Если я скажу

«ДА»

повесть

ЧАСТЬ I. ДОРОГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Милая, помнишь ли, любишь ли?»

Фонарь, сделав усилие, налился неоновым светом, но, извиняюще вспыхнув, погас. Дорога и дом глядели друг на друга блуждающим сиротством огней, фонарным и законным, словно совершая великий процесс теплообмена во вселенной.

Вот и тогда тоже была такая же темнота, только тяготная, дразнящая, июльская, и две эти темноты словно срифмовались, защитив дом плотной сферичностью существования.

Они шли, пронося в себе влажный тяжелый город, в ночных огнях словно каплями ртути сползающий к перекресткам. И в задурманенном привокзальном тепле, цепляясь ногами за проползающие линии шпал, отыскивали место, где можно осесть — плюхнуться в прожаренную гарью траву.

И, высвободив из чехла гитару, он тронул струны:

— Милая, помнишь ли, любишь ли?
Экий я был размазня...!

Над их головами вспыхнули и замерли в ночи брызги огней, словно внезапный фейерверк расцвел и, забыв погаснуть, приплюсовался к фотографическому слепку неба. И всё это вместе: гудки поездов, путающиеся под ногами шпалы, вспышки огней, — ещё больше будило приторможенное доселе чувство дороги. А гитара продолжала звучать, создавая какую-то другую, понятную лишь им двоим реальность:

— Как я искал тебя, милую,
Как я вздыхал тяжело!..
Сколько с тех пор всего минуло,
Сколько воды утекло...

Но вот прогрехотал колёсами состав, обдавая шумной жаровой близостью, и проводница, сама вся в дорожных запахах, у вагона уже вела переключку паспортов:

— Багрянцева Ксения? Проходите. Егор Кну-

тиков? — она внимательно осмотрела фигуру вместе с выступающим за спиной объёмным рюкзаком. — Проходите.

Пробившись сквозь суетливую вагонную неразбериху, они отыскивали места. Ксюша огляделась. На противоположной полке, только снизу, три молодых неотразимых курсанта. Они потому и неотразимы, что молоды, уверены в себе, они едут домой на каникулы и уже только поэтому счастливы. Каждую минуту острят и смеются, брызжут весельем, как свежее яблоко соком.

На фоне их непринужденного веселья с её спутником стало что-то происходить. Он вдруг весь как-то сник, скукожился, сжался в своих походных шароварах неопределённого цвета, специально реставрируемых для этой поездки, напоминающих своим покроем старинное галифе. Собираясь опустить свою верхнюю полку, Ксюша обратилась к своему спутнику за помощью, но рука курсанта опередила, с лёгкостью протянувшись над его головой. Её спутник в силу своей медлительности ещё не успел отреагировать, а курсант улыбнулся, и было видно, что ему страсть как хочется делать добрые дела. Ксюша, поблагодарив его, улыбнулась в ответ, а Егор Кнутиков скользнул взглядом по её лицу и помрачнел.

Забравшись на свою верхнюю, Ксюша принялась размышлять, решив теперь анализировать всё происходящее в дороге, особенно то, что касалось их двоих: «Только что мы сидели на привокзальной траве, он играл на гитаре, и всё было прекрасно. Но что происходит потом?.. Что произошло, например, сейчас, когда мы сели в поезд? Куда подевались его уверенность, спокойствие, его мужское достоинство? Он весь вдруг словно сник, сжался, вылинял под прессингом курсантских глаз. Или это вижу только я? А может, и все окружающие? Или я вижу то, чего нет? Или вообще ничего не вижу?»

Ксюша не заметила, как задремала под уютное бормотание колёс. Но при первом же толчке мысленная неразбериха овладела ею снова: «Итак, всего лишь час назад мы сидели в придорожной траве... Он играл на гитаре и почти был моим героем. Но что происходит, когда мы оказываемся в другой среде — в обстановке, где есть другие люди? Я не хочу его стыдиться, в этом чувствую элемент какого-то предательства — и

не могу. Это происходит помимо моей воли. Я хочу им гордиться. Пусть не гордиться, ну хотя бы просто нормально ощущать себя в его присутствии. Но этого не происходит. А что происходит?» Ксюша скосила глаза вниз.

Зад Кнутикова в походных штанах всё ещё мелькал в проходе. Курсанты продолжали пить пиво.

Как там у Высоцкого: «Если сразу не разберёшь — плох он или хорош, парня в горы тяни, рискни».

Пусть дорога и не горы, но...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что было бы, если б мир состоял из одних наполеонов или пушкиных, к чему приводят рассуждения о гениях и «не-гениях», или Украинский толчок в городе Казани

Утром она слышала, как Кнутиков подходил к ней несколько раз.

— Солнышко, вставай, завтрак готов, — наконец проворковал он. — Я уже проголодался, дожидаясь тебя.

Ксюша приоткрыла глаза. На уровне полки обнаружился шевелящийся треугольник из губ и усов.

— Я уже и бутербродики приготовил...

Весь вид Кнутикова обозначал: «Видишь, как я для тебя стараюсь».

Курсанты, проболтавшие всю ночь, теперь спали.

— Вставай, мой зайчик, будем завтракать.

Преодолев обычную неприязнь в ответ на «зайчика» и «бутербродики», Ксюша сделала честную попытку улыбнуться:

— Считай, что «зайчик» уже подпрыгнул. Ну где они, твои «бутербродики»?

Уже потом, напившись чаю, они сидели рядом: ни дать ни взять патриархальная гоголевская пара — Пульхерия Ивановна с Афанасием Ивановичем.

«И только так! — давала себе указание Ксюша. — И пусть только кто-нибудь посмеет нарушить их единение!»

Курсанты наконец встали. Были они с утра ленивы, на остроты их не тянуло, на пиво тоже. Они взяли себе по стакану чая и пили его, объе-

диненные общим столом, коротая время по случаю скорого «взятия» города Казани.

— Когда подъезжаем по расписанию? — спросила Ксюша.

Курсанты, переглянувшись, пожали плечами, а Кнутиков тут же вскочил и отправился в тамбур смотреть расписание поезда.

В это время к попутчикам подошёл ещё один курсант, едущий в соседнем купе. Разговаривая, он присел рядом с Ксюшей, где только что сидел её друг Егор Кнутиков. Тот вернулся и, уставившись на занятое место, принялся, как школьник, переминается с ноги на ногу.

Ксюша думала, что он просто попросит курсанта пододвинуться и сядет рядом на прежнее место. Но Кнутиков, потоптавшись, так ничего и не сказал, уселся по другую сторону от курсанта.

За окном продолжало что-то происходить — они ехали по местам, в которых оба ещё ни разу не были.

Ксюше постоянно хотелось ему что-то сказать, спросить, но не кричать же было через спину. Кнутиков находился в «отдалённом регионе курсантской стены». Курсантская стена служила пограничной зоной, нейтральной полосой, стеной отчуждения, за которой в полной недоступности существовал её друг Егор Кнутиков.

Так прошёл час.

— Ну что, хорошо посидел рядом с курсантом? — не выдержала Ксюша, когда они уже спустились на бурлящую людьми платформу.

— Нормально, — буркнул Кнутиков. — Главное, что ты хорошо посидела.

— А ты откуда знаешь, что хорошо?

— Ну, а чего плохого — посидеть рядом с молодым, обаятельным?..

— Если бы ещё твоя физиономия не маячила рядом!

— Хорошо, дорогая, так и быть, в следующий раз я сяду подальше, — сказал Кнутиков, осматриваясь на платформе.

— Вот и сядь, — Ксюша шла рядом с ним в потоке людей. — Скажи лучше, опять струсил. Ты что, не мог сказать: «Извините, но это моё место»?

— А почему ты этого не сказала? — тихонько спросил Кнутиков, чтобы не привлечь внимание прохожих.

— Я? Но как я могу за тебя что-то решать? Это же ты, кажется, претендуешь на роль мужчины в моей жизни. Откуда я знаю — может, ты не хотел со мной сидеть?

— Ага, не хотел, — хмыкнул Кнутиков. — А может, дорогая... Может, я просто хотел сделать тебе приятно!

— Да? И чем же?

— Ну, разве не приятно — посидеть рядом с молодым, обаятельным... — нудел Кнутиков, повторяясь.

— Всё с тобой ясно! Мужик ещё называется, — в Ксюшином голосе было неприкрытое разочарование.

— Ну, насчёт «мужика» — это ты поосторожней! Как раз с этим-то у меня всё в порядке!

— С чем — «с этим»? — усмехнулась Ксюша. — Дальше «этого» твои фантазии не идут! Пошлость одна.

— Пошлость? — сделал придурковатое лицо Кнутиков. — Вот не ожидал от тебя! И это святое дело ты называешь пошлостью?

— Впрочем, тебя тоже можно понять: не среди театров рос, в среде деревенской, — и, не удержавшись, Ксюша процитировала: — «Подсмотрел я ребячьим оком...»²

— Да, и подсматривал! И не стесняюсь в этом признаться! Зато жизнь знаю в самой её основе. Потому и вырос нормальный крепкий мужик, а не как некоторые там... — от перечисления фамилий Кнутиков, к счастью, воздержался, — хлюпки, которые ничего не могут! А настоящий мужик — он делом себя проявлять должен!

— Делом? — почти обрадовалась Ксюша, услышав неожиданное слово. — Вот и отлично! Наконец-то ты захотел проявить себя делом. Что ж, тогда давай иди.

— Куда? — Кнутиков даже остановился. И Ксюша — за ним.

Их обтекала толпа, то и дело задевавшая за плечи.

— Как — куда? Проявлять себя делом! Как настоящий мужчина. Посмотри расписание поездов. Выясни, как нам добираться дальше. Узнай, есть ли билеты. Одним словом, проявляй себя делом.

Но Кнутиков почему-то не спешил проявлять себя делом.

— Ну что же ты? Давай! — Ксюша с удоволь-

ствием сбросила с себя давящие на плечи лямки рюкзака. — А я, как хранительница очага богиня Веста, вещи покараулю.

Но Кнутиков продолжал маяться, не сходя с места.

— Ну, в чем дело-то? — не выдержала Ксюша.

— Видишь ли, Ксюх, я бы, конечно, пошёл, но... Боюсь тебе меня ждать надоест!

— Ничего, подожду. Ради того, чтобы ты проявил себя делом, как мужчина настоящий. Промонструировал, так сказать, свои стратегические способности.

— Так понимаешь, — почесывал Кнутиков голову. — Ведь стратегические способности — они просто так ни с того ни с сего не появятся. Ты прирождённый стратег, у тебя всё как-то органично получается. Само собой.

— Да ну? — с удивлением слушала его Ксюша.

— Можно сказать, у тебя, как у гения, мысль напрямую работает: задача — хлоп! — её решение. А у посредственности она проходит через промежуточные этапы, звенья. Боюсь, я могу застрять на каком-нибудь. Потому я и говорю: я, конечно, могу пойти, но тебе меня ждать надоест.

— То есть... — Ксюша осмысливала. — Тем самым ты добровольно признаешь, что ты посредственность?

— Ну да, в чём-то — да, — смиренно покивал Кнутиков. — Но не во всём... далеко не во всём, дорогая!

— А я, значит, гений?

— Я всегда это говорил!

— Так, значит, чтобы самому ничего не делать, ты готов даже объявить меня гением? А себя, значит, посредственностью? Удобно. Гений сам всё решит, сам всё сделает. А потом сам и шишки получит от посредственности, — развивала Ксюша цепочку. — А ты не боишься, что гению может стать скучно с посредственностью?

— Ну что делать, дорогая, такова судьба гениев — скучать! — Кнутиков вздохнул и, закатив глаза к небу, сделал постное лицо, видимо, проецируя на себя тяжёлую судьбу гения.

— Всё с тобой ясно, — усмехнулась Ксюша.

— Но, согласись, дорогая, если бы не было посредственностей, кто бы догадался о гениальности гениев? Представь, если бы мир весь состоял из одних наполеонов или, к примеру, пушкиных?

Ксюша поняла одно: идти всё равно придётся ей. Впрочем, она в этом и не сомневалась.

— Ясно. Мало того, что ты трус, словоблуд, так ты, оказывается, ещё и лстец. Ладно, лстец, карауль вещи! — и она направилась к зданию вокзала выполнять миссию обыкновенного гения, удивляясь в очередной раз, и как это ему каждый раз удается так вывернуться...

Когда, уже изрядно набегавшись, она возвратилась, Кнутиков сидел, прислонясь спиной к своему безразмерному рюкзаку-шкафу. Что-то писал в дорожном блокнотике мелким бисерным почерком.

— Ну? Что? — оторвался он от «бисероплетения».

— Увы, железнодорожная фортуна нам сегодня не благоприятствует. Придётся прогуляться до речного вокзала, — Ксюша без особого энтузиазма глянула на походный инвентарь. — Может, с водной стихией повезёт больше.

На самом же деле она втайне даже радовалась: продолжить путь водным путём было куда интересней!

— Что ж, — смиренно покивал Кнутиков, — раз так, ничего не поделаешь.

Когда, уже основательно навьючившись, сделали несколько шагов в сторону выхода, он внезапно оглянулся:

— Да, неплохо бы... забежать, так сказать, на дорожку...

— А раньше ты сообразить не мог? — но, соболезнуя вполне понятным человеческим желанием, Ксюша снова принялась стаскивать с себя лямки рюкзака.

Изобразив план на асфальте, она объяснила, как добраться до туалетов:

— Тут рядом, за углом, если что — спросишь, не маленький!

В ожидании теперь и Ксюша воспользовалась возможностями универсального кнутиковского рюкзака. Прилечь на него она не решилась, но присела, осматриваясь.

Вокзал города Казани весь пестрел всевозможными ларьками, лотками, киосками, рекламными плакатами с предложением самых разнообразных услуг. Не уходя с вокзала, можно было помыться, побриться, постричься, сделать педикюр и маникюр, перекусить и

ещё много чего. Кажется, только конторы мастеров-безенчуков³ здесь не было: город рассчитывал на вечную жизнь.

Ни книгу, ни блокнот Ксюша доставать не стала: Кнутиков с минуты на минуту должен был появиться. Должен, но не появлялся. Прошло ещё минут десять. Ксюша уже изучила все рекламы и вывески и начала проявлять определённое нетерпение. С учётом даже самых непредвиденных обстоятельств Кнутиков уже просто обязан был возвратиться. Обязан, но не возвращался.

Горизонт был чист и свободен от Кнутикова. Начиная волноваться уже по-настоящему, Ксюша принялась гипнотизировать висящий неподалёку циферблат часов. Вспомнив кнутиковскую взаимную нелюбовь с блюстителем порядка, вдруг представила его в убогой каталажке Татарстана. И ушёл-то ведь без паспорта! А кто знал, что в туалет надо паспорт брать?

Время шло, а Кнутиков всё не появлялся. Отправиться на его поиски Ксюша не могла: вещи не бросишь, с собой их не унести. Но становилось всё более очевидно: что-то случилось.

Поднявшись со своего места, она принялась нервно ходить, успокаивая себя движением. Но ещё минут через десять, совсем потеряв терпение, уже решила попросить кого-нибудь присмотреть за вещами... Как тут он и появился! Совершенно живой, совершенно невредимый. И даже не из каталажки. Всего-то через сорок минут, когда она устала ощущать себя перекипевшим чайником.

Ксюша только собралась сказать Кнутикову, что она по этому поводу думает, как тот опередил:

— Ну и где он? Куда запропастился?

— Что? Кто? Что случилось-то? — тарачила она глаза.

— Да туалет этот несчастный, будь он неладен! Весь вокзал обежал! И даже несколько раз!

— Как?! — теряла Ксюша дар речи. — Ты что, там и не был?

— Как же я могу там быть, если его нет? Нигде!

— Как это нет? Куда же он, извините, делся? Только что был! Снесли, что ли?

— Был, а теперь нет! — разводил Кнутиков руками.

— Ты что, издеваешься? — всё кипело у Ксю-

ши внутри. — Я же тебе объяснила!.. С подробным планом на асфальте!

— Значит, так и объяснила. Ты же не топограф, не умеешь чертить, — невозмутимо заметил Кнутиков.

— А языка у тебя нет? Спросить не мог? Да здесь на каждом шагу надписи — где что находится! — не на шутку злилась Ксюша.

— Так они ж на татарском. А я по-ихнему не понимаю, — Кнутиков был непробиваем.

— Туалет — он везде туалет! «М» — «Ж». Другого пока не придумали! Скажи лучше, опять струсил!

Ксюша почувствовала вдруг усталость, ощущение заколдованной кольцевой цепочки, подумала: «И этот человек ещё претендует быть моим... И кого я взяла с собой? Предмет для переноски тяжестей?» Вслух выпалила:

— И чего ты всё время боишься — не пойму? Ведь за русский язык здесь не штрафуют. Что ж, придётся тебя за ручку в туалет вести! Мужик ещё называется... мужчина настоящий...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По дамбе над Волгой,
или Цена уцененного шоколада

— ..Дорогая, не волнуйся, я не отстал... — раздался позади голос Кнутикова.

Когда, уже окончательно покинув железнодорожный вокзал, они шагали в сторону набережной, Ксюша эпизодически оглядывалась:

— Поскольку ты «специалист» по ориентированию, следуй строго за мной. А то ещё пропадёшь... с моими вещами.

— Я здесь, дорогая. Следую строго за тобой! — теперь периодически сообщал ей Кнутиков.

Они уже вышли на берег Волги. Требовалось найти дамбу, которая в конечном итоге и должна была привести их к причалу.

Вскоре они и увидели её. Дамба была — уж такая дамба! Ксюша раньше никогда не видела дамб и даже представления не имела, что это такое. Прямо перед ними в реку уходила песчаная полоса, оформленная круглыми шапками самостригущихся акаций.

— Ты уверена, что это дамба? — с сомнением присматривался к ней Кнутиков.

— А что же ещё?

И они двинули вперёд, увлекаемые песчаной полосой, разрушая летний знойный пейзаж своим не по погоде укомплектованным видом.

Эх, искупаться бы! С завистью поглядывали они на крестообразно раскиданные по пляжу тела отдыхающих. Их навьюченные фигуры среди жары июля выглядели некоторым диссонансом.

А навстречу им по песчаной дорожке двигалась фигура шоколадного цвета. Если бы не узкая полоска плавок, можно было подумать, что это совершенно шоколадный мультяшечный человечек на слепящей киноленте из синевы неба, воды и золотистого песка. Шоколадный парень, загорелый до состояния коричневого блеска, совершающий спортивный забег, поравнявшись и заметив их внимание, улыбнулся.

— Чудеса! — не удержалась Ксюша. — Чем не Гавайские острова? Эти акации как пальмы, вода тёплая, как в море, песок исключительной желтизны, а по пальмовым дорожкам бегают люди шоколадного цвета.

— По пальмовым дорожкам должны бегать обезьяны шоколадного цвета, — разрушил Кнутиков романтический стереотип описания.

— Ты заметил, как его голубые глаза гармонируют с окружающей природой, водой, небом? — продолжила Ксюша предаваться природному очарованию.

— Я заметил, что с окружающей природой гармонируют его плавки. На фоне окружающей природы они почти незаметны. Я, между прочим, тоже шоколадный, а ты этого почему-то не замечаешь.

— Ты не шоколадный, а... — Ксюша на мгновение задумалась, — кирпичный, как мавр!

— Как мавр? — Кнутиков даже приостановился. — О, мавр — это хорошо! Отелло тоже был мавром. Мужик что надо. Суровый. Тебе же, Багрянцева, нравятся суровые мужики!

«Мне нравятся просто мужики, — хотела сказать Ксюша, — которых хотя бы за ручку в туалет водить не надо». Но вслух произнесла:

— Конечно, дорогой, ты мавр! Ты настоящий Отелло!

Их «дамба» закончилась неожиданно множественством разбегающихся тропинок. Каждая, пос-

тепно скатываясь к реке, сходила на нет. Наконец кончился и берег — они оказались на самом мысу длинного острова.

— Ну вот, я же говорил! — торжествовал Кнутиков. — А ты как увидела этот уцененный шоколад — сразу «дамба, дамба»!

— Зато прогулялись, — Ксюша старалась не показать досады. — Как бы мы ещё узнали про эту экзотическую дорожку?

Окончательно упершись в разросшиеся на берегу ивовые кусты, они развернулись и отправились в обратную сторону.

Солнце палило. Их походные принадлежности с каждой минутой становились всё тяжелей. Пот уже не капал, лил ручьями.

— Наверное, отдыхающие на нас как на прикурков смотрят. Ходим с рюкзаками туда-сюда, — сказала Ксюша.

— А может, у нас моцион такой, — крикнув, вытирал пот Кнутиков. — Нравится, может, нам это!

А навстречу, уже сделав крюк, снова двигался шоколадный человечек. И хоть с тех пор вроде бы ничего не изменилось, но дамба уже не была дамбой, акации перестали быть пальмами и шоколадный человек больше не казался верхом гармонии с окружающей природой.

«По дамбе над Волгой, по дамбе над спящей Казанью — касанье девических платяев, как мира другого касанье...»⁴ — прозвучали в голове Ксюши знакомые поэтические строчки, а потом подумала: — И почему такая красивая — и не дамба?..

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

в которой Кнутиков сделал умное лицо, а Ксюша опасалась, что администратор гостиницы станет швырять в них камни

Возвратившись на исходную точку, Ксюша и Кнутиков начали путь снова, теперь уже вдоль укрепленного берега реки. Оказывается, этот укрепленный берег и есть дамба.

Речной вокзал, который вроде уже был в визуальной досягаемости, почему-то каждый раз оказывался «за тем поворотом».

Преодолев и эту фантазмагорию, зашли в благодатный полумрак здания. Сбросив рюкзаки,

тут же рухнули на приютившую их лавочку. Но Ксюша заставила себя подняться и, не вступая больше в диалог по поводу «гениев и не-гениев», отправилась добывать нужную информацию.

— Увы, водная фортуна нам сегодня тоже не благоприятствует: только завтра идёт теплоход, — вернувшись, сообщила она Кнутикову. — Билеты на него купить можно только завтра, — и тут же опустила на лавочку, обессиленно закрыв глаза.

— Ну вот, так и знал!.. Я так и знал, что новости будут не самые благоприятные, — запричитал голос рядом. — И что теперь будем делать?

Открывать глаза Ксюше не хотелось.

— Думай, ты же у нас мужчина.

И Кнутиков решил им стать.

— Ну, значит, тогда так... У меня, значит, такое предложение... — Ксюше показалось, она даже слышит, как рядом скрипят от напряженной мыслительной деятельности его мозги. — Вернёмся, значит, мы на ту песчаную косу, где сейчас были. Разобьём, значит, там палатку. Отдохнём. Потом, значит, там и заночуем.

— И это всё? — открывать глаза Ксюше не просто не хотелось, а не хотелось смертельно.

— Ну, пока да! Всё.

— Угу, — переваривала она информацию. — А скажи, пожалуйста, где мы там будем есть? Я уже не спрашиваю что? Никакого кафе поблизости я не заметила.

— Ну... — снова послышалось мыслительное «поскрипывание». — Разведём, значит, мы там костёр. Приготовим что-нибудь.

Да, верно говорят: если хочешь разобраться с обстоятельствами — начинай разминирование по частям. И Ксюша принялась за «разминирование»:

— Надеюсь, дорогой, ты учёл, что пляж, куда ты предлагаешь нам пойти, находится в черте города? А это значит, вряд ли там вообще можно разводить костры и ставить палатки, — всё-таки заставила она себя приоткрыть один глаз. — К тому же вовсе не безопасно оставаться ночью вдвоём в палатке в таком людном месте — мы же не знаем способности местных хулиганов.

— Дорогая, ты забываешь, что с тобой я! — Кнутиков даже попытался поиграть мускулатурой.

— Что ты, дорогой, конечно, я помню, что ты

Шварценеггер! — приоткрыла она и второй глаз, вероятно, чтобы убедиться, что рядом действительно Шварценеггер. — Когда я с тобой, ты самый храбрый, самый сильный, самый смелый...

— Да, да, да, — довольно кивал Кнутиков, подрагивая бородкой.

— Но вдруг на нас нападёт... целая стая хулиганов? — предположила Ксюша. — И что тогда? Не могу же я позволить тебе быть поверженным в моих глазах!

— Ну вот... — Кнутиков вздохнул. — Говоришь, предлагай, а сама... не даёшь мужику проявиться! Инициативу в корне гасишь.

— Но, дорогой... — Ксюше действительно не хотелось гасить его инициативу, тем более в корне. — Не можем же мы ради твоей инициативы переться бог знает куда, бог знает зачем! Не говоря уж о том, что мы оттуда только что пришли! Припахали по такой жаре...

— Ну, тогда и не говори потом, что я не делаю никаких предложений! — дернулась рядом его бородка.

— Делаешь, — кивнула Ксюша. — По крайней мере, одно делаешь постоянно.

— Если бы ты его ещё и приняла...

— Ну, дорога только начинается, — уклончиво ответила Ксюша. — И на весах идёт счёт.

— На каких весах?

— Ну, конечно, на тех... небесных.

— Ах, на тех! — закатил Кнутиков глаза вверх: к небесной канцелярии он относился уважительно. — Тогда понятно.

Что стало понятно Кнутикову, Ксюша выяснять не стала, лишь продолжила «разминирование» дальше:

— Допустим, невзирая на хулиганов, милиционеров и даже на то, что мы тащились оттуда больше часа, ты предлагаешь снова туда идти. Наверное, тебе просто нравится ходить туда-сюда по жаре с вещами. Но как же мы тогда пойдём осматривать город, если разобьём там палатку? Не бросим же мы её без присмотра в таком людном месте?

— Ну, тогда придём, разобьём палатку, сделаем костёр, поедим, — строились основательные предложения. — Потом соберём палатку, пойдём на вокзал, сдадим её в камеру хранения...

— О боже! — Ксюша, конечно, догадывалась, что Кнутиков не гений, но чтобы до такой сте-

пени!.. — И сколько времени на это должно уйти? Суток хватит?

— Ну, а ты сама-то что предлагаешь?

— Ну... — Ксюша думала ровно секунду. — Продумать какой-нибудь локальный вариант. Быстренько где-то сгрузиться, перекусить, немного отдохнуть — и вперёд осматривать город. Зря, что ли, мы здесь оказались? Завтра уезжаем — надо хоть что-то успеть посмотреть.

— Ну, и какой же он... твой локальный вариант? — Кнутиков был уверен: никакого варианта не существует вообще, даже при всей Ксюхиной гениальности.

— Ладно, «негений». Сиди, караул вещи!

Ксюша вернулась минут через пятнадцать. Появившись, с таинственным видом принялась натягивать лямки рюкзака. Кнутиков смотрел настороженно.

— Кнутиков, у тебя очень сложная задача! — наконец вымолвила она, продолжая интриговать. — Тебе надо будет сделать умное лицо. Справишься?

— А чего его делать-то? — несколько насторожился Кнутиков. — Оно у меня от природы такое, — но, внимательней посмотрев на Ксюшу, не удержался: — А зачем его вообще делать?

— Да какая тебе разница? Ты же во всём доверяешь мне, раз сам ничего не хочешь делать. И поэтому, если я говорю: делай умное лицо, — значит, просто делай — и всё!

— Так, Ксюшик, я, конечно, не спрашиваю, но... — уже нацепив на себя лямки своего переносного «шкафа», догонял её Кнутиков. — Но должен же я всё-таки знать, какое именно лицо делать! Какого, так сказать, оттенка?

— Ну, Кнутиков, конечно, самое умное из всех, какое у тебя только есть! Располагающее. Такое, которому можно доверять.

— А-а... — усваивал информацию Кнутиков. — Ну, есть у меня такое...

— Здесь рядом гостиница, прямо на речном вокзале, и я сняла номер до завтра.

— О! — Кнутиков даже ускорил шаг. — Здорово! Тогда зачем делать умное лицо? Заплатим — и всё!

Ксюша хотела было сказать, что с глупым даже и за деньги не пускают, но воздержалась: Кнутикову предстояло выдержать ещё одно испытание.

— Просто, дорогой, в целях экономии я оплатила пока только одно место. Оформила на свой паспорт.

— Что? Как — одно?! — Кнутиков замер, не завершив шаг. — Ну, ясно, — наконец вяло промямлил он.

— Что тебе ясно? — уловила Ксюша интонацию. — Ты же знаешь, у нас режим строгой экономии, — строжайшей, можно сказать. Дорога дальняя, рассчитать мы пока всё не можем. Главное, что сейчас у нас есть где поесть, сбросить вещи, остановиться, — пыталась она его взбодрить, — отдохнуть, принять душ и отправиться осматривать город!

Но Кнутиков взбадриваться не хотел.

— Ясно, что придётся мне одному идти ночевать на песчаную косу!

— Послушай, дорогой, — теряла Ксюша терпение. — Вечером можешь идти на какую угодно косу, а сейчас...

Впереди показалось окно администратора.

— Ладно, Кнутиков, давай быстро делай умное лицо!

На всякий случай Ксюша запаслась знаменитой фразой Остапа Бендера: «Этот мальчик со мной». А если бы администраторша засомневалась, пришлось бы добавить: «Кто скажет, что это девочка — пусть первым бросит в меня камень».

Но администраторша камнями бросаться не стала, лишь с особым пристрастием осмотрела их рюкзаки, возможно, заподозрив, не проносятся ли они там ещё и третьего.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Скандал в абрикосовом Раю

В номере, стандартном по-гостиничному, было вполне уютно. В окно врывалась Волга со скользящими по ней стрелками теплоходов, маленький катерок деловито тянул вдали огромную баржу.

Сбросив рюкзаки, Ксюша и Кнутиков тут же разрушили гостиничный уют, наполнив его своим — дорожным. И уже урчал по-домашнему кран, и хотелось после бессонной ночи в поезде скорей нырнуть в прохладное нутро постели.

Но расслабляться ещё рано. Требовалось посетить местные торговые пятачки с целью извлечения из них чего-нибудь съестного.

Утонувший в зелени пригостиничный пяточок пестрел всевозможными лотками, ларьками и киосками. Особенно вызывающе вели себя фруктовые: абрикосы на прилавках словно подпрыгивали, прося: «Съешь меня!»

Не утруждая себя долгим изучением цен, Ксюша со спутником отоварились тут же, закупив хрустящих палочек к чаю, колбасы, хлеба и астраханских помидоров.

Ксюша вздыхала, ловясь на фруктовые запахи. Когда-то она была владелицей собственного абрикосового рая: жила в маленьком домике, где под окном в изящном садике рос настоящий большой абрикос. Генная память об этом абрикосовом дереве разыграла не в самый подходящий момент.

— Наверное, у меня просто нехватка железа, — попыталась Ксюша оторвать взгляд от солнечных плодов. — Интересно, есть ли в абрикосах железо?

— Раз хочешь, значит, надо купить! — неожиданно отозвался Кнутиков. — Лучше раз вволю наесться, чем без конца есть глазами.

— Увы, — с сожалением покачала головой Ксюша. — Экономика должна быть экономной.

Кнутиков проследил за её взглядом.

— К чёрту твою экономику! В конце концов, мы на отдыхе! — вдруг с неожиданной запальчивостью отозвался он.

И не успела Ксюша ничего сообразить, как...

— Взвесьте, пожалуйста! — подлетел он к пышнотелой продавщице, которая сама напоминала круглый абрикос. — Килограмма три!

— Что? — Ксюша подскочила на месте. — Ещё и три килограмма?

Поняла она только одно: расплачиваться сейчас придётся ей, ведь Кнутиков, по его утверждению, сдал все деньги в «общественную кассу». А «касса» — это она, Ксюша.

А продавщица с готовностью уточнила:

— Каких именно?

— Самых дорогих! — снова раздалось громом среди ясного неба.

«Что? Ещё и самых дорогих?» — Ксюша от волнения хватанула ртом горячего воздуха. Она,

значит, трясется, как Кощей Бессмертный, над каждой копейкой, лишает самого Кнутикова его законного проживания в гостинице, а он бесцеремонно распоряжается их общими деньгами, её даже не спросив!

— Не надо нам никаких абрикосов! — как на амбразуру кинулась Ксюша, защищая их общий кошелек.

— Так взвешивать или нет? — недоуменно спросила продавщица, уже запустившая толстые пальцы в коробку солнечных абрикосов.

— Взвешивайте-взвешивайте! — ответил Кнутиков.

— Не взвешивайте! — упорствовала Ксюша.

— Тебе же надо восстановить баланс железа! Вы случайно не знаете, в абрикосах есть железо? — обратился Кнутиков к продавщице.

— Не знаю! — недовольно буркнула та. — Я абрикосами торгую, а не железом. Так вы разобрались?

— Разобрались-разобрались! — торопливо подхватила Ксюша, она была уверена: Кнутиков, как обычно, согласится, нужно просто его убедить. — Мы передумали!

— Нет, мы не передумали, — и вновь проявил Кнутиков настойчивость. И добавил с интонацией Рокфеллера: — Плачу́ я!

— Что?! Ты... платишь?! — вконец завелась Ксюша. — У тебя, оказывается, есть деньги?! Ты же говорил, что сдал всё в общую кассу! Да ты знаешь, как это называется?! — после Ксюша ему это популярно объяснила.

Да, здесь, на привокзальном пяточке города Казани, вблизи речного порта, продуваемого волжскими ветрами, Ксения Багрянцева устроила «семейный скандал» своему напарнику Егору Кнутикову на самую банальную житейскую тему.

— Я, значит, как скупой рыцарь, трясусь над каждой копейкой, а у тебя, оказывается, есть деньги!

— Уже нет, Ксюшк! Считай, я специально сберег их на эти абрикосы!

— Больше я тебе не верю. Плати теперь за себя сам!

А Кнутиков, уже приняв от продавщицы увесистый бумажный пакет с весело выглядывающими оттуда рыженькими солнышками, сунул его в руки вконец оторопевшей Ксюши:

— На, держи!

Абрикосовые снаряды взорвались ароматом прямо у её губ.

— Да не надо мне их! — сердитым голосом отозвалась Ксюша, протянув пакет обратно Кнутикову.

— Ах, так! — обиженно буркнуло рядом. — Тогда я их просто выкину! — и бумажный кулёк принял наклонное положение над подвернувшейся урной. — Считаю до трёх. Раз... — первый солнечный снаряд начал движение по орбите падения. — Два...

Проявить дальнейшие наклонности к математике Кнутиков не успел. Ксюша забрала у него пакет с абрикосами. После несостоявшегося падения они для неё снова выросли в цене.

И вот они снова оказались в номере.

Волга плеснула в окна синевы, окрашенной дневным солнечным светом.

Ксюша приняла душ и наконец с удовольствием нырнула в постель, разрушив её казенную белизну. Бессонная ночь в поезде давала о себе знать.

Вдыхая запах свежего постельного белья, которое тоже почему-то пахло Волгой, Ксюша принялась за путевые заметки: «Даже постельное бельё имеет запах места, которому принадлежит. В поездах — это едва уловимый, но стойкий запах железной дороги. В больницах у простыней холодный скальпельный запах. Поэт сказал что-то вроде: пахнет карболкой и йодом, но ничего не поделает — черёмухой пахнет!»⁵

Да, всё было так или примерно так: в окно врывалась Волга, Ксюша вела походный дневник, и всё было бы ничего, если бы... Всегда найдётся это «если бы». Если бы рядом, травмируя слух, не падали, с грохотом ударяясь об пол, тяжелые кирзовые сапоги.

Это ступал по полу Егор Кнутиков, он готовил обед, пытаясь адаптировать свой походный полевой инвентарь к условиям гостиничного номера. Кормить любимую женщину было его слабостью, святым неизменным ритуалом, с которым приходилось считаться. Но сегодня его сапоги бились об пол с каким-то особенным остервенением. Удары отзывались в Ксюшиной голове, парализуя творческие порывы.

Ксюша старалась не замечать этого шума, но становилось все труднее: в мозг словно вбивали гвозди.

«Простыни в маленьком гостиничном номере на берегу Волги таят в себе особый запах полотняных парусов, натяжных мачтовых тросов, упругую радость жизни, созданную близостью реки. А жизнь, если верить многочисленным научным источникам, начиналась именно в воде...»

Нет, это становилось просто невыносимо.

— Послушай, дорогой, ты не мог бы снять сапоги?

— Ага! — оживился Кнутиков, словно ждал этого вопроса. — Чтобы меня застали тут бегающим босиком? Я бы, конечно, снял, не прочь даже и раздеться, хотя бы снять джинсовую куртку, но благодаря твоей экономической политике я здесь просто гость! — в сердцах полоснул он ножом по астраханскому помидору.

— Не моей, а нашей. Нашей общей экономической политике, — миролюбиво поправила его Ксюша. — А я подумала: может, тебе просто холодно.

— Мне не холодно, — поморщился Кнутиков. — Может, мне даже жарко. Но я терплю. Раз у нас такая экономическая политика...

— Зато мы покупали абрикосы, причём самые дорогие!

— Тебе же хотел приятное сделать! — буркнул он, продолжая елозить ножом по помидору. — И вообще, это не входило в общий бюджет!

— Правильно. Не входило. Поэтому... можешь раздеться. Сними хотя бы сапоги, а то у меня будет от них сотрясение мозга!

Нож в руке Кнутикова на секунду замер.

— Интересно, как же я разденусь, если сюда в любой момент могут кого-нибудь подселить? — покосился он на вторую незанятую кровать.

— Эх, Кнутиков-Кнутиков! — вздохнула Ксюша. — Никак ты не научишься оценивать мои стратегические способности. Сюда больше никого не поделят! Говорю тебе это по-человечески, русским языком.

— Это почему? — смотрел он, не понимая.

— Потому что. С администрацией договаривался кто? Я. А я не люблю доставлять себе лишний дискомфорт. И тебе, кстати, тоже. Так что можешь разоблачиться.

Но Кнутиков продолжал торчать посреди

комнаты хорошо укомплектованным джинсовым столбом.

— Нет, всё-таки интересно, как это ты договорилась?

— Ну, Кнутиков, администратор не мужчина — не можешь ты меня заподозрить в чем-нибудь нехорошем.

— Ну, ладно, — так ничего и не поняв, Кнутиков все же позволил себя уговорить. — Сапоги я, так и быть, сниму. Но ночевать сегодня всё равно пойду на песчаную косу!

— Конечно, дорогой, конечно! Можешь идти на какую угодно косу, только давай сначала поедим!

— Я же не знал, что мне придётся кипятильником ещё и картошку варить, — уже более покладисто отозвался Кнутиков и снял наконец с видимым облегчением свою уже сроднившуюся с ним кирзу.

Их обед всё-таки состоялся. Они ели уральскую картошку, прихваченную из дома предусмотрительным Кнутиковым, с астраханскими помидорами и любовались видом на разлившуюся Волгу. Ну, просто супергеографический обед! А когда он подошёл к концу...

— Ну, так что, мы идём осматривать город? — отставив в сторону свой походный алюминий, Кнутиков подсел ближе к Ксюше.

— Идём, дорогой, конечно, идём.

Взяв в ладонь Ксюшины пальцы, Кнутиков молча прижал их к своей шероховатой щеке.

Она присмотрелась к нему внимательней.

— Ты почему сегодня был таким?..

— Каким?

— Упрямым каким-то, даже злым...

— Знаешь, Ксюшик... — он чуть помолчал. —

Если я на кого и злюсь, то только на самого себя. Всё у меня получается как-то не так. То этот курсант в поезде, то дурацкий случай на вокзале... В конце концов, я становлюсь противен сам себе. Знаешь, я решил: с сегодняшнего дня всё будет по-другому. Я буду принимать решения сам.

— Да ну!..

— Конечно, с твоего согласия, дорогая, — тут же отступил Кнутиков. — Если ты не возражаешь...

— Против того, чтобы ты был мужиком? Ещё бы! Конечно, нет! — Она провела ладонью по его щеке.

Склоненное к ней лицо казалось ей сейчас таким добрым, мягким, таким усталым. Спокойный зеленоватый свет глаз проливался на неё — и она блаженствовала в глубине этого взгляда. И даже подумала вдруг: «А может, это то лучшее, что и есть в моей жизни?»

— Ну, вот ты меня приручила, и я снова стал ручным, — Кнутиков потёрся щекой о её руки.

— Ты мой маленький ручной котёночек, — подыграла Ксюша.

— Мур-мур, — покорно согласился Кнутиков.

— Нет, ты мурлыкаешь, как дикий беспризорный кот, а ты помурлыкай, как хороший домашний котёночек, — продолжила заговаривать его Ксюша.

— Му-ур! — Кнутиков вложил в это мурлыканье всю свою душу, принадлежащую ей, Ксюше. — Я тебя так му-ур! Ну, просто очень му-у-ур.

Ксюша смеялась.

А за окном баюкала свои корабли Волга, а по другую сторону лежал ещё не изученный ими город, на покорение которого у них осталось не так уж много времени.

Но они ещё не отмурлыкали своё.

— Ну вот, уже лучше! — шутливо похвалила Ксюша. — А говоришь, мне нравятся суровые мужики...

— А я могу быть и суровым! — Кнутиков дурашливо растопырил в воздухе пальцы. — Ну, тогда держись, Багрянцева!

— Ой, боюсь-боюсь! — со смехом защищалась Ксюша. — Отелло ты мой ревнивый!

— А ты моя Дездемона! Смотри, Дездемона, не провоцируй меня! Помни, чем кончилось у Яго с Отелло!

Они всё-таки собрались погулять по городу.

Правда, сначала Кнутиков пошёл осуществлять программу того самостоятельного мужика, которым он решил теперь стать: отправился добывать нужную информацию.

Оставшаяся в номере Ксюша неторопливо привела себя в порядок — не может же она явиться растрепанной перед городом, с которым ещё только предстоит знакомство. Но почему-то, уже оказавшись на улице, вместо того чтобы поспешить, они с Кнутиковым уселись на первую же подвернувшуюся им лавоч-

ку. Сидели так с видом на Волгу, подставляя лица солнцу. Не хотелось ни двигаться, ни говорить, а только бы смотреть на важно несущую свои воды реку, на медленное угасание дня, — на все честно заслуженные ими сегодня самые простые чудеса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Ксюша чуть было не сказала своё опрометчивое «да», но её спасла страна Фантасмагория

Хлынувшая с причалившего теплохода толпа подхватила Ксюшу и Кнутикова могучим потоком. Затем, чуть задержавшись в маленькой кофейне, они взбодрились чашкой кофе с местной экзотикой — чак-чаком и, вскочив в словно специально поданный для них троллейбус, отправились на покорение города Казани.

Кому не знаком этот щекочущий холодок первого свидания с городом? Это как встреча с человеком, про которого много знал, слышал, но видишь впервые. Как отзовётся он, чем войдёт в твоё сердце? Проскочит лёгким сквознячком или прoderёт ознобом, генной радостью узнавания и горечью сожаления от невозможности остаться тут навсегда?

Город был «своим». Это угадывалось по встречной пульсации сердца, его ответной реакции. В домах и улицах жила притягательная уютность: хотелось выйти где угодно и остаться здесь навсегда.

«Город — одна большая душа, материализованная в пространстве улиц, домов, архитектуре, в самом месте, выбранном кем-то когда-то для его существования. И почему нельзя жить сразу в нескольких местах?» — продолжала Ксюша мысленно вести путевой дневник.

Они долго бродили по старому центру, пытались отыскать здание университета, в котором интеллектуально насыщался будущий вождь мирового пролетариата, а потом и ещё один знакомый им «классик».

Эх, «классики, классики!» Совсем недавно (а может, уже и давно — как считать), они расстались, проведя несколько лет в одном студенческом коридоре. Расстаться-то расстались, но в сердцах до сих пор ещё звучали их голоса, смех,

пущенные ими в свет остроуты. Ау, где вы теперь, милые сердцу «классики»⁶⁷?

Направив стопы в сторону кремля, Ксюша и Кнутиков закружились среди древних башен, дивясь его компактной завершенности, изящному взмыванию над водой. Казалось, именно оно, это взмывание, и придаёт городу какой-то особый шик — дух лишь ему причастной вольности. Настоящий русский дух, хотя теперь Казань — узаконенная столица Татарстана.

А может, особенным этот город был для них ещё и потому, что где-то здесь обитал один из тех самых «классиков» — их легендарный Мишка Поганочкин: главный аккуратист их курса, лауреат премии «Москва — Пенне», получивший эту премию и прозвище заодно за свою повесть «Несусветное в Поганочках». Наградила его этим прозвищем, конечно, Ксюша, но Мишка, который на самом деле был Волостнов, на неё совсем не обижался. И, выходя в коридор, слегка подогретый дружеской пирушкой, обнимал Ксюшу, утыкаясь ей куда-то в подшейную область — Мишка был маленького роста. «Люблю свою соседку», — говорил он. И Ксюша тоже его любила, не любить Поганочкина было невозможно.

В маршрут Ксюши и Кнутикова не входило посещение места Мишкиного проживания, но присутствие друга ощущалось, придавая особую теплоту городу, отдавая его домовитой хозяйственностью. Казалось, даже в самой разумной архитектуре этого города великий аккуратист Мишка принимал самое что ни на есть непосредственное участие.

А может, для Ксюши дело улучшалось ещё и тем, что рядом был он — какой-то другой, новый, осуществлявший в себе программу того мужика, который... Ну, понятно, в общем.

Он шёл рядом, а не плёлся, как обычно, сзади. Держал её под руку, а не держался, прячась за неё на всех перекрёстках. И неожиданно выдал ей кучу интересной информации о древней Казани, её истории, улицах, соборах.

— И откуда ты всё знаешь? — удивилась Ксюша.

— Ну, так я же у тебя умный! — разрушал Кнутиков стереотипно-бытовое представление о себе как о человеке, с которым может быть уютно лишь в замкнутых стенах комнаты, да и то при совокупности множества обстоятельств.

И Ксюша чуть ли не впервые в жизни почувствовала себя... на своём месте возле него. Или его на своём месте возле себя? И неожиданно подумала даже: а не ответить ли ей «да» на одно из его предложений.

Уже собираясь возвращаться в гостиницу, они наткнулись на удивительную в своей непохожести на другие улицы. Она вынырнула вдруг, неожиданно, взялась из ниоткуда, словно выкатилась навстречу, выросла прямо у них на глазах. Улица напоминала московский Арбат, но без присущего столице блеска, шума и суеты. В ней был шарм, своя особая метина, вызванная, возможно, близостью судоходной реки, провинциальной неспешностью города.

Улица пестрела полотнами художников, уютными уличными кафешками, перекличкой витрин, одним словом, такая, не выпить кофе на которой просто грех! Но, взглянув на часы, они решили этот «грех» совершить. В гостиницу требовалось попасть до одиннадцати вечера — потом гостевое время заканчивалось. А один из них пока ещё был просто гостем. Потому посещение местного Арбата было решено отложить на завтра.

Они ещё решали, воспользоваться ли троллейбусом или добираться уж так, пешком, следуя коренной страсти пешеходов, а ноги уже всё выбрали сами, торопливо подгоняя летящие метры.

Так к ним приблизилась страна Фантазмагория. Фантазмагория возникла не вдруг.

Сначала исчез город. Безлюдная, безмашинная дорога лежала перед ними. Силуэты черных, словно обгоревших деревьев, как мрачная стража, стояли по обеим её сторонам. За ними в монотонной унылости лежали тоже тёмные, словно провалившиеся поля. По контрасту с только что шумевшим городом возникало ощущение какой-то ирреальности, сюрра, вдруг пропавшего мира.

Дорога и действительно была совершенно пустой. Лишь вдалеке маячила движущаяся точка. Приблизившись, Ксюша и Кнутиков разглядели человеческую фигуру. Но и в фигуре тоже была странность: маленькая, почти детская, она напоминала заблудившегося в сумер-

ках ребёнка. И шла как-то дёргано, неровно, выписывая на дороге синусоиды.

Они догнали фигуру.

Нет, это был не ребёнок. Перед ними оказалась совершенно согбенная старческая спина. Маленькая старушка шла, опираясь на палку, скорее даже клюку. Обметанное временем лицо, крючковатый нос, поросший растительностью подбородок, волочащая почти по земле юбка — всё создавало образ типичной Бабы Яги, бредущей в своё Тридевятое царство, в сказочный домик на курьих ножках.

Может, в другом, более людном месте они не обратили бы на неё и внимания, но здесь, среди вечерней унылости природы, одинокая старость выглядела печально.

— Бабушка, куда же это вы на ночь глядя? — не удержалась от сочувствия Ксюша, готовая услышать об избушке на курьих ножках.

Старушка приостановилась, только сейчас их заметив. Взгляд её, на удивление, оказался молодым и острым, — она вмиг «сфотографировала» Ксюшу и Кнутикова. Вместо ответа она молча принялась шарить в складках своей видавшей виды юбки.

— Ребята, прикурить не найдётся? — не обнаружив искомого, вдруг спросила, и голос её прозвучал тоже совсем не старчески. — Страсть как курить хочется!

Опешив и от голоса, и от лексикона, не слишком свойственного почтенной старости, они растерянно пожали плечами. Но ответили всё же даже с долей вдруг возникшей неловкости:

— Нет, бабушка, мы не курим.

— Не курите? — снова взглянула остро старушка, но, чуть помолчав, добавила: — И правильно делаете! Курить — здоровью вредить! А мне уже терять нечего, — пошарив в другом кармане юбки, она вдруг оживилась: — Слава те господи, хабарик нашла! А то хоть помирай! Ну, а спички-то хоть у вас есть? — и посмотрела на них, как на совсем уж конченных.

— Спички-то есть! — обрадовался Кнутиков, и Ксюша улыбнулась тоже: хоть чем-то угодить почтенной старости.

Кнутиков чиркнул спичкой о коробок. Старушка, прикурив, с удовольствием затянулась.

— Вот спасибо! Вообще-то, я больше табачок предпочитаю. Шибче бьёт. Или этот, как его...

«Беломор». А эту современную парфюмерию не могу, не уважаю, — помотала в подтверждение головой.

— Ну, а сами-то куда путь держите? — затянувшись и почувствовав расположение к беседе, спросила строго старушка.

Так и казалось Ксюше, что та продолжит по-сказочному: «Дело пытаете аль от дела витае-те?»

Прищур старушечьих глаз был пытлив, словно всё-то она про повстречавшихся ей незнакомцев уже знает и спрашивает так — для проформы: проверить, правду скажут или соврут.

— Мы, бабушка... — дрогнув голосом, начала, будто оправдываясь, Ксюша, — ...путешествуем мы. Город осматривали, а сейчас вот на причал идём, в гостиницу.

— Путешествовать — дело хорошее, — старушка кивнула со значением, будто давала зелёный свет.

— А сами-то вы куда в такую даль да пешком? — снова чуть осмелела Ксюша.

— Я-то? А я казачка вольная, иду, куда вздумается, куда ветер дует. И никто мне в пути не указ! — лихим жестом отщелкнув в сторону бычок, старушка вдруг сказала по-деловому: — Ладно, ребятки, с вами хорошо, но идти мне надо. Спасибо за перекур. Дай вам бог всего, а мне ещё больше! — стрельнув напоследок озорным, с какой-то удалью взглядом, оттолкнулась от земли и... вмиг унеслась, почти скрывшись из виду. Затрепетал только на ходу подол её выцветшей юбки да замелькала в руках обугленная временем клюка.

Опешив, Ксюша и Кнутиков стояли и смотрели. Казалось, это вовсе не старушка, а какая-то лихая переодетая девчонка так ловко их разыграла. Но ведь они же сами видели, как плелась она, еле волоча ноги.

Что-то в этой старушке было уж слишком... не старушечьё какое-то... боцманское, даже пиратское. Словно прибыла она с корабля с черным флагом на борту со скрещенными костями.

— «Карамба, коррида и черт побери!»⁷ — не удержавшись, пропела ей вслед Ксюша.

— Да-а, — изумленно качал головой и Кнутиков. — Может, она была замужем за капитаном дальних морей и унаследовала его привычки?

— Тогда я тоже хочу замуж за капитана! Хотя

бы для того, чтобы так сохраниться! — бросила Ксюша на Кнутикова особой значимости взгляд. — Дорогой, можешь ты мне раздобыть такого капитана?

Вопрос подсказывал ответ: «Ради тебя, дорогая, я сам готов стать...» Но Кнутиков готов не был.

— Чего не сделаешь ради счастья любимой женщины, — занял он уже привычно приторным голосом. — Но где же я возьму тебе такого капитана прямо сейчас? Потерпи уж до завтра. А пока тебе придёт довольствоваться мной

Довольствоваться Кнутиковым Ксюше почему-то сразу расхотелось. А он уже снова заглядывал в её глаза и плёлся, цепляясь под руку, доверяя ей в пути, как и в жизни, всё решать самостоятельно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Содержательные беседы
о круглом и высоком,
после которых Эйфелева башня
поменяла свой пол

Едва на горизонте появилось здание гостиницы, Кнутиков начал проявлять нездоровое мужское самодурство.

— В общем, так: сейчас я забираю палатку и иду ночевать на песчаную косу! Одиннадцать ноль-ноль, конечно, уже давно пробило.

— Тогда почему бы тебе, дорогой, не разбить её прямо под моими окнами? — с иронией предложила Ксюша.

— Нет уж. Сегодня ты и так под надёжной охраной, а за меня можешь не волноваться. Пойду на косу один, и ничего там со мной не случится, — деловито продолжил Кнутиков.

— Хорошо, но для начала... — у Ксюши, конечно, был план. Намеченный, правда, пока только пунктиром. И состоится он или нет — зависело от многого, в частности, и от самого Кнутикова.

— Значит, так. Сейчас я захожу первой, а ты — буквально через пять-десять минут. Скажешь, что забыл что-то взять в рюкзаке.

Кнутиков недоверчиво скривил физиономию:

— А если меня не пустят?..

— Ну, ты же очень вежливо попросишь.

— Ну, хорошо. Тогда ты приготовь там всё быстренько — палатку и прочее. Всё, что нужно мне взять с собой для ночёвки.

— Хорошо, дорогой, именно так я и сделаю, — заверила Ксюша.

Зайдя в номер, она принялась кипятить чай, готовить бутерброды.

Кнутиков ворвался минут через пятнадцать — дверь шарахнулась от пробивной силы его руки.

— Насилу впустили! Где палатка? Где вещи? Ты ничего не приготовила? — метался он, старательно избегая взглядом накрытого стола.

— Почему — ничего? Я сделала бутерброды и заварила чай. Присоединяйся!

— Ты что, издеваешься? В такое время посторонних в гостиницу не пускают! А я благодаря твоей милости здесь посторонний! — нервно приплясывая он у накрытого стола, хватая вещи и запихивая их в рюкзак.

— Не моей милости, а нашей общей экономической политике, — поправила его Ксюша, — исходящей из наших общих интересов.

— Ну вот теперь и пей чай одна со своей экономической политикой, — скорбно поджал Кнутиков губы. — А мне надо идти!

Ксюша, конечно, прекрасно понимала: никуда Кнутикову идти не хочется. А хочется ему сидеть и пить чай с ней.

— Зато, дорогой, мы покупали абрикосы и ели национальное блюдо чак-чак. Кстати, у меня осталось ещё немного. Хочешь? — но, взглянув на Кнутикова, поняла: пора действовать.

— Ладно, подкрепись тут пока, а я пошла.

— Куда?

— Туда!

Вернулась она минут через десять.

Кнутиков давился чак-чаком, залепляя им усы.

— Дорогой, можешь не спешить. У тебя есть время... до семи утра!

Ксюша следила за его реакцией: произойдет ли эффект разорвавшейся бомбы?

— Что? — не успел отодрать Кнутиков от усов прилипшую массу. — Я не ослышался? До семи утра?

— Да, — небрежно кивнула Ксюша. — Не могу же я, в самом деле, отпустить тебя одного в хо-

лодную темную ночь на съедение хулиганам и милиционерам.

— Багрянцева, ты что, обладаешь даром гипноза? — так просто поверить Кнутиков не мог. — Или договорилась заранее и нарочно мучила меня? И как это у тебя всё получается?

— Понимаешь, — Ксюша пару мгновений поразмышляла, — я бы, конечно, могла тебе расказать, но здесь слишком много промежуточных звеньев...

Уже потом, когда по новой были сделаны бутерброды, а чай заварен, Кнутиков все ещё не мог успокоиться:

— Нет, Багрянцева, ты не просто гений! Ты гений в квадрате!

— Говорю, со мной не пропадёшь! — не скрывала удовлетворения и Ксюша. — Завтра утром дежурная разбудит тебя в семь утра. Ты выйдешь ненадолго, а в восемь уже вернёшься как гость. Согласен?

— Не расставаться с тобой до семи утра? Ещё бы не согласен! Да мне теперь всей жизни не хватит...

А потом был вечер, посланный им как чудо, как праздник. От него и ожидала Ксюша продолжения чуда. Какого угодно! Ну, хоть самого маленького! Чудочка какого-нибудь. Например, красивого танца под музыку или даже без. Мерцания свечей под тихое мерцание взглядов. Какого-нибудь признания, пусть даже самого глупого, но которое будешь помнить потом всю жизнь.

Но чуда не происходило.

По комнате ходило что-то унылое, скучное, снова напоминавшее Ксюше того... с поезда, нудным голосом вещающего прописные истины о том, что сахар сладкий, соль солёная, а снег белый.

«И под вечер ненастного дня ты мне стала казаться женой⁸, — вспомнилось ей. — Или — мужем».

Пригасив в себе это нарастающее раздражение от несостоявшегося, Ксюша отправилась спать. Легла и отвернулась к стенке.

Кнутиков, даже не сделав попытки подойти, поцеловать на ночь, расстелил на полу свои походные причиндалы и тоже улёгся.

«И под вечер ненастного дня...»

Утром, как и предполагалось, Кнутиков вышел из номера в семь утра. Изображая заботливого семьянина, подошел и чмокнул любимую в щеку.

Ксюша поморщилась даже во сне. Впрочем, сна не было. Всю ночь казалось, что на лицо натягивают душную сетку от накомарника. Волна чего-то неосознанного, путающегося в глубинах сознания врывается в сон, мешая его с явью.

Вспоминалась Ксюше фраза, брошенная как-то её другом Кауриным: «Знаешь, грустно видеть, как он запикивает тебя под свой колапак. Ведь задохнешься же! Тебе же, чтобы с ним рядом жить, кислородную подушку под рукой всё время иметь надо». Тогда Ксюша не придала этим словам значения. Но иногда казалось, что кислородная подушка была бы ей просто необходима.

Наверное, всё было бы проще, если бы она сама когда-то выбрала его, Кнутикова. Полюбила бы, что ли. Но она не то что не полюбила — она долго его вообще не замечала. Их отношения явились следствием активных действий Кнутикова. Он окружал её собой всюду. Бегал за ней в магазин и приглашал на обеды, покупал лекарства, когда она болела, и готовил бульоны, чинил полки в её комнате, кажется, готов был даже штопать Ксюшины носки.

Уже потом, постепенно привыкая, она начала разглядывать в нём что-то, шарахаясь от одного полюса к другому, но как следует так и не разобралась ни в нём самом, ни в своём отношении к нему.

Кнутиков ушёл, а Ксюша лежала и думала: а если этот её друг, Каурин, прав и кнутиковский мир не для неё? Или она не для него? Или она в этом чего-то не понимает? Или не понимает ничего?

Так и не придя ни к каким выводам, Ксюша не заметила, как задремала, добирая остатки незадавшегося ночью сна.

Проснулась она от ощущения комариного укуса: что-то укололо её в нос. Приоткрыла глаза: на подушке лежала полураспустившаяся роза. Роза-дичок. Колючка, уколочная её, была одним из шипов.

В каком-нибудь сентиментальном романе героиня, наверное, должна была умилиться и воскликнуть: «Ах, какая прелесть! Откуда?»

Но «откуда» спрашивать было бессмысленно, поскольку Ксюша знала и так: с ближайших задворков.

С розой под носом лежать было неудобно, она пошевелилась, выдав себя.

— Это для тебя! — увидев её приоткрытые глаза, торжественно произнёс Кнутиков. — Она такая же прекрасная и колючая, как моя маленькая девочка.

— Благодарю. Считаю, что я тронута. Могу я спать дальше?

— Конечно, дорогая! — ворковал он привычным голосом. — А я пока приготовлю тебе завтрак.

Зарывшись с головой под одеяло, Ксюша снова попыталась уснуть. Но сон исчез, нейтрализовавшись стойким ароматом розы.

От нечего делать она стала наблюдать за Кнутиковым сквозь узкую щель в одеяле. Она видела, как основательно и неспешно он заваривал чай, не забывая при этом помешивать ложечкой. Как основательно и неспешно мазал булку маслом. Вот он разложил бутерброды на тарелке веером и отошел полюбоваться, как это выглядит со стороны. Словно заранее предвкушая, как он покажет ей и как она это оценит.

Вот он подошёл к кровати, видимо, собираясь её будить. Но, вздохнув, лишь поправил на ней одеяло.

Словно в подзорную трубу Ксюша наблюдала за его действиями, пытаясь понять, нравится ли он ей, ну хоть самую чуточку, хоть совсем немножечко, если подойти к этому делу вот так, с утра, с невыспавшейся головой?

Было жарко, Кнутиков ходил по комнате в футболке, оттеняющей его плечи, загорелые, сильные руки. Да, сильными-то их назвать можно, но вот красивыми... Здесь ломается стереотип. Его ладони требуют отдельного описания. Ни у кого Ксюша не видела таких огромных ладоней — видимо, наследство, доставшееся ему от деда-пахаря. Каждая напоминала ковш экскаватора в миниатюре. «Лопатки», — шутя называла их Ксюша. У него это вызывало удовлетворенный смех: «Зато своего не упустят! Считаю, Багрянцева, что ты в надёжных руках!»

А шея его, и до сих пор ещё крепкая, раньше, по свидетельству очевидцев, вообще являлась притчей во языцех: представляла собой монолит, крепости и прочности которого мог позавидовать сам царь деревьев — дуб.

Ксюше достался уже слегка обветшавший экземпляр мужской особи, и его фотографии с легендарной шеей вызывали у неё завистливые вздохи: «Даже шею ты для меня не смог сохранить!» — «Что делать, дорогая, бери уж теперь что осталось, — сочувствовал ей Кнутиков. — И этого могло не быть!»

Так и не решив свой существенный вопрос, Ксюша пошевелилась, выдав Кнутикову, что не спит.

— Ну, вот и молодец, что проснулась! — снова воркотнул он. — А то я всё не решался будить. Давай завтракать, дорогая, у меня уже всё готово. А чего это мой маленький сегодня с утра такой сердитый?

— А чего радоваться-то? — поморщилась Ксюша, привычно отреагировав на «маленького». — Почти как у Высоцкого: придёшь домой — тут ты сидишь.

— Наверное, мой маленький сегодня просто не выспался.

— Может, и не выспалась, — сев на кровати, Ксюша по горло укуталась простыней.

— Да, — глядя на неё, покивал Кнутиков, — кажется, вторая кровать была здесь явно лишней.

— Твои деревенские фантазии, как всегда, дальше этой темы не идут.

— Это не только мои деревенские фантазии. Как показывает опыт...

— Чей опыт? — прицепилась Ксюша.

— Ну, опыт многих поколений. Я-то знаю чисто теоретически, — покрутил он пальцами в воздухе, — из многочисленных литературных источников, по результатам авторитетной статистики...

— Понятно. И что говорит авторитетная статистика?

— Ну... Ни для кого не секрет: только в соединении мужского и женского начала возникает единое гармоничное целое. Поодиночке они несовершенны и не способны создать ничего стоящего. А если переводить это на язык символов... — разглагольствовал Кнутиков.

— Ой, только не говори мне, что если в песне

Новеллы Матвеевой звучит слово «гвоздь», на котором висел плащ любимого, то она испытывала женскую неудовлетворённость, — попробовала отмахнуться Ксюша.

Кнутиков отвечал на полном серьёзе:

— Но ведь любимый же ушёл. И потом она писала это не на сознательном уровне, за неё действовало подсознание. И если женщина пишет слово «гвоздь»...

Ксюша поправила:

— Не женщина — поэт.

— Если женщина-поэт пишет слово «гвоздь»... — нудил Кнутиков.

Ксюша скорчила лицо:

— Меня сейчас стошнит.

— А что я такого сказал? Всем известно: всё длинное, вертикальное, твёрдое обозначает мужское начало, а круглое и мягкое — женское.

— Как же в этом разрезе рассматривать Останкинскую или Эйфелеву башню? Они торчат, значит, несут в себе мужское начало, но внутри круглые, значит, — и женское.

Кнутиков задумался, почесывая голову.

— Да, с башнями что-то не то... — озадачился вконец. — Знаешь, дорогая, сейчас в природе всё так напутано: гермафродиты всякие. Что же ты от башни-то хочешь? Но если развивать эту тему дальше... Даже по поэтическому словарю автора можно определить, какое начало он в себе несёт. Взять, например, того же Юрия Поликарповича Кузнецова — у него явно выражена склонность к мужскому началу. А вот у твоего любимого Мандельштама...

— Ты сейчас договоришься! — перебила Ксюша.

— Я же имею в виду не половую ориентацию, а поэтическую. Не будешь же ты отрицать, что в поэзии Марины Цветаевой число мужских символов преобладает над женскими.

— Проживёшь такую судьбу, как ей выпало, — будет преобладать! — Ксюша почувствовала, что ей уже хочется бутерброд: филологическая разминка ума повлияла на аппетит.

— Ну, сама посуди, какие предметы созданы для мужчин? Ножи, штыки, сабли, автоматы всякие. А для женщин: пальцы, тазы, кастрюли, поварёшки.

— Добавь к поварёшкам ещё руль от машины, — дополнила Ксюша. — Он тоже круглый.

— Ну, руль-то я тебе добавлю, — нехотя согласился Кнутиков. — А вот насчёт машины... Ну разве что стиральной...

— Вот так всегда, — вздохнула Ксюша, — сначала — руку и сердце, а потом — стиральную машину.

— Зато, дорогая, теперь промышленность выпускает бумажные подгузники.

— Да... Теперь мне понятно, почему ты весь такой твёрдый и грубый, — не стала Ксюша углублять тему.

— Я весь такой твёрдый и грубый, чтобы мягкому и слабому было на что опереться, — похлопал себя по груди Кнутиков. — У мужчины, дорогая, испокон веков была роль добытчика. Он ходил в тайгу, забивал зверя, а своей любимой приносил мясо и шкуру.

— В тайге-то я тебя представляю... Тарзаном, сидящим на ветке, — вовремя вспомнила Ксюша его фото с длинными волосами.

— О, Тарзаном — это хорошо! — Кнутиков даже передёрнулся, словно и впрямь увидев себя в джунглях. — Дорогая, но тебе не кажется, что мы занимаемся не тем? Женщина в постели не должна так много разговаривать.

— Да? Это интересно. А чем же она должна заниматься?

— Завтракать, дорогая, только завтракать! — протянул он ей бутерброд с тарелки.

Ксюша надкусила бутерброд. Сделала глоток чая.

— Даже удивительно, и как это тебе сегодня удалось ничего не испортить? И чай похож на чай...

— Я же старался.

— И как это такой твёрдый и грубый предмет, как нож, мог создать такие мягкие круглые бутерброды с сыром? — вновь поддела Кнутикова Ксюша.

— Говорю же, только в сочетании двух начал... — нашёл что ответить он.

Ксюша пила чай, ела бутерброд, являющийся образцом соединения двух начал. И думала: «А шея у него, кажется, и сейчас ещё ничего...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Кнутиков едва не разделил печальную участь Пушкина, но Ксюша вовремя успела устранить Дантеса

— ...И что же всё-таки мы будем делать? — спросила Ксюша.

До прибытия теплохода оставалось ещё около четырёх часов. В программе было два альтернативных варианта: либо занять очередь за билетами на теплоход, либо... с риском остаться без билета отправиться пить кофе на пешеходную улицу. То есть, если они встанут в очередь за билетами, теряют местный Арбат. Если они выбирают Арбат, есть шанс потерять теплоход. Такого, конечно, допустить было нельзя. Но и в этот город вряд ли они ещё когда-нибудь вернутся.

— Ну так что? — опять спросила Ксюша.

Но Кнутиков уже заранее с ней во всём согласен, отчего у Ксюши возникло ощущение, что советуется она сама с собой.

«Похоже, выдохся на производстве бутербродов», — поглядела она на хвост очереди, вьющейся в ожидании теплохода.

— А, была не была! — и они заскочили в поданный словно специально для них троллейбус.

На пешеходной улице — шум, гам, многолюдье. Отовсюду звучала музыка, шекотал ноздри запах готовящихся на мангалах шашлыков.

Осмотрев достопримечательности и насладившись работами местных мастеров, Ксюша и Кнутиков не выдержали критической атаки на желудки и... решились, в очередной раз наплевав на строжайшую экономию, заказать себе по национальному блюду в горшочках и ещё «вот это жёлтое в тарелке», оказавшееся пирожными местного производства. Пристроившись на свежем воздухе, они наслаждались угощением.

А местный колорит... О, местный колорит!..

Итак, дул ветерок, звучала музыка, настроившая на лирическую волну, вокруг шумел прекрасный чужой город, который уже успел хоть немножко стать своим. И хотелось... чего-нибудь необыкновенного. То есть самого обыкновенного-необыкновенного. Хотя бы живого собеседника рядом.

— Кнутиков, скажи что-нибудь!

Ответом было похрустывание жующих челюстей.

Через пять минут Ксюша повторила просьбу:

— Ну хоть что-нибудь-то ты можешь сказать?

— Да что сказать-то?

— Ну, что-нибудь такое... Чтобы я могла потом вспоминать: «Это он мне сказал, когда мы сидели в славном городе Казани, прежде чем покинуть его навсегда. Дул ветерок, звучала музыка, улица глядела на нас глазами отреставрированных витрин, а вокруг бродили странные люди с глазами навькате».

— Не, такого я сказать не могу...

— Ну, тогда... скажи что хочешь. Что лежит на сердце.

Ксюша была уверена: если у человека есть сердце — на нём обязательно должно что-нибудь лежать.

И Кнутиков действительно сказал:

— Зря мы потратились на эту баранину! Лучше бы сэкономили.

Ксюша вздохнула. От нечего делать она стала разглядывать витрину с манекенами, находящуюся за спиной у Кнутикова. Там, за стеклом, среди предметов, напоминающих большие детские кубики, находились три человеческие фигуры. Надо же, манекены, а как живые! Музей восковых фигур им явно бы позавидовал. Но вдруг один из манекенов ей подмигнул.

Ксюша вздрогнула, почувствовав себя Пигмалионом, оживившим статую. Правда, в качестве Галатеи сейчас выступал светлоглазый парень в рубашке с распахнутым по-летнему воротником.

— Так... ты ничего и не придумал? — вновь обратилась она к Кнутикову.

— А чего надо придумать-то?

Стоящий в витрине парень-манекен, видя направленный на него заинтересованный взгляд, по мультипликационному задергал головой и улыбнулся. Ксюша, не удержавшись, ответила — такова была сила обаяния манекена. И тут же поняла — делать этого не стоило: тот ожил ещё больше.

Она сделала глоток морса, чтобы поскорей покинуть это место с молчаливыми собеседниками и выходящими на живой контакт манекенами.

А тот в витрине, похоже, решил устроить представление по полной программе, а может,

так и было задумано, чтобы обольщать сердца доверчивых посетителей.

Кнутиков же, ничего не замечая, продолжал бороться с куском старого татарстанского барана.

А в витрине шло уже настоящее представление даже с почти классическим сюжетом: парень-манекен, изобразив пальцами нечто наподобие пистолета, сделал вид, что целится в спину Кнутикова, с унылым видом Пьеро дожевывающего баранье мясо.

Ксюша на миг представила: за спиной Кнутикова — коварный Дантес, светский искуситель, строящий козни. А он, доверчивый Пушкин, прикрывает её собой, пусть даже таким несколько экстравагантным способом.

Губы Ксюши предательски дрогнули — брызги красного морса окропили физиономию и светлую рубашку Кнутикова.

— Что с тобой? — так ничего и не поняв, утёр Кнутиков освежившую его жидкость. И только сейчас заметил странное выражение Ксюшиного лица.

«И вот, как следствие коварной дуэли, пятна крови на его распахнутой груди», — подумала она. Улыбнувшись, сказала:

— Ничего. Просто меня так развлекает твоё молчание. Оно кажется мне таким красноречивым...

— ...Вот видишь, дорогая, как полезно мясо есть! Сколько энергии-то прибавилось — насилу догнал! — выпалил Кнутиков, когда Ксюша, сбив стул и чуть не врезавшись в витрину, первой вылетела из-за стола.

Теперь они шли торопясь, опаздывая не только к прибытию теплохода, но уже и к его отплытию. Спасти их могло только чудо.

И чудо не замедлило явиться: хлынул дождь. Впрочем, назвать дождём это разверзшееся мракобесие было бы несправедливо. Природа, казалось, именно сейчас решила отрпетировать сцену всемирного потопа.

Зонт, вывернутый наизнанку, уже не спасал, и, добежав до ближайшей остановки, они напоминали довольно жалкое зрелище двух потерпевших кораблекрушение — в одежде, которую хоть выжимай, и таких же насквозь промокших кроссовках.

Опаздывая, всё же добрались до спасительной остановки, не понимая, почему проскакивают мимо редкие троллейбусы? Единственным, хоть и слабым утешением могло служить то, что в этой водяной стихии плыл весь город. Ксюше вспомнилась поэтическая строчка: «По колено затоплены тополи...»⁹, а потом ещё: «Вся Москва на яликах плывёт...»¹⁰ Правда, плыла не Москва, а Казань, а вместо яликов были тонущие троллейбусы, но так как к водоплавающим они относились мало, то, мечта искры, вспыхивали и замирали на месте, вываливая пассажиров прямо в бунтующие потоки.

Вдобавок наконец выяснилось, что стоят Ксюша и Кнутиков не на той остановке. Где «та», нужная — неизвестно, да и дойти до неё по колено в воде не представлялось возможным. Положение становилось катастрофическим, к отплытию теплохода они опаздывали уже безбожно, но что предпринять, не знали.

— Ну придумай же что-нибудь! — устав дергаться и выскакивать навстречу любому показавшемуся на дороге транспорту, обернувшись Ксюша к Кнутикову, пристроившемуся под кустами акаций.

— А что я могу придумать? — донеслось из-под кустов. — Значит, не судьба. Видимо, Богу угодно, чтобы мы не попали на этот теплоход.

— Богу?.. угодно?! Неужели он настолько занят этой темой? — досадливо усмехнулась Ксюша. — А может, ему угодно, чтобы мужчины хоть иногда делали что-то и сам, а не прятался за чужие спины?

— Ну, а от меня-то ты чего хочешь?

— Уже ничего! — Ксюша снова, размахивая руками, бросилась наперерез едущей машине, пытаясь её остановить.

Она и сама не поняла, что произошло, только вдруг, подхваченная чьими-то руками, взлетела в воздух.

— Ты что, с ума сошел? Отпусти меня сейчас же!

— Ты хотела, чтобы я что-нибудь придумал, — вот я и придумал!

— Что? Бросить меня под колёса?

А Кнутиков с Ксюшей на руках выскочил на середину дороги, которая сейчас больше напоминала один из притоков Волги.

— Ты хотела, чтобы я совершил поступок — вот я его и совершаю!

Легковушка затормозила, из окна высунулось сердитое лицо водителя.

— Помогите! — не дал Кнутиков разразиться грому. — Надо срочно отвезти женщину на причал! Ей плохо. Из туристов она, с теплохода!

Водитель ещё посмотрел недовольно, но, чуть подумав, махнул рукой:

— Ладно, садитесь!

Ксюша спрыгнула было на землю, но вспомнив, что ей должно быть плохо, сделала томное лицо и с трудом забралась на сиденье.

Возле причала Ксюша вышла первой, не желая видеть, как Кнутиков будет расплачиваться с водителем.

— Ну, Кнутиков, — покачала она головой, когда тот вышел из кабины. — Да ты становишься просто... моим достойным учеником!

И в самом деле, у Кнутикова был вид человека, про которого можно сказать «ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы нашей столицы».¹¹ Ищут, но совсем не из плохих соображений.

— Так ведь, Ксюшик, — гордо пошевелил Кнутиков плечами, — сама знаешь: с кем поведёшься... — продолжать пословицу он не стал.

ЧАСТЬ II. ТЕПЛОХОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Кнутиков ведёт неравную борьбу с полотенцами, а Ксюша делает жизненно важное признание

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Не заходя в гостиницу, Ксюша и Кнутиков бросились к причалу. Как там их теплоход? И замерли ошеломленные. Теплоход стоял. Да ещё и не один — целая стая теплоходов. Пришвартовавшись один к одному, словно большие белые утицы, они важно покачивались на воде. Красивые, белые, многопалубные...

— Вы случайно не знаете, который здесь пассажирский «Владимир Маяковский»? — спросила Ксюша пожилого матроса, который не спеша покуривал, облокотившись на поручни трапа.

— «Маяковский»? — глухо переспросил тот и замер, словно к чему-то прислушиваясь.

Затянувшееся молчание действовало на нервы: на счету была каждая — уже даже не минута! — секунда.

— Да, «Маяковский!»! — переминалась с ноги на ногу Ксюша. — Поэт!

«Ну что же он медлит-то?!» — мысленно волновалась она.

А матрос всё продолжал молчать, тянувшись куда-то ухом. И вдруг со стороны реки, из-за спин других стоящих теплоходов, грянуло:

— *Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам —
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию, Бразилию...*¹²

— Ну вот! — кивнул матрос, будто обрадовавшись. — Уплыл ваш «Маяковский»!

— Как уплыл?.. Как это — уплыл?.. — опешила Ксюша.

— Как все теплоходы уплывают.

Не веря своим глазам и ушам, Ксюша и Кнутиков всё ещё продолжали стоять на месте — стоять и смотреть.

Уплыл, значит... «Маяковский» этот. Поэт этот... А вместе с ним уплывало то, ради чего они спешили, мокли под дождём, преодолевали расстояние, тащились на поезде, специально остались ночевать в гостинице на берегу, чтобы укараулить. И вот теперь...

— А догнать? — всё ещё не могла поверить случившемуся Ксюша.

Она и впрямь готова была броситься хоть вплавь, но в гостинице ещё оставались их вещи.

— Уже не догонишь. Да вон он разворачивается, — ткнул пальцем матрос.

Ксюша и Кнутиков увидели, как, вырливая из-за спин других теплоходов, выплывал он — большой белый многопалубный красавец. Самый прекрасный теплоход на свете, ведь он увозил с собой их несостоявшиеся надежды.

А на палубе стояли люди, они махали руками, шляпами, косынками, шарфиками и тоже уплывали. Но среди пассажиров их, Ксюши и Кнутикова, не было.

— «В Бразилию, в Бразилию!..» — передразнила Ксюша.

— Да уж, — пробормотал стоящий за её спиной Кнутиков. — Тут не знаешь, как до Самары добраться.

— А они... эти теплоходы, — покосилась Ксюша на три стоящих рядом судна, — нас взять не смогут?

— Эти-то? Это туристские, — отмахнулся матрос, жестом подчеркивая всю их бесполезность. — Тот был единственный пассажирский.

Ксюша и Кнутиков покинули ничем не порадовавшего их матроса и, отойдя вглубь набережной, сели на лавочку. Состояние у них было такое, будто только что оба получили нокаут.

— Ну и что делать будем? — первой подала голос Ксюша, отупевшая от такого поворота.

Кнутиков пожал плечами:

— Не знаю.

«Тупой и ещё тупее», — злилась про себя Ксюша. Вслух спросила:

— А кто должен знать?

— Ну ты же у нас главный мозг, — пожал Кнутиков плечами и тут же заторопился: — Но даже и ты зашла в тупик!

— Между прочим, хочу напомнить... — голос Ксюши вибрировал в опасной тональности. — Не далее как вчера ты оповестил, что собираешься быть мужчиной, который сам принимает решения.

— Так видишь... — мялся Кнутиков. — В теории-то всё получается проще. Не могу же я присвоить себе твои стратегические мозги. Ты успеваешь думать за нас обоих.

— А может, мне просто приходится это делать? Ну раз ты же не хочешь ничего предпринимать, ведь для этого надо прикладывать усилия. Конечно, легче, когда за тебя вечно решает другой!

Ксюша чувствовала, что начинает заводиться. Сплелось всё: дождь, ушедший теплоход, мокрая одежда, её тупое подпрыгивание на остановке и постоянная необходимость всё решать за двоих.

— А потом, — продолжила она, — ты сообщешь, что хочешь быть мужчиной... Ведомым колесом! Иголкой, за которой должна следовать нитка! Но как можно следовать за тем, кто сам пытается всё время пристроиться сзади?! Скажи, как? Может, ты знаешь такой способ?

Кнутиков молчал, нахохлившись.

Ксюша решительно встала:

— В общем, так. Вот что я тебе скажу... — По-

чувствовал её интонацию, Кнутиков встал тоже. — Когда научишься быть мужчиной, тогда и претендуй на место в моей жизни! Понял? — она отвернулась от него и пошла прочь.

А с борта отошедшего теплохода ещё была слышна музыка... А манящие стаи чаек тянулись следом... А по палубе гуляли люди, и, наверное, многие из них ехали туда же, куда и нужно попасть Ксюше и Кнутикову. Только, в отличие от них, эти люди туда попадут!

Ксюша отошла от Кнутикова, но решением проблемы это не стало. Ещё немного поразмыслив, она снова направилась в сторону стоящих на воде теплоходов. Возле матроса, обрубившего их мечты, остановилась. Через пять минут, заручившись информацией, шагнула на теплоход, носящий имя «Яков Свердлов». Ксюша прошла весь путь от дежурного матроса, помощника капитана, самого капитана и уперлась в заведующего экскурсионным бюро. Но всё оказалось напрасно.

Та же история ждала её и на «Феликсе Держинском». Оставался один, последний — «Михаил Лермонтов»...

Примерно через полчаса Ксюша вновь ступила на берег. На лице её сияла улыбка Виктории-победительницы.

Кнутиков был на том же месте, где она его и оставила, в той же позе, с выражением прокисшей сметаны на лице.

— Ну, ладно, мужчина, не тяжелей, как груша в период плодоношения, — подошла к нему Ксюша.

Полученная ею информация требовала незамедлительности действия.

Кнутиков продолжал гвоздить взглядом небо.

Конечно, Ксюша могла бы сказать просто: «Пошли!» — и ему бы ничего не оставалось, как идти следом. Но сейчас у неё было слишком хорошее настроение, чтобы так упростить задачу.

— Ну, котик, всё, хватит обижаться. Время, отпущенное на семейную сцену, прошло, — видя, что Кнутиков не окончательно «дозрел», добавила, ещё больше смягчая интонацию: — Ты же знаешь: ты мой единственный, мой самый главный мужчина!

— Главный? — хмыкнул, не удержавшись,

Кнутиков. — Интересно, а сколько их у тебя ещё — не главных? Конечно, знаю я их... — но, к счастью, и на этот раз он удержался от перечисления фамилий.

— Ну, ладно. Всё. Скажи «мур-мур». И пойдём собирать вещи. — Ксюша чувствовала, что Кнутикова и самого уже раздрает любопытство. — Ну же, давай быстренько говори «мур-мур»...

Кнутиков, может, и не хотел, но губы сами начали предательски расползаться.

— Мур! — ещё пытался он удержаться.

— Ну вот, снова ты мурлыкаешь, как дикий беспризорный кот. А ты помурлыкай как хороший домашний котёночек. Ну же!

— Му-ур, — он ещё старался, но, не выдержав, фыркнул, окончательно рассмеявшись.

— Знаешь, Багрянцева, в чём-то ты и права. Если я не мужик — так прежде всего в том, что даже и обидеться на тебя как следует не могу. Вроде думаю: «Вот возьму сейчас и обижусь!» А ты посмотришь — и всё! Мне смешно только!

— Вот видишь, как я удлиняю тебе жизнь, ведь смех — это сам знаешь... Ну, а сейчас... — Ксюша сделала интригующее лицо.

— Ладно, давай колись, Багрянцева! Что ты ещё придумала?

— Следуйте строго за мной, господин Кнутиков! — и Ксюша решительно шагнула вперёд.

— С удовольствием, дорогая! — весело засеменял Кнутиков следом. — И если ты надеешься, что я хоть когда-нибудь от тебя отстану, ты в этом глубоко заблуждаешься!

Итак, в их кармане — Волга, суточная крыша над головой и почти обеспеченное — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! — завтрашнее прибытие в Самару.

В гостинице, уже уложив вещи, Кнутиков взял в руки гитару, призывно кивнул Ксюше:

*— Вот и время подходит,
И пора уходить.
На реке пароходик
Басовито гудит.*

*Приближает будильник
Драматический миг,
И бурчит холодильник,
Словно пьяный старик.*

Хоть момент был и не самый подходящий, но Ксюша подтянула, чтобы уж окончательно не гасить кнутиковскую инициативу — да и не зря же они везде таскают с собой гитару:

*— А матросик у сходаен
Будет хмурым, как чёрт.
Принимай, парходик,
Пассажира на борт.*

*Чуть помедлив минуто,
Я по трапу сбегу.
Мне не надо каюты,
Я и в трюме могу...*

— На трюме давай и закончим, — позволила себе Ксюша прервать песню. — Это как раз тот «люкс», который, надеюсь, нам сегодня будет обеспечен.

За время их союза у них появилось немало и общих песен, но это была личная — кнутиковская. Как-то уж так сложилось, что заканчивать вечер гитарой стало для них обычаем — святым и неизменным ритуалом. Хотя насчёт собственно исполнительства мнение у них было и не завышенное, но их самих оно вполне устраивало.

— Давай одевай свою любимую женщину, — шутя покосилась Ксюша на чехол от гитары. — Надо спешить.

Кнутиков взял матерчатый чехол, натянул его на корпус гитары, аккуратно застегнул на ней пуговицы. Ксюша окинула взглядом комнату, давшую им на сутки крышу над головой. Взгляд невольно задержался на розе:

— Жалко розу, она словно просится, чтобы мы её взяли.

— Так возьми. Надеюсь, дорогая, тебе не будет тяжело её нести, если я возьму всё остальное? — выпендрился он в очередной раз.

— Нет, дорогой, мне не будет тяжело нести и всё остальное.

Спустившись вниз, они поблагодарили улыбчивую горничную и направились в сторону причала.

Выйдя на причал, с гордой независимостью они прошли два не приютивших их теплохода. Да и что взять с них, с деятелей этих политичес-

ких? Гостеприимно распахиваться могут только сердца поэтов.

— «Маяковский»-то нас не взял! — съязвил Кнутиков. — А вот «Лермонтов» взял!

— Значит, для нас Золотой век оказался предпочтительнее Серебряного. На то он и Золотой! — Ксюша намёк поняла, но реагировать не стала.

Прежде чем получить ключи от каюты, требовалось выписать билет у заведующего экскурсионным бюро, а пока существовала лишь предварительная с ним договоренность.

Заведующий экскурсионным бюро Ксюше понравился сразу, возможно, поэтому им и удалось договориться. У него были большие тёмные и какие-то печальные, даже трагичные глаза. В них жила тайна.

Ксюша и Кнутиков нашли заведующего опирающимся на бортик палубы.

— Да-да, — кивнул он с готовностью. — Пойдёмте! — и замелькал в узком проходе стрелками хорошо отутюженных брюк.

В его стремительной походке была уверенность человека, привыкшего чувствовать себя на корабле как дома. Он распахнул перед посетителями дверцу, и они вошли в крохотную каютку, стены которой были сплошь увешаны плакатами и календарями с видами городов.

— Вам, наверное, желательно что-нибудь подешевле? — спросил заведующий.

И это тоже понравилось Ксюше: «Мало того что берёт на борт, так ещё и заботится, чтобы подешевле обошлось...»

— В трюме — устроит? Места, конечно, не самые шикарные, зато недорогие.

Заведующий экскурсионным бюро уже выписывал им суточные путёвки на стандартном бланке «Волгобалт-тур».

Сидя напротив за узким столиком, Ксюша порой поглядывала на него. Что-то в нём было... Казалось, мужчина всё делал автоматически, машинально, а душой находился где-то в своём недостижимом далеке. Почему-то Ксюше вспомнился Блок: «Как тяжело мертвецу среди людей — живым и страстным притворяться...»

— Вы плывёте от Ярославля? — спросила она.

Заведующий кивнул, соблюдая вежливость, но на разговор особенно не напрашивался.

— Да, до Астрахани и обратно.

— И что, в каждом городе экскурсии?
 — Практически да, по желанию туристов.
 — А не тяжело так всё лето плавать? — что-то заставляло Ксюшу тянуть ниточку.
 — Тяжело? — переспросив, мужчина чуть помолчал, но потом всё же ответил, и ответ его больше напоминал вопрос. — А что уж на берегу-то такого особенно хорошего? Здесь, на корабле, хоть какое-то разнообразие, — наконец он вручил Ксюше заполненные бланки: — Ну, вот вам путёвки. Идите устраивайтесь!

Так немногословно решила их с Кнугиковым судьба. Она явилась к ним в виде ходячей элегантности с выражением загадки в тёмных глазах. Впрочем, эти наблюдения касались только Ксюши.

Проблуждав по внутренним лабиринтам теплохода и уже почти ощутив себя жителями ущербного подземелья, Ксюша и Кнугиков наконец отыскали свою каюту. Та обнаружилась в конце узкого коридорчика ближе к корме теплохода.

Войдя внутрь, остолбенели. Казалось, они попали не в каюту трюмной зоны, а в уголок восточного гарема. Две диванные полки, расположенные друг над другом, манили уютной плюшевой обивкой. На них возвышались стопки хорошо накрахмаленного постельного белья с пиками лихо закрученных полотенец. За лёгкой перегородкой, отделявшей спальную часть от коридорной, блеснула кафельным глазом умывальная раковина. Всё в каюте поражало комфортом и чистотой.

На такой щедрый уют Ксюша и Кнугиков и не рассчитывали.

— Вот так трюмная зона! — воскликнула она.
 — С горячей водой, туалетом! Да здесь жить можно!

Словно окончательно впав в детство, они гладили пушистый ворс обивки, проверяли работу кранов, выглядывали в иллюминатор, ощущая плещущуюся рядом Волгу. Сложно было поверить, что всё это хоть на сутки принадлежит им! А если к этому ещё добавить нежное благоухание розы, которая, словно радуясь, что её взяли, щедро дарила свой аромат, то становилось ясно: уходить отсюда уже не хочется.

До отправления теплохода оставалось около

двух часов, пассажиры разбрелись на осмотр достопримечательностей. Поручив Кнугикову запасти продукты, — уж тут не требовалось особой гениальности, — Ксюша осталась наслаждаться оплаченным комфортом.

Разрушив хрустящую чистоту белья, под глотки свежесваренного кофе она принялась просматривать купленные ими в городе газеты и журналы. Теплоход вибрировал, мирно плескался в иллюминаторе Волга, и можно было наконец расслабиться и никуда не спешить. Промокшие волосы постепенно высохли, но в теле ещё сохранялась зябкая свежесть окатившего их дождя. Ксюша и сама не заметила, как задремала...

Проснувшись от мягкого жужжания вентилятора над головой. Посреди каюты стоял Кнугиков с раскинутыми на вытянутых руках полотенцами.

— И что делать с таким количеством? — размышлял он, беседуя, похоже, сам с собой.

Ещё не окончательно проснувшись, Ксюша принялась наблюдать. Кнугиков, обвешанный полотенцами, кого-то напоминал. И, похоже, именно того, кого обычно ставят на огороде.

— И зачем столько? — искренне удивился он.
 — Сразу видно, что тонкостям светской жизни ты не обучен, — позевывая, отреагировала Ксюша. — В дорогих гостиницах в приличных номерах кладут, между прочим, по пять-шесть полотенец и меняют каждый день.

— По пять-шесть? — ещё больше удивился Кнугиков. — Зачем?

— Ну, с одним полотенцем, например, в солиерий сходить. С другим — в бассейн. С третьим — в сауну, с четвёртым...

— Но здесь-то солиерий нет! Зачем же столько? — не унимался Кнугиков.

— Ну, не будет же культурный человек лицо и ноги в одно полотенце вытирать! — заметила Ксюша. — А предполагается, что на борту теплохода находятся только культурные люди. Вот ты, к примеру, во что вытираешь ноги, когда их моешь?

Кнугиков слегка задумался.

— В походных условиях, в тайге, я их вообще у костра сушу!

— Можно подумать, что ты всю жизнь провёл в тайге! Скажи лучше, что вообще не привык их

мыть! Да, Кнутиков, не хватает тебе аристократичности воспитания! — поддела Ксюша. — Жену бы тебе хорошую!

— Так в чём же дело, дорогая? — оживился он.
— Если бы только ты взялась меня осчастливить, я бы мыл ноги каждый день!

— Выходить замуж только для того, чтобы ты мыл ноги? — Ксюша окончательно проснулась.
— Боюсь, это слишком большая честь для меня!

— Ну, хорошо, тогда скажи, для чего женщины вообще выходят замуж?

— Ты имеешь в виду «официально выходят»? — на минуту задумалась Ксюша.

— Ну да, официально.

— Ну, наверное, для того, чтобы иметь потом возможность официально развестись.

— Ну, Багрянцева, — крикнул Кнутиков, — какая же ты испорченная!

— Ну, а как же потом, если что, — значительно намекала Ксюша, — доказать, что ты не жена? Лично я знаю подобные случаи.

— Нет, ты окончательно испортилась!

— Так ведь сами и... — слово «портили» Ксюша недоговорила. Перед глазами снова проскочил их студенческий коридор, куда без дерзкого филологического анекдота и хорошей шутки лучше было не выходить.

— Нет, раньше, Багрянцева, ты такой не была!

— Раньше? Я вообще уже забыла, что такое раньше... — Ксюша наблюдала, как, отложив полотенца, Кнутиков берёт в руки гитару, бережно расстегивает на чехле пуговицы. Наконец, положив её на колени, тронул струны.

Наверное, история будет неполной, неправдивой, да и неискренней, если не рассказать её до конца.

Вот именно тут это и происходило. Начинать звучать их личный дуэт, их диалог, понятный лишь им одним, — язык жестов, взглядов, мимики. Куда бы никак не смог встроиться третий, а если бы и попытался, вряд ли бы здесь чего-нибудь понял.

Происходило нечто. Магия, рожденная ещё в первый день, вернее, вечер, когда после полугодового знакомства, в результате которого Ксюша замечала Кнутикова не больше, чем в начале, — вдруг... что-то зазвучало. Вопреки логике и здравому смыслу вопреки. Зазвучало и с тех пор

продолжало звучать. То, что не могли объяснить себе ни он, ни она. Он, готовый объяснить всё что угодно, со свойственной ему деревенской добротностью и конкретным знанием жизни, этого-то как раз объяснить и не мог. И она со своим протестующим романтизмом против его бытовизма, конкретности, повседневности — она этого объяснить не могла тоже.

«Это за пределами моего понимания, — говорил Кнутиков. — Будто вообще другой мир...»

И он брал гитару, и медленно, словно нехотя, начинал расстегивать пуговицы на чехле, снимая его. Кнутиков знал, что в такие моменты ни одно его движение не ускользнет от Ксюшиного взгляда. Он прикасался к гитаре — со смыслом, с чувством, как к живому существу. А она читала его движения, как читают книгу. И в этот момент она даже ревновала его к этой струнно-деревянной особе.

И наступала магия — их личный космос, принадлежащий только двоим. Остальной мир пропадал для них, вернее, они пропадали для него, слепли и глохли. Существовало лишь то, что было между ними.

Вот в этом-то, наверное, и было всё дело, — что мешало Ксюше развернуться и... Как бы ни реагировала она на всё остальное в Кнутикове, знала, что наступит момент, когда начнет звучать их гитара, их песня, их музыка — музыка, странным образом рождавшаяся непонятно из чего. Оба, такие разные, такие непохожие, рождали эту музыку только дуэтом. Именно поэтому, расставшись в силу собственной непохожести, они прорывались друг к другу снова и снова через годы, города, расстояния, события, других людей, с которыми порой пытались услышать ту же музыку. Но музыка не звучала, она была неизменной принадлежностью только их дуэта. Надо было в конце концов решать, что с этим делать. Либо расстаться, уже окончательно и бесповоротно, навсегда, и строить каждому свою собственную жизнь, пусть даже и без этой звучащей музыки. Либо — остаться вместе и... Но вот это-то «и» — и мешало! Потому что, кроме музыки, ещё была жизнь — жизнь, в которой Ксюша, как ни старалась, не видела Кнутикова в качестве мужа. Не видела — и хоть тресни! Но теперь после похода было решено поставить окончательную точку. Либо — вместе вперёд, либо...

— ...Если честно, — посмотрела на Кнутикова Ксюша, — к этому вопросу я отношусь серьёзно. И уж если я скажу «да»...

— И что тогда, — перебил он, — мир перевернётся?

— Зачем? Пусть не переворачивается, — пожалала Ксюша плечами. — Просто вопрос о мытье ног пропадёт сам собой. Его не будет стоять вовсе.

— А, ты имеешь в виду, что твой муж будет мыть ноги самостоятельно? Без напоминаний? Дорогая, ты идеалистка! Таких не бывает!

— Что ж, — вздохнула Ксюша, — значит, придётся свой век коротать в одиночестве. Хотя... — и она снова значительно помолчала. — Думаю, в этом отношении всё не так уж бесперспективно. Вспомнить хотя бы сегодняшнего заведующего экскурсионным бюро, его элегантную аккуратность, — дала она понять, что есть мужчины, для которых вопрос о мытье ног равен вопросу о собственной чести. — Кстати, как он тебе?

— Ничего, хороший мужик, — кивнул Кнутиков. — Правда, жаль его немного.

— Чего это вдруг жаль-то? — не поняла Ксюша.

— Да так. Мало ли что, а кругом вода, вода... — странным намёком произнёс Кнутиков. — А мужик-то он и вправду хороший, на теплоход нас устроил.

— Что-то я тебя не понимаю.

— Ты уж на него лучше не засматривайся, — предупредил Кнутиков. — И не распространяй свои фантазии до его ног. А то видел я, как ты глазками...

— О, да ты, оказывается, ревнивый! — усмехнулась Ксюша.

— Я не ревнивый, просто бдительный. — Перебирая струны, Кнутиков уже подсаживался ближе к ней.

— Ладно, Ксюшик, давай-ка лучше я спою тебе... нашу самую короткую песню!

Итак, к отплытию теплохода... они всё-таки успели. А ведь, возможно, они бы его даже и не заметили, если бы вдруг в уши не грянуло: «Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам...»

— Сегодня четверг? — спросила вдруг Ксюша.

— Кажется, среда, — сказал Кнутиков.

— Так, значит, плывем с опережением графика! Ура! — обрадовалась Ксюша.

— Ура! — отозвался Кнутиков.

Их появление на судне не осталось незамеченным.

Стоя на корме среди туристов, плывущих вместе от Ярославля и уже привычных друг другу, Ксюша и Кнутиков ловили на себе заинтересованные взгляды.

С ними самими же происходило нечто: ими словно овладела бесовщина путешествия. С радостью первооткрывателей они носились по теплоходу, заглядывая во все укромные уголки, торопясь насладиться отпущенными им недолгими радостями флотской жизни.

В баре с видом на левый берег Волги, где Кнутиков с сосредоточенным видом поглощал яичницу, а Ксюша тянула через трубочку сок, в очередной раз утомленная его молчанием, она очень вежливо его благодарила:

— Спасибо вам, Афанасий Иванович, за компанию, вы были не менее красноречивы, чем обычно.

А он отвечал ей, почтительно склоняя голову:

— И вам, Пульхерия Ивановна, тоже большое спасибо.

После чего своё «скучание» они перенесли на другой борт теплохода, а там в баре с видом на правый берег реки пили кофе с рассыпчатым печеньем. И Ксюша благодарила Кнутикова снова:

— Вот, Афанасий Иванович, и ещё одно место, где с вами было не более скучно, чем обычно.

— Рад угодить вам, Пульхерия Ивановна! — отвечал Кнутиков.

И они несли своё «скучание» дальше — проветрить на сквознячке постепенно охлаждающего к вечеру ветра.

О, этот освежающий, очищающий души ветер! Они стояли на носу теплохода, а ветер лохматил их волосы, наводя счастливый беспорядок, разглаживая морщины обыденности на лицах: самый лучший косметический массаж — свежим ветром на рассекающем волны носу корабля.

Если бы ещё эти ощущения первозданности счастья можно было перенести с собой в обычный мир...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обморок при виде крошечной ступни,
танцы на палубе и размышления о том,
опасна ли профессия экскурсовода

Авпереди был целый вечер!

Ксюша и Кнутиков успели побывать на коллективном собрании, посвящённом дню Нептуна, где их чуть не включили в его свиту, поучаствовали в принудительно-смеховой викторине и в интимном полумраке кинозала посмотрели какой-то неинтересный фильм.

Иногда, прогуливаясь по палубе, они встречались с человеком, устроившим их на борт теплохода. Проходя мимо, кланялись, чуть заметно улыбаясь друг другу.

Теперь же они сидели на верхней палубе. Подрагивала между ними гитара, теплоход тепло урчал, прочерчивая на географической карте ещё один их общий маршрут.

«Михаил Юрьевич, царство тебе небесное, ты как нельзя лучше воспроизвёл мысль своего собрата по перу: «...Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела»¹³. Воплощённый в металле собрат уплыл, наказав их за опоздание, а ты принял, и теперь, воплощённый в тело теплохода, бесшумно скользишь по воде, — продолжила Ксюша мысленно вести путевой дневник. — Вот так, кажется, больше ничего и не надо — только плыть и плыть навстречу умиротворённому покою. Увидеть вдали вспыхнувший огонёк и, прилепившись взглядом, следить, пока не проплывёт вблизи сверкающее чудо, оглушив на мгновение выплеском музыки и вскинутых навстречу рук. Словно два инопланетных корабля состыковались на миг, чтобы разминуться уже навсегда...»

— Так что же, если я такой, меня вообще и за человека не считать? — неожиданно раздалось рядом.

— Что? — рассеянно спросила Ксюша, продолжая пребывать в своей реальности.

— Я же вижу: ты даже разговаривать со мной не хочешь, — укорял её Кнутиков.

— Почему не хочу? Просто я слушаю ночь.

— Ага, вижу, как ты слушаешь. Даже лицо отворачиваешь.

— Просто я смотрю на воду, — объяснила Ксюша.

— Вижу я, как ты смотришь. Может, объяснишь, почему ты со мной разговаривать не хочешь?

— О боже!

— Нет, ты объясни мне... Имею я право знать? — упорствовал Кнутиков.

— Не хочу, просто потому, что не хочу. Разговаривать сейчас не хочу. Имею я на это право? — вскипела Ксюша.

— Как же... не хочешь. Объясни тогда, почему не хочешь, — Кнутиков не отставал.

Вместо ответа Ксюша протянула руку к гитаре, и полилось:

*Мы слишком разные с тобой, мы слишком разные.
Пускай глаза мои от слёз сегодня красные,
Пускай лицо твоё, как снег, сегодня белое,
Ты слишком робкий для меня, я слишком смелая.*

*Одним узлом нельзя связать неединимое,
Живу любимая — как будто нелюбимая.
Не утолить единой каплей жажду страстную,
Мы слишком разные с тобой, мы слишком разные.*

*Найдёшь когда-нибудь похожую, хорошую,
Но все хорошие — они ведь лишь похожие.
И будешь ты в потёмках дня, себя мытарствуя,
Всегда ту смелую искать, всегда ту разную.*

Допев песню до конца, Ксюша поставила гитару на место.

— И всё же на мой вопрос ты не ответила! — заметил Кнутиков.

— Ответила, — настаивала Ксюша.

Тогда Кнутиков ещё помолчал, затем тоже протянул руку к инструменту:

*Если и выпрямлюсь во весь рост —
ты едва ли меня увидишь,
А увидишь меня, опять не захочешь
принять всерьёз.
Со сберкнижки последний рубль
на моё содержание снимешь,
Да, я маленький человек,
не хватающий с неба звёзд.*

*Я шагал по ночным лугам —
и они во мне отзывались,
Но когда я пришёл домой —
будто в землю по плечи врос.
Даже ходики надо мной как
над жалким шутком смеялись,
Да, я маленький человек,
не хватающий с неба звёзд.*

*Да, не Гамлет я, ну так что ж?
У меня есть своя забота —
Я невидимую для глаз разжигаю в себе свечу
И пытаюсь понять,
о чём эти люди кричат до пота?
Но чем громче они кричат,
тем растеряней я молчу.*

*Но когда эти люди всё на земле
расхватать сумеют
И возьмутся за небо — что будет с небом?
Смешной вопрос...
И ты скажешь, что оттого ты меня
всей душой жалеешь,
Что я маленький человек,
не хватающий с неба звёзд.*

Песня была допета, гитара отложена в сторону, и между ними снова воцарилась тишина. Палубой ниже на корме звучала музыка, оттуда вспархивали голоса, доносился смех. Здесь же была зона мёртвой полосы.

И Ксюша, и Кнутиков — оба честно хотели, чтобы этот вечер был особенным. Их обступала ночь с дышащей рекой, перемигиванием встречных огней, переключкой теплоходов в ночи. Они сидели рядом, между ними была только гитара. А казалось, между ними расстояние, равное всем разминувшимся в ночи кораблям.

И Ксюша снова ничего не понимала, да уже и не хотела понимать. Куда постоянно девается тот Кнутиков, который заставляет её мириться с этим? Да и какой он есть — настоящий? От этого опять тянуло какой-то рутинностью, чем-то нудным и скучным, даже мелочным.

— Конечно, я понимаю! Тебе нужно, чтобы вокруг тебя теснились краснобаи. Чтобы они носились с тобой, ручки тебе целовали. А я бы стоял в стороне и восхищался: ах, какие люди её

целуют! Только мне-то что от этого? Какая польза? Выгода какая?

Ксюша вздохнула. Почему-то захотелось крикнуть: «Люди, ау! Где вы, люди?» И снова вспомнился совет друга по поводу кислородной подушки.

— Послушай, ты когда-нибудь испытывал обморок при виде крошечной ступни? — вместо ответа спросила она.

— Чего? — не понял Кнутиков.

— Ну, у классика: «обморок при виде крошечной ступни»...¹⁴

— Вот ещё, буду я обмороки испытывать!

— Почему у тебя понятие «любовь» как-то странно сочетается с понятием «выгода»? «Это мне выгодно, а это — нет». А мне почему-то кажется, что любовь сочетается совсем с другим словом.

— Ну, и с каким же, интересно?

Ксюша пожала плечами:

— «Обморок при виде крошечной ступни».

— Как же! — хмыкнул Кнутиков. — Бредни для романтиков.

— Бредни? Ну, а ты читал сонеты того же Шекспира, Петрарки? Читал же, наверное. Целые венки, посвящённые своим любимым. И никакой выгоды они от них не ждали. Даже взаимной любви не ждали. Просто любили и были счастливы тем, что могут любить.

— Да, — покивал Кнутиков. — И у них тоже своя выгода была!

— Какая же?

— Ну, нам отсюда не видать! Но наверняка какая-нибудь была!

— О боже! — привычно вырвалось у Ксюши, она подумала: «Ну где же она... эта чёртова кислородная подушка?», а вслух продолжила: — Не пойму я, почему ты всё время боишься, что тебя обидят, унизят? Унизить можно только то, что само по себе мелко и готово к унижению. А большое, как, например, эта ночь, Волга... попробуй-ка их унизь! Большое этого даже не заметит!

— Да уж, как же, знаю я их... Все они... эти твои Зеньковские, Орловы, Быстринкины, Каурины, — поморщился Кнутиков как от зубной боли, наконец произнес фамилии. — Конечно, они-то большие! Их-то ни на какой козе не объедешь! Попробуй их унизь — они сами кого хо-

чешь унижат. А проблемы маленького человека со своим миром вас не интересуют!

— Маленького человека? — удивлённо смотрела на него Ксюша. — А почему меня должны интересовать проблемы «маленького человека»?

— Потому что «маленький человек» тоже человек! — отчеканил Кнутиков.

— Я и не отрицаю. Но что такое «маленький человек»? Если тебе нравится быть маленьким, то при чём тут я? Я, может, не могу любить «маленького человека»? Ведь маленький — это маленький! Он ни за что не отвечает, прячется за спины других, за обстоятельство! Ты даже стол письменный себе в шкафу соорудил, чтобы от мира спрятаться. Так что же мне теперь — вместе с тобой в шкаф залезать?

— Да как же!.. Залезешь ты! — дёрнулась рядом борода Кнутикова.

Ксюша оглянулась: мимо них проплывал теплоход. Большой теплоход.

— Кнутиков, ну о чём мы говорим? В такую ночь!..

— Ночь как ночь. Сырая, — бухтел он. — Простудиться можно. Может, принести тебе куртку?

Ксюша пожала плечами, но вдруг закивала обрадованно:

— Принеси! — ей вдруг до смерти захотелось остаться одной, без Кнутикова.

— Только будь здесь! — посмотрел тот настороженно. — Смотри, никуда не уходи!

Он ушёл, а Ксюша осталась одна, пребывая в состоянии какого-то странного подташнивания. Она думала о Кнутикове, об этом его мире «маленького человека», в который он так усиленно пытается впихнуть и её. Так она стояла, одолевая в себе это чувство раздражающего протеста. И, когда Кнутиков уже вот-вот должен был появиться, вдруг развернулась и быстро пошла — туда, вниз, где звучат голоса, играет музыка, где смеются и танцуют люди.

Очувшись на корме, на нижней палубе, Ксюша прошла сквозь танцующих и, подойдя к бортику палубы, встала, подставив лицо освежающему ветру.

— Я не помешаю?

Возле неё стоял заведующий экскурсионным бюро. Он был всё так же элегантен, сдержан, так же тих и грустен. Когда сделал попытку улыб-

нуться — улыгнулись, казалось, только его губы, оставляя в неподвижности лицо.

— Пожалуйста, — Ксюша чуть сдвинулась, освобождая место.

— А где же ваш спутник, чем занят? — немного помолчав, спросил мужчина.

— Спутник? — Ксюша почему-то посмотрела на небо. — Как и полагается спутнику — вращается.

Помолчали.

— Как отражаются огни маяков на воде, — сказала, заполняя паузу, Ксюша. — Бегут за теплоходом, словно не хотят с ним расстаться.

— А может, это не огни, а сирены, в которых когда-то были превращены земные женщины? — отреагировал стоящий рядом.

— Сирены?

— Ну да. Тоскуют по земле, людям, обижаются, что их не взяли с собой, вот и бегут следом за теплоходом.

Ксюша продолжала смотреть на воду. Мысли были заняты другим, но случайный собеседник помог отвлечься.

— Говорят, сирены опасны: могут корабли утянуть на дно.

Музыка оборвалась вдруг, и теперь уже над ними повисла полная тишина. В этой тишине плыл теплоход, плыли, отражаясь в воде, звёзды, плыло всё окружающее пространство.

Тут музыка грянула снова, приобрела мелодию красивого романса.

— Да и вообще, при чём тут сирены, когда рядом живые земные женщины? Вас — можно? — Ксюша увидела протянутую к ней руку.

Она бросила торопливый взгляд через плечо, чуть поколебалась. А мужчина уже вел её в центр танцевальной площадки. Вдвоём они стали медленно двигаться в танце, мягко лавируя среди других пар.

— Вам здесь не скучно? — вдруг непонятно почему спросила Ксюша.

— Скучно? — посмотрел он на неё немного сверху. — Почему вы так думаете?

Вместо ответа она пожала плечами: в ней всё ещё жил тот впервые увиденный в нём образ.

— А мне показалось, это вам... — мужчина немного помолчал. — Этот ваш спутник... Похоже, вам с ним тоже не очень-то весело.

Ксюше хотелось поговорить. Ей вообще

очень хотелось хоть с кем-то поговорить, попытаться разобраться... Но сделать этого она почему-то не могла. И они замолчали снова, медленно двигаясь под красивую мелодию.

— Мы часто мудрствуем, а всё просто: формула мужского счастья вся заключена в глазах женщины, — неожиданно сказал человек рядом. — Нужно просто взглядеться.

Ксюша на всякий случай отвела глаза.

— Помните у поэта:

*Всего и надо, что взглядеться, — боже мой,
Всего и дела, что внимательно взглядеться, —
И не уйдёшь, и никуда уже не деться
От этих глаз, от их внезапной глубины!*¹⁵.

— Понимаете, — Ксюша ещё пыталась сдержаться. — Он хочет сделать меня счастливой. Насильно — счастливой. Он так и сказал. «Я всё равно сделаю тебя счастливой!» И для этого очень старается. Но разве можно сделать человека счастливым насильно? Против воли?

— Главное, чтобы эти его старания не обернулись потом против вас же, — был ей ответ.

— Когда-то я была счастлива — просто потому, что была счастлива. При этом никто никого не старался делать счастливым, наоборот. А нам всё равно было хорошо... мне с ним было хорошо. Почему так?

— Наверное, вы его просто любили.

— Любила? — Ксюша задумалась. — Да, наверное. А ведь по профессии он был...

Ксюша недоговорила — «экскурсовод». Выплыла в памяти и до сих пор согревающая сердце фамилия — Зеньковский, одна из столь часто упоминаемых Кнутиковым.

Танец закончился как-то вдруг, неожиданно. Мужчина, склонив голову, подвел Ксюшу к прежнему месту.

— Но ведь я не могу сказать, что не люблю своего друга. По-своему люблю тоже. Но вы правильно заметили: мне с ним иногда бывает так скучно, хоть волком вой. Он словно играет в какие-то игры, а мне всё это неинтересно, у меня это всё словно уже было.

— Может, вы с ним как страны с разным периодом развития? В вас есть что-то общее: вместе пройденный путь, определённая общность, но есть и разное: к примеру, разность

опыта, жизненного пути, пройденного каждым до встречи.

Ксюша смотрела на мужчину с удивлением.

— На государства с разным политическим строем мы, возможно, и похожи, но вот об этом я как-то не думала, — и спохватилась: — Извините, мне сегодня целый день так хотелось хоть с кем-то поговорить. А мой друг — он не из разговорчивых.

— Пустяки, — улыбнулся собеседник. — Завтра вы сойдёте с теплохода, и ваша тайна останется с вами.

— Тайна? — посмотрела на него Ксюша и не удержалась: — А мне кажется, тайна — это вы.

— Ну какая из меня тайна? Тайна всегда женщина, — и он снова загадочно улыбнулся. — Жизнь тоже тайна. Не зря слова «жизнь» и «женщина» однокоренные.

Неожиданно Ксюша почувствовала холодок за плечами. Она оглянулась: в нескольких метрах от них на поручни трапа легла ладонь, взгляд, обшаривая палубу, мрачно сфокусировался на их фигурах.

— Пойдем! — Кнутиков уколол взглядом мнимого соперника. Железная хватка окольцевала Ксюшино запястье.

— Послушай, кончатся когда-нибудь твои деревенские штучки? — Ксюша вырвала руку, когда они уже отошли на расстояние — не хотелось демонстрировать сцену посторонним.

— Я тебя, кажется, предупреждал! — Кнутиков злился.

— О чём? — тёрла она затекшее запястье.

— Насчёт этого, — Кнутиков мотнул головой, — экскурсоводика.

— Заведующего экскурсионным бюро? — с нажимом поправила Ксюша. — Да, действительно, хороший человек.

— Так что, если хороший, других забывать можно?

— Почему — забывать? Мы только о тебе и говорили. В конце концов, должна я хоть с кем-то разговаривать, если ты целый день молчишь? Скажи ещё спасибо, что он меня развлёк, — попыталась она шуткой нейтрализовать ситуацию: благодаря случайному собеседнику настроение хоть чуточку улучшилось.

— Как же, спасибо я ещё ему скажу! — не уни-

мался Кнутиков. — В ножки поклонюсь! Ему не пришлось бы тебя развлекать, если бы ты от меня не сбежала! Я тут, как дурак, везде бегаю, с твоей курткой ношусь. Избегался весь.

— Ну, теплоход не земной шар, и я не иголка в стог сена. Мог бы и побыстрее найти. Я же не знаю, где ты так долго был. Может, пиво пил в баре? — старалась Ксюша держать шуточный тон.

— Ага, как же, стану я пить один! С чего это я один-то пойду? Ты ведь знаешь прекрасно: один без тебя я никуда не пойду, это не в моих правилах. Уж если идти — так вместе! Это только ты можешь вот так убежать! Интересно, тебе бы понравилось, если бы я так же убежал? Искала бы меня тогда? Нет, скажи, тебе такое понравилось бы?

— Хоть бы раз ты убежал! — Ксюшин шуточный тон постепенно улетучивался.

— Ага, конечно, говоришь так, потому что знаешь, что я никуда не убегу. Что я этого просто не могу себе позволить! Хотя, поди, если бы я и убежал — ты бы и искать не стала!

«Вот уж точно!» — подумала Ксюша, а вслух ничего не сказала.

— Так, может, всё-таки объяснишь — почему убежала? — настаивал Кнутиков. — Сказала, что никуда не уйдешь, а сама... Почему, объясни?

— А ты сам не догадываешься? — Ксюшу снова начинало потихоньку лихорадить

— Откуда же я могу знать? Мне кажется, если уж обещаешь — надо сдерживать слово, — отчитывал её Кнутиков.

— Хорошо. Объясняю. Говорю даже по слогам: я убежала — потому что... — Ксюша ещё пыталась себя сдерживать.

— Ну? Договаривай! — выпытывал Кнутиков.

— Потому что... ты мне... надоел! — слово вырвалось, рука, взлетев, рубанула воздух.

— Надоел? — замер, уставившись на Ксюшу Кнутиков.

— Да! Надоел!

«И пусть! Сказала — и пусть! Пусть хоть раз обидится и уйдёт. Как нормальный мужик, покажет свои плечи. И даст мне хоть какую-то возможность уважать себя!» — думала Ксюша.

Но Кнутиков не уходил, продолжая топтаться на месте. А вместо этого...

— А-а, — протянул он. — Надоел? Ну, это уважительная причина. Но теперь-то, надеюсь, ты

отдохнула? Я дал тебе достаточно времени, чтобы от меня отдохнуть?

«О боже!» — из Ксюшиной груди вырвался... и не вздох даже — писк какой-то, как из лопнувшего резинового шарика.

А Кнутиков уже привычно заглядывал ей в глаза:

— Ну так что теперь мы делать будем? — и замер с покорностью, готовый подчиниться любому её слову. — Чего ты хочешь?

«О-о!»

— Броситься в реку! — выдохнула она.

— Ну, этого я тоже не могу тебе позволить! Конечно, я-то тебя спасу. Но ведь ты потом можешь заболеть, знаю я твоё горло, мне же и придётся тебя лечить. Нет, я, конечно, ничего не имею против того, чтобы тебя лечить, но...

Не выдержав этого мучения, Ксюша его перебила:

— Всё! Идём танцевать!

Ночь, казалось, смерклась, увяла и скукожилась, как грязный носовой платок.

Не дожидаясь Кнутикова, Ксюша нырнула вглубь громокипящего кубка, чтобы заглушить в себе это бешено нарастающее раздражение.

Она шла и, даже не оглядываясь, знала: Кнутиков идёт следом.

Прорвавшись на незанятый пяточок, встала, едва перебирая ногами. Ксюша видела перед собой лицо Кнутикова. Притаптывая и прихлопывая, словно исполняя какой-то ритуальный танец деревенского бога перед пахотой, он всё заглядывал ей в глаза, и всё дергалась его борода. И каждым своим движением, жестом, взглядом он словно говорил: «Вот видишь, как я стараюсь, как хочу угодить, как я предан тебе».

И было в этом что-то от Свидригайлова, от «маленького человечка», от тех героев Достоевского, которым сладостно унижаться, которые находят в самом этом процессе величайшее наслаждение. И казалось, что все вокруг видят и эти его дурацкие старания, и всю его нелепую модель поведения, и его собачью преданность. И от всего этого, и от дергающихся физиономий рядом Ксюше стало вдруг до тошноты муторно и скучно. Она ринулась прочь из зала, прорываясь сквозь баррикады лиц, рук, глаз, почти скатилась вниз по трапу, а следом летел, догоняя её, словно арканя, накидывая петлю, голос:

*На пути ли в Москву ли, из Нижнего,
По дороге ли на Кострому,
Легковерная, нежная, книжная,
Не достанешься ты никому¹⁶.*

Потом Ксюша долго стояла под душем, и тёплые струи великой русской реки смывали с её глаз слёзы.

В конце концов, и вправду, ведь никто её не заставляет. И она вовсе не обязана выходить за него замуж только потому, что он взялся настолько её осчастливить.

Отражаемые в зеркале, висели за её спиной забытые кем-то в раздевалке полосатые мужские плавки — словно подтекст к её заплаканному лицу: полоска белая — полоска черная...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Ксюша продолжала отказываться от своего счастья, Кнутиков принял на себя удар швартовой волны, а крик в стене оказал примиряющее воздействие

Утро застало их на разных полюсах одной планеты. Да и была ли их планета одной?

Теплоход стоял, уткнувшись окном иллюминатора в поросшую мокрой растительностью стену, из которой одиноко торчал могучий чугунный крюк. Ксюша лежала на верхней полке, ещё продолжая ощущать свежесть от вчерашнего душа.

Мягко вибрируя, теплоход урчал, живя своей жизнью.

Отвернувшись к стенке, Ксюша попыталась догнать остатки ускользающего сна. Но снизу раздались музыкальные аккорды:

*— Придёт она — холодная, чужая.
И будет вещи в комнате швырять,
И буду я терпеть, не возражая,
И следом её вещи подбирать...*

Это Егор Кнутиков, подыгрывая себе на гитаре, хриплым речитативом впечатывал в Ксюшу слова:

*— И буду я любить её такую,
Я почерк её всюду узнаю, —
Холодную, надменную, чужую,
Единственную женщину мою!*

— Дорогая! Это я произвожу побудку, — провозгласил он. — Докладываю: мы проходим шлюзы. Это зрелище стоит твоего благосклонного внимания. Здесь целая система шлюзов, пока мы проходим только первый. У нас ещё есть шанс успеть. Не сделать ли для тебя чайку?

Ксюшин сон был окончательно и бесцеремонно прерван. Ей сегодня было абсолютно всё равно, что ещё выдаст Кнутиков. Внутри она уже отмежевала его от себя, как близкого человека, проблемами которого приходится мучиться. И теперь её единственная задача — дотерпеть с ним, обычным попутчиком, дорогу.

Ксюша спокойно повернула к нему лицо.

— Сделай! — улыбнулась ему, простому попутчику, соседу по купе. — Попьем чаю и пойдём смотреть шлюзы.

— О! — чуть не упал Кнутиков от удивления, не сумев постичь сути происходящего. — Моё маленькое солнышко сегодня с утра неожиданно доброе. Что это случилось с моей маленькой птичкой? Даже в каюте стало светлей.

— «Солнышко» будет ещё добрее, если его не будут обзывать подобной пошлятиной.

— Чего уж такого особенно пошлого я сказал? Все так говорят!

— Вот потому и пошло. Затасканные речевые обороты. Уж если ты без этого не можешь — придумай что-нибудь поновой.

— Легко сказать — придумай. — Кнутиков всё же задумался. — Ну, хорошо. Давай я буду называть тебя... моим маленьким попугайчиком! Мой маленький попугайчик, спускайся клевать зёрнышки!

— Попугайчик — от слова «попугать»? — вопреки желанию, глупый разговор приходилось поддерживать. — Или от слова «пугач»?

— Ну вот, снова не угодил! Возьми тогда и придумай что-нибудь сама!

«Сейчас, думать ещё буду», — поджала губы Ксюша и не отреагировала.

— Мужчины испокон века называли женщин одинаково — хоть тысячу лет назад, хоть сейчас! Ничего не изменилось! — усердствовал Кнутиков.

— Нужно уметь мыслить нешаблонно, — не выдержав, заметила Ксюша.

— Ну вот ты умеешь — так и придумай! Назови хотя бы одно незатасканное обращение. Ну, скажи мне, как бы ты хотела, чтобы я тебя называл?

— Да никак, только отвяжись! — Ксюше сегодня ну совсем, ну ни капельки не хотелось вступать с ним в диалог.

— «Никак» — неподходящее слово. Я не могу называть тебя «никак»! Вот видишь, и сама придумать не можешь!

— О боже! Называй хоть... швартовой волной, только отвяжись!

— Швартовой волной? — задумался Кнутиков. — А что, в этом что-то есть! Моя маленькая швартовая волна...

— Ну уж, — снова не удержавшись, насмешливо хмыкнула Ксюша. — Швартовая волна маленькой быть не может. Уж вдарит так вдарит, будь здоров!

— Что ж, буду терпеть! Такова, видать, моя доля... — Кнутиков покорно повздыхал. — Но я хотел тебя спросить, моя маленькая швартовая волна... Мне сейчас приснился сон, будто я взял тут одного... Кажется, его называют заведующим экскурсионным бюро — есть у меня причины недолюбливать эту профессию... Так вот взял да и зашвырнул куда-то за борт. Ты случайно не знаешь, это точно был сон?

Ксюша взглянула с долей некоторого беспокойства: а кто этого Кнутикова знает?

— Ты предлагаешь мне сходить убедиться, жив ли он? Я могу, конечно...

— Нет, пожалуй, не надо. Потому что следом за ним прыгнул я сам. Испугался, а вдруг без него на теплоходе не обойдутся? Да и негуманно как-то, вдруг он плавать не умеет. Должен же он исполнить свои обязанности до конца, всё же люди деньги платили! Ну, а поскольку, видишь, я сухой, следовательно, это был всего лишь сон!

— А, ну-ну, — с усмешкой покивала Ксюша. — А ты, оказывается, храбрый. Жаль только, что лишь во сне.

— Да, теперь я понимаю, заведующий экскурсионным бюро — очень опасная профессия, — не мог успокоиться Кнутиков. — Им за вредность даже доплачивать надо. Молоком.

— И в чём же состоит такая опасность? — Ксю-

ше приходилось-таки поддерживать этот нелепый разговор.

— В ревнивых мужьях, конечно! Каждый экскурсовод только и может языком: ла-ла-ла, ла-ла-ла... Профессия у них такая. А женщинам только это и подавай: «Ах, какой он умный, какой начитанный, какой интересный. Да я за ним хоть на край света!»

— Ну, а тебе-то что? Ты же не ревнивый. Тем более не муж. И вряд ли им когда-нибудь станешь.

— Это, дорогая, одному богу известно. Что на небесах записано — нам, смертным, знать не дано.

— Кто читать не умеет — тому не дано, а кто умеет — всё уже давно прочитал! — Ксюше хотелось поскорей завершить этот пустой разговор.

Но Кнутиков продолжил — стал причитать:

— Господи, прости её грешную! Сама не ведает, что творит, от какого счастья отказывается! — перекрестился торопливо. — Вразуми её, несчастную, направь на правильный путь!

— Господин Кнутиков, какое-то у вас конъюнктурное отношение к Богу — бегаете к нему, как в лавочку за чаем, когда себе надо!.. — сухо выговаривала Ксюша.

Но Кнутиков перебил:

— Господи, закрой уши, не слушай её! — он опять осенил себя крестом. — Не дай, господи, совершить ошибку!

— Господи, открой уши и закрой рот этому фарисею! — Ксюша чувствовала, что эта болтовня затягивается. — И вообще, кто-то обещал напоить меня чаем?

— Конечно, моя радость, моя единственная радость! Пить с тобой чай я согласен хоть всю жизнь! — И Кнутиков снова вдохновенно ударил по струнам:

— Как, только чай? И только до рассвета?

Тогда пускай задержится рассвет!

Пусть говорят, что чья-то песня спета!

Но знаю я, что наша — ещё нет!

— Плыви ко мне, моя маленькая швартовая волна! — отложив в сторону гитару, раскинул он руки.

— Отойдите, господин Кнутиков! Волна может и ударить! — Ксюша как раз собралась

спрыгнуть с верхней полки, чтобы идти смотреть шлюзы.

— Ничего, я выдержу!

Она прыгнула, но как-то не совсем удачно. То ли каюта оказалась слишком мала, то ли размах рук Кнутикова слишком большим.

...Когда они вышли смотреть шлюзы, то увидели уже закрывающиеся ворота последнего из них...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Знакомство со шляпным контингентом,
или Кратчайший путь
между воротами ада и рая

До прибытия в Куйбышев, то есть теперь уже снова в Самару, Ксюша и Кнутиков успели сделать ещё несколько дел — посидеть в шезлонге на корме, полюбоваться берегами — не только в кафе с видом на левый берег реки, но и за чашкой кофе в баре с видом на правый берег.

Не успели они только одного: к прибытию в Самару вовремя сдать номер, чтобы, стоя на палубе, ощутить торжественный момент пришвартовывания к причалу. Первый толчок, бодание, братание с берегом произошло без их непосредственного участия — момент был упущен.

В это время Кнутиков, заподозренный горничной, принимавшей каюту, в хищении полотенца, лихорадочно перерывал свой рюкзак.

— Я ведь говорил, зачем столько?!

— Ну, не для того же, чтобы ты с собой прихватывал! — помогала ему Ксюша произвести досмотр.

Наконец вафельный беглец был найден — Кнутиков в спешке действительно упаковал его с другими вещами.

— Не знала, что ко всему прочему ты ещё и похититель полотенец! — шутиливо заключила Ксюша.

Возвратив полотенце горничной, они уже с вещами вышли на палубу, чтобы окончательно покинуть приютивший их теплоход.

Возле сходен стоял так же, как и вчера, облокотившись на бортик, заведующий экскурсионным бюро. И так же, как вчера, он был элегантен, тих и грустен. Глядел куда-то вдаль, словно

говоря: «Вот и ещё один город, в котором не случится для меня ничего особенного».

Когда они проходили мимо, Ксюша бросила на нового знакомого мимолётный взгляд, чуть заметно кивнув: мол, до свиданья, спасибо вам. Он тоже ответил торопливым кивком: «Пустяки, не стоит благодарности».

Когда Ксюша и Кнутиков оказались на твердой земле, она, не удержавшись, оглянулась. И снова поймала взгляд нового знакомого, скользнувший как бы невзначай, вдруг, ненароком, словно одним взглядом можно причинить другому неудобство собственной невстроенностью в этот мир. И Ксюша поняла вдруг, что это же она сама... Да, она сама, только облаченная в другую оболочку, глядит на себя со стороны. Она, вечно куда-то убегающая, уезжающая, улетающая... легкая, как воздушный шарик... она, пытающаяся раскрыть вечную тайну там, где её скорее всего и нет.

Ксюша мысленно пожелала счастливого приземления этому «воздушному» ему — самому себе в другой оболочке.

А Куйбышев встретил их благодатью прорвавшегося с неба дождя. Говорят, счастлив тот, кого провожают в дождь. А кого встречают?

Ксюша и Кнутиков долго блуждали в береговых лабиринтах и заграждениях, пока не оказались атакованными местными дворовыми псами, свалившимися на них словно с неба. Пара двуногих, появившихся на лай, поглядывали с подозрением, хотя псов и отозвали. Но едва было произнесено ключевое слово, как головы закивали обрадованно:

— Грушинка? Так бы сразу и сказали! Вы едете на Грушинку?

Через пять минут они уже владели всей нужной информацией. Один из мужчин даже взялся их проводить.

— Через час отправляется омик¹⁷ с маленького причала, — сказал он. — Если поспешите, ещё можете успеть! — подвел их к трамвайной остановке. — Счастливые! — вздохнул он. — На Грушинку едете. А мне вот никак! Ну, давайте. Груше — привет!

И, благословленные взмахом его руки, Ксюша с Кнутиковым отправились по маршруту, чтобы ощутить это самое счастье.

Подошедший омик показался им просто игрушечным после массивного гиганта «Михаил Лермонтов».

Очередь тянулась длинной гусеницей и состояла не только из людей. Значительное место здесь занимали рюкзаки: от совсем миниатюрных, почти детских, до огромных рюкзаков-шкафов, которым поклонялись, словно идолам. Возникло ощущение, что они-то как раз здесь и главные — хозяева им только прислуживаются. Казавшийся огромным рюкзак Кнутикова на этом фоне сразу как-то потерялся.

С меньшей экзотичностью выглядели и сами хозяева рюкзаков: в немислимых шляпах, полиэтиленовых панاماх, а то и просто в пакетах на голове, призванных защитить прежде всего от дождя. И всё же главным и непременным атрибутом, вокруг которого группировалась каждая компания, была гитара.

Ксюша с Кнутиковым оказались почему-то в самом конце очереди, хотя и пришли далеко не последними. Когда наконец добрались до трапа, именно перед ними судно дало неожиданный крен, словно в насмешку желая оставить за бортом именно их, проделавших такой путь.

А теплоходик-то, как выяснилось, последний! И больше ничего в сторону Грушинки не идёт. А пойдет ли завтра — ещё неизвестно, тем более завтра уже главный концерт на гитаре. И стоило им преодолеть такую дорогу, чтобы вот так, на последнем рывке...

Ксюша и Кнутиков ещё пытались делать умоляющие глаза, что-то говорить, но причальный матрос был непоколебим — он указывал им на сильный крен битком набитого судна: «Перебор. Всё, под завязку, больше некуда!» И плевать ему, этому матросику, на дальность проделанного ими пути, и плевать ему на их мечту, и плевать на... На всё ему плевать!

Вот, наконец, и произошло то, чего Ксюша больше всего боялась. И Ксюша уже не косилась на Кнутикова — всё равно услышала бы обычное: «Значит, так Богу угодно...»

Но и на этот раз Бог всё-таки не покинул их. Вдруг, когда вариантов уже не оставалось, с борта теплохода, огрузившего от множества тел, раздался голос:

— Да возьмите вы их! Не видите разве — у них гитара! Это ж главные выступающие!

Голос принадлежал высокому парню в панаме. И, вторя ему, запорхали вдруг голоса:

— Да в них весу-то — одна гитара!

— Не на гитаре же им плыть, в самом деле!

— Возьмите, мы потеснимся!

Матрос качал головой, а голоса становились настойчивей, громче, звучали они всё убедительней. И погаснувшая было надежда загорелась снова.

— Действительно, — подбирались Ксюша с Кнутиковым к строгому взгляду матроса. — Мы выступающие, без нас и фестиваль не фестиваль!

Но матросик был непреклонен: судно действительно перегружено, он не имеет права. Но, так и не дав согласия, он почему-то отвёл глаза, делая вид, что не замечает, как они по сантиметрам отвоевывают пространство. Ещё шаг — и вот уже под ногами палуба. Ура!

И в ту же секунду убираются сходни, кораблик отчаливает.

Ксюша и Кнутиков поблагодарили шляпный контингент теплохода, принявший участие в их судьбе, и хоть и с трудом, но отыскали себе место. Люди сидели, стояли вплотную друг к другу, омик действительно был забит под завязку. Ткнувшись в какой-то припалубный отсек, Ксюша с Кнутиковым тут же решили подкрепиться, создав из шарабана нечто наподобие обеденного стола.

А мимо плыла Волга, а по обеим сторонам — город, и плыла — ура-ура! — приближаясь, их мечта, существуя пока для них только в виде мифической легенды.

Итак, они плыли в каком-то нереальном мире, с нереально происходящими событиями, в какую-то нереальную страну, которая так долго существовала в их воображении, что теперь никак не могла приобрести статус реальной. И в этом нереальном мире плыли вместе с ними нереальные люди, которые сами добровольно заплатили за то, чтобы получить лишнюю порцию дискомфорта.

Теперь, прикрытые брезентами, зонтами и полураскрытыми палатками, они попеременно то мокли под дождем, то жарились на солнце, при

этом делая вид, что все это им ужасно нравится. И пели под гитары свои нереальные песни.

А над Волгой, снова репетируя сцену всемирного потопа, лил дождь, и дождь этот был самым что ни на есть реальным — со стуком капель по натянутому брезенту, сползанием их за воротник, зависанием на ресницах.

Сколько надо плыть — этого не знали ни Ксюша, ни Кнутиков. Минуты складывались в часы, и, глядя на окружающие берега, они каждый раз думали: «Наверное, вот за тем поворотом». Но омик равнодушно проползал очередной поворот и, старательно пыхтя, всё тащился и тащился вперёд.

Всё же удалось устроиться с грехом пополам. Несколько раз Ксюша и Кнутиков меняли положение: то стояли в тесноте мокрой палубы, со всех сторон зажатые плечами, то спускались вниз — в единственный крытый салон, оккупированный родителями с детьми.

Так длилось до тех пор, пока вдруг случайно, к собственному удивлению, Ксюша и Кнутиков не обнаружили внизу, чуть в стороне от крытого салона, хоть и крохотный, но совершенно свободный кубрик с уютно расположенными друг против друга лавочками, куда иногда заглядывали разрезвившиеся детишки.

Удивившись незанятости кубрика, Ксюша и Кнутиков тут же принялись его обживать. Пока Ксюша осталась караулить, Кнутиков сквозь толпу пробрался за оставленными на палубе вещами.

Минут через десять они уже сидели друг против друга, вытянув ноги и наслаждаясь комфортом.

Хоть здесь повезло! Радуюсь собственной предприимчивости, они довольно переглядывались.

Со временем стало казаться немного странным, что к ним в кубрик все чаще заглядывают люди. А в стене вдруг обнаружилась не замеченная сразу дверца. Как выяснилось, это была совсем не дверца в каморке папы Карло. А вела она в то самое «заведение», которое, в зависимости от места его нахождения, называется по-разному. На языке моряков — гальюн или «очко», или «ноль-ноль».

Желающих проникнуть в ту заветную дверцу всё прибывало. Дверь бесконечно хлопала. Те-

перь-то Ксюша с Кнутиковым поняли, что попали не совсем туда. Вернее, совсем не туда. Но путь обратно был отрезан плотной массой пассажиров.

Еще через полчаса, когда посещение вышеозначенного кабинета стало более активным, к страдающему от хлопающей двери слуху подключилось и обоняние. Чем дольше они плыли, тем активней становилось посещение находящегося возле них «кабинета» и тем концентрированнее воздух в их кубрике. Он, этот воздух, ощутимо плотнел, постепенно приобретаемая концентрация такой силы, что, казалась, его можно резать ножом. Он заставлял тосковать о противоязгах, все менее сочетаясь с романтическим представлением о прекрасной Грушинке.

И все же верховные боги смилоствовали. Пока Ксюша и Кнутиков выясняли, кому из них в голову пришла светлая идея устроиться в притулетном кубрике, — препираться приходилось осторожно, учитывая вонь и чужие уши вокруг, — как вдруг... Вдруг в их кубрик неожиданно заглянуло солнце, обнаружив в стене за их спинами ещё одну едва приметную дверцу. Они не поверили собственным глазам! Это была настоящая дверца, ведущая прямо на корму, на самый что ни на есть свежий-наисвежайший речной воздух!

Это было открытие, приравненное к спасению. Обнадеженная близостью чистого воздуха Ксюша, недолго думая, принялась атаковать дверь, несмотря на робкие возражения Кнутикова: «Может, не надо... не стоит... заругают... надо спросить». Нахождение в «загазованном» кубрике приравнилось если не к самоубийству, то к нанесению вреда собственному здоровью. Остаться здесь означало отравиться и не добраться до Грушинки. Рассуждать было некогда, и Ксюша принялась искать контакт со старой проржавленной дверью. Видя, что деваться некуда, Кнутиков всё же решил присоединиться.

Дверь, не открываемая, наверное, «со времён Очаковских и покоренья Крыма»¹⁸, с трудом, со скрипом, но поддавалась, не устояв перед натиском пока ещё не состоявшихся грушинцев, упрямо лезущих к цели. Сначала дверь чуть пискнула, показав признак жизни, покачнулась и вдруг распахнулась, ударив по

отравленным легким двух мучеников обморочной чистотой воздуха.

Воздух и солнце устроили праздничный фейерверк для всех органов их чувств. Борцы за чистый воздух вмиг захмелели от этой свежести, как от хорошего глотка шампанского. Ксюша, чтобы не упасть, даже ухватилась за дверной косяк.

— Ну вот! — только и смогла она вымолвить. — А ты говорил!..

В довершение она предложила Кнутикову перетащить сюда же старое кресло, допотопное, с кусками вырванного дерматина, непонятно как прижившееся в их кубрике. Это Кнутиков благополучно и сделал, уже почти не сопротивляясь.

И теперь, уже окончательно обжившись, оккупировав кресло вдвоем, они уселись на него, подставив лица воздушным потокам и вытянув ноги фарватером — вперед, навстречу Грушинке!

«Умеют же люди устраиваться! Счастливые!» — послышалось за их спинами, это вздыхали завистники, — те самые, которые портили им воздух.

А они и были счастливы — пережившие «газовую атаку» по пути на Грушинку, заслужившие глоток здорового природного коктейля!

— Уф-фу, — наполнялся Кнутиков воздухом. — Как в преисподней побывали!

— Да уж, — благосклонно заметила Ксюша. — Путь из ада в рай иногда бывает короче, чем путь из грешников в праведники!

Их «изгнание из рая» произошло гораздо быстрее, чем обретение его. Пришёл тот же матросик, который не хотел брать их на судно. Он пробил себе дорогу грудью через плотное скопление тел и, тихо выругавшись, всё же отдал должное Ксюшиной и Кнутикова предприимчивости:

— Ну, ребята, вы даёте! Вам палец покажи — вы и руку откусите! За столько лет никому и в голову не пришло открыть эту дверь!

Откусывать ни палец, ни руку они ему, конечно, не стали. Лишь с покорной обреченностью, прихватив рваный дерматин, снова перекочевали в «свой» уже окончательно закрепленный за ними притуалетный кубрик.

Ксюша, правда, попыталась отстоять своё

право на чистый воздух. Но матрос, недослушав её аргументированной речи, лишь покрепче закрутил ручку двери проволокой, чтобы уж больше ничья предприимчивая рука не смогла её открыть.

Остаток пути Ксюша и Кнутиков провели «в номере люкс», досконально изучив всех пассажиров маленького омика с точки зрения работы их желудков. Попутно ощутили на собственном опыте, что метаморфозы человеческого бытия бывают иногда весьма парадоксальными.

И всё же сделанный глоток свежего воздуха прояснил путь к сознанию, явившись той животворящей силой, которая помогла им пережить остаток пути.

Кнутиков, конечно же, не преминул заметить:

— Ну вот, Багрянцева, говорил я тебе...

— Зато целых пять минут дышали чистым воздухом!

И это был ещё какой аргумент!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

С прибытием на Грушинку!

И почему кричать «ура!» было рано

Но вот наконец после почти четырех часов пути, в результате которых Ксюша и Кнутиков, как ни странно, были ещё живы, омик повернул в сторону берега.

Снова хлынул дождь, сказать правильнее, ливень, и разглядеть что-то через рвущееся с неба мракобесие было практически невозможно. Народ, утомленный прихотями погоды, теснотой и длительностью пути, притих, замолкли даже дети и гитары.

Ксюша представила, как придётся сейчас выходить в эту мокрую осклизлость, где тебе ни дома, ни ванны, ни «кофе в постель» — представления были не самыми оптимистичными.

А омик, словно решив им напоследок ещё и насолить как следует, не дотянув до берега метров тридцати, вдруг, чуть дёрнувшись, остановился. Он замер посреди воды, как тот самый Буриданов осел.

Не понимая, все ещё продолжали сидеть на местах, решив, что это так, заминка: сейчас

омик одумается и поплывёт дальше, доставит их до берега. Не может же он, в самом деле, вывалить пассажиров прямо в воду.

Но омик не одумывался — всё стоял и стоял. А дождь лил и лил.

— Ну всё! Приехали! — пронеслось вдруг над головами.

Недоумение стало проявляться всё явственнее:

— А дальше? Дальше-то как?

Ропот пронёсся над толпой. Мало того, что небо в свинцовых тучах, льёт дождь, так ещё и...

— А пешком! — вдруг жизнерадостным диссонансом прозвучал чей-то голос.

Пассажиры стали оглядываться: голос принадлежал тому самому парню в панаме, который первым заступился за Ксюшу и Кнутикова.

— Как это — пешком? — спросил кто-то.

— А вот так! — закатав до колен брючины, парень вдруг перешагнул за борт.

Он плюхнулся в воду, посеяв фейерверк брызг. Стоя в воде глубже, чем по колено, весь мокрый до самой шляпы, неожиданно запел:

— «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!» Ура, друзья! С прибытием на Грушинку!

Ксюша удивилась. Она думала, что все продолжают роптать. Кому же охота прыгать в эту мокрую реальность: в реку под дождем?

Но люди оживились, торопливо зашевелились, словно пристыженные. Ведь и в самом деле — они приехали! Пришли! Приплыли! Добрались! И не куда-нибудь — на Грушинку! Знаменитый, легендарный фестиваль! Знали ведь, на что шли, и ныть теперь не имеют права.

Ксюша смотрела за борт на мокрого парня, у которого даже со шляпы стекала вода. Она ещё решала, как ей ко всему происходящему отнестись.

Мало-помалу, следуя его примеру, пассажиры принялись постепенно перекочевывать за борт. Туда же летели вещи, рюкзаки, гитары. На закорки к мужчинам устраивались дети. В крепкие мужские руки сигали с борта женщины. Всё вокруг суетилось, визжало, смеялось, барахталось. Брызги летели в разные стороны. Атмосфера всеобщего наводнения, при которой совершенно бессмысленными казались зонты и прочие укрытия, озвучивалась визгом падающих за борт.

— С прибытием на Грушинку! — поздравляли друг друга уже ступившие на берег.

А что оставалось Кнутикову с Багрянцевой? Не оставаться же вдвоем на омике. Изобразив из себя рыцаря, Кнутиков, разувшись, прыгнул в воду первым и принял Ксению на руки. Чему так радовались добравшиеся до берега — этим двоим пока было неизвестно.

Следуя совету бывалых, решили поторопиться, чтобы занять не самые худшие места. Рассчитывать на лучшие Кнутикову с Багрянцевой уже не приходилось.

Куда дальше идти, они не знали, потому выбрали за ориентир того самого парня в панаме. Он, похоже, считал себя здесь бывалым, а может, таковым и был.

Ксюша посмотрела на Кнутикова. Ну и видок у обоих был! Её голубые джинсы все заляпаны глиной, в кроссовках хлопала вода, шапка мокрых волос облепляла голову. Кнутиков выглядел примерно так же: весь умазанный глиной и насквозь промокший. Оба достигли того состояния влажности, когда больше или меньше воды — уже не имеет значения.

Приходилось спешить. Кнутиков и Ксюша старались не отстать от парня в панаме и с рюкзаком и его спутницы, которые упорно, как муравьи, лезли вверх по склону. У тех же, казалось, внутри моторчик: как бы Кнутиков с Ксюшей ни спешили, догнать их не удавалось.

Но грушинская земля... О, грушинская земля, ты уже под ногами! Только теперь они начали понимать, что такое грушинская земля.

Кругом была размытая, разжиженная, расползшаяся от дождей глина. Она скользила, чавкала под ногами, змеёй уползала из-под подошв, пытаясь опрокинуть путников на землю вместе с рюкзаками. Всё это напоминало кадры какого-то фантазмагорического фильма.

— Ну что, Багрянцева, — посмотрел Кнутиков на мокрую, обляпанную глиной Ксюшу, — получила ты представление о своей Грушинке? Может, пока не поздно, повернём? Омик, наверное, ещё не ушёл.

— Нет уж, — с любопытством глядела по сторонам Ксюша. — Теперь из принципа мы обязаны здесь переночевать хотя бы одну ночь!

Парочка — парень в панаме и его подруга — ушли далеко вперёд по влажному глинистому

склону. Но вдруг поводырь, не удержав равновесия под тяжелым рюкзаком, замахал руками и завалился на спину. Как на салазках, парень соскользнул по глине вниз, съехав прямо к ногам Кнутикова и Багрянцевой, идущих следом.

— С прибытием! — первой отреагировала Ксюша.

— Спасибо! Эх, немного не дошел!

Кнутиков помог парню подняться, и тот снова пошёл в гору с настойчивостью муравья.

— Вы там сильно не спешите! — крикнула ему вслед Ксюша. — Мы на вас ориентир держим!

— Давайте! — махнул рукой парень, стараясь снова не потерять равновесие. — Спешите не торопясь, а то все места займут!

А они и спешили. Ещё как спешили! Но даже и этот его нечаянный спуск не уравновесил силы между парочкой лидеров и их преследователями — Кнутиков с Багрянцевой всё равно умудрились отстать.

А дальше началось что-то невообразимое. Подъем кончился, они вошли в равнинную лесную зону. Лес вроде и не редел, но весь оказался пересеченным веревочными ограждениями, среди которых выступали разнокалиберные палатки.

Кнутиков и Багрянцева шли, то и дело спотыкаясь о канаты, штыри, верёвки, колышки, и, казалось, этим препятствиям не будет конца. Повсюду суетились люди, мелькали огоньками костры, струился дымок, готовилась пища. Тут и там раздавались гитарные переборы.

А Кнутиков с Ксюшей шли и шли, всё больше ощущая собственную бездомность среди этого уже хоть немного обжитого, обустроенного мира.

Из ориентиров они знали одно: где-то есть гитара, вернее, сцена в виде гитары, которая служит символом Грушинского фестиваля. Бывалые советовали устроиться ближе к ней. Но пока никакой гитарой и не пахло. Не находилось для них и хоть крохотного незанятого пятка, где они могли бы втиснуться со своей палаткой.

— Ну и где она, эта долбаная гитара? — безнадежно оглядывался Кнутиков.

— Чтобы что-то понять, надо было хотя бы выбраться из этих веревочных джунглей, — заметила Ксюша.

И вот по мере продвижения палаток стало поменьше, стояли они не так плотно. Ксюша и Кнутиков подошли к небольшой протоке, на противоположной стороне разглядели более свободные участки, где можно было поставить и свою палатку.

ЧАСТЬ III. ГРУШИНКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Ксюша задумалась,
не поменять ли ей Кнутикова на Наполеона

По узенькому мосточку, балансируя с рюкзаками, Ксюша и Кнутиков перебрались через протоку. Тропа дальше поднималась по склону выше. Но сил уже не было. Палатку решили ставить не откладывая: сумерки уже переходили в ночь. Правда, немного смушало, что место имело небольшой крен, но Кнутиков, обнаружив неподалеку старый корявый ясеня с обломанной кроной, решил для подстраховки привязать палатку к нему.

Итак, место было выбрано и, к удивлению путников, оказалось даже малонаселенным: ближайшая палатка находилась метрах в пятидесяти. Так что Ксюша и Кнутиков даже оказались обладателями значительного личного пространства.

Не теряя времени, Кнутиков принялся окапываться, выравнивая площадку, Ксюша же решила озаботиться вопросом питьевой воды. Она добралась до ближайших палаточных соседей и получила нужную информацию. Оказывается, чтобы раздобыть воду, следовало опять вернуться туда, откуда они сейчас только пришли. Снова спуститься на тропу, обогнуть протоку и попасть в основной лагерь — туда привозят цистерны с водой.

Ей пришлось-таки оставить Кнутикова одного, хотя он поначалу готов был рвануть следом за ней.

— Подожди, установлю палатку, вместе сходим! — предложил он.

Минут пять Ксюша ждала, глядя, с каким остервенением, торопясь, вгрызается в землю саперная лопатка. Не выдержав такого напора, черенком. Решив, что, если Кнутиков

будет так спешить, пострадает весь их рабочий инвентарь, Ксюша решила не дожидаться его.

— Ладно, Кнутиков, не торопись, схожу одна! Если через час не вернусь — отправляйся на поиски, — сказала она.

Затем взяла предусмотрительно захваченные из города пустые пластиковые бутылки, уложила их в два пакета и пошла обратно. Снова перейдя мостик, Ксюша обогнула протоку. Прибыв на указанное место, среди скопища палаток Ксюша стала высматривать машину с цистерной.

Вот и она! Но к цистерне вилась улиткой такая очередь, что надежда затариться водой почти сразу же погасла. Заняв очередь и простояв в полной неподвижности минут пятнадцать, Ксюша начала впадать в уныние. Мечта о пресной воде, похоже, останется мечтой. И тогда пропадай ужин! Какой ужин! Не будет и чашки горячего чая после дня скитаний!

«Мама родная, куда я попала? Мне говорили, что Грушинский фестиваль — это... романтика, песни под гитару, костры, собирающие друзей, смех, радость — сплошное веселье! А оказывается, Грушинский фестиваль — это холод, дождь, мокрая одежда, расползающаяся под ногами глина, веревочные ограждения, борьба за место, за глоток воды!» — думала Ксюша.

Какой-то парень, честно отстояв очередь и заполучив пятилитровую банку воды, едва сделав несколько шагов, вдруг поскользнулся на глине и упал: вода вылилась на него. Мысленно посочувствовав ему, Ксюша невольно передёрнула плечами.

«Эх, сейчас бы ванну!» — пронеслось в голове. Воспоминание о горячей ванне спровоцировало прямо-таки судорожную дрожь при следующей мысли о том, что всю ночь придется провести на воздухе, в палатке, в мокрой одежде, ведь вещи в рюкзаке промокли тоже.

Откуда-то вдруг в палаточном лагере взялась новая машина с пресной водой. Ксюша и не заметила, как она подъехала и остановилась как раз против неё — в такой близости, что, даже если бы она и не хотела, всё равно оказалась бы первой.

«Спасибо тебе, Господи!» — поблагодарив мысленно, Ксюша ринулась к животворному источнику.

Когда с сосудами, полными живительной влаги, она подошла к месту, должному с этой минуты обозначать их дом, гора, хоть и слабо, но откликнулась ей ещё одним огоньком. Она шла на него, на этот свет очага, зажженный для неё в ночи Кнутиковым, уже почти вслепую отыскивая ногами тропинку.

— Вода здесь как священная корова в Египте: ей больше поклоняются, чем используют, — с гордостью выставила Ксюша пять пластиковых бутылок.

Кнутиков не отреагировал: молча махал топориком. Ксюшу это несколько удивило.

— А пьют вообще по каплям, — снова попыталась она обратить на себя внимание. — Дорогой, сколько капель выдать тебе на ужин?

— Отойди, ты мне мешаешь! — был ответ.

«Да что это с ним? Уж не заболел ли?» — почти обиделась Ксюша. Всё же она совершила сейчас мини-подвиг: по крайней мере, не оставила их без ужина.

— Знаешь, наверное, Наполеон с менее серьезным видом завоевывал Европу, чем ты тешешь эту деревяшку! — и Ксюша, раздосадованная, направилась к палатке.

— А кто сказал, дорогая, что тебя завоевать легче, чем Европу? — раздалось за её спиной. — Европа — что! Попробовал бы он справиться с тобой. Ещё неизвестно, кому из нас труднее!

«Не заболел», — про себя почти обрадовалась Ксюша, а вслух сказала:

— Да уж, дорогой, тогда у тебя был бы серьезный соперник!

— Дорогая, не забудь про Жозефину! — намекнул Кнутиков. — Наполеон, кстати, был маленького роста. И, говорят, спал с женщинами, не снимая сапог. На всякий случай, чтобы всегда быть в боевой готовности.

Ксюша вздохнула:

— Что ж, другие и снимают, но... не Наполеоны!

Кнутиков крикнул — и маленькое полешко разлетелось в разные стороны.

Ксюша была отомщена.

Подойдя к матерчатому сооружению, призванному служить им домом, она сделала попытку забраться внутрь. Кошки поблизости не было, чтобы пустить первой одомашнивать

палаточное пространство, так что Ксюше пришлось самой.

Она передернула плечами: поверить, что удастся здесь когда-нибудь согреться, пока было трудно. Но всё же, втащив с помощью Кнутикова рюкзаки внутрь, Ксюша принялась их распаковывать, проверяя одежду на сухость.

Снаружи завыл котелок, уже поставленный на огонь разведенного костерка. Несколько привычных хозяйкам манипуляций — и поплыл запах главного походного блюда — макарон с тушенкой. Побрякивая, из рюкзака показались миски: кнутиковская простенькая, алюминиевая, и Ксюшина — беленькая, эмалированная, с утятами по краям, от неё сразу повеяло домашним уютом и теплом.

Принимать пищу решили как древние греки — в триклинии, расставив перед собой разнообразие дымящихся котелков: с макаронами, с чаем и отдельно — с подогретой тушенкой. Ксюша и Кнутиков возлегли в палатке, высунув головы наружу. От костра постепенно в воздухе накапливалось тепло. Наверное, со стороны их палатка напоминала двухголовую черепаху, приползшую на Грушинский фестиваль.

Кнутиков, чуть поковырявшись, открыл бутылку красного сухого вина, специально припасенную для такого случая:

— Ну, за прибытие на Грушинку! Добрались-таки!

Звякнули они, соединив алюминий и благородное стекло.

Среди тостов, произносимых Кнутиковым, Ксюше особенно нравился один: «Не замети своё золото!» Тост имел свою историю. Когда-то, ещё во времена их студенчества, Кнутиков, подрабатывая дворником, нашёл на своём участке ломаную булавку, как выяснилось потом, из золота высшей пробы. Он сдал её в ломбард, и на вырученные деньги они благополучно прожили почти месяц. «А ведь мог бы не заметить и замести», — сокрушался он. Со временем тост набирал всё большую глубину подтекста. «Не замети своё золото!» — говорил Кнутиков и значительно смотрел на Ксюшу, при этом она если и ощущала себя булавкой, то всё же из золота высшей пробы.

Теперь, обустроившись, уже слегка обогретье, они смогли как следует осмотреться. С вы-

соты их расположения открывалась почти вся панорама лагеря, обнаруживая даже прячущуюся где-то вдалеке Волгу. Ночное пространство жило, дышало, вздрагивало гитарными переборами, струйками дыма уходя в ночное небо. Звёзды на небе отзывались костровым огонькам на земле, делая всё пространство единым и населённым — и наверху, и внизу.

Ксюшин вздох восхищения всё-таки последовал:

— Так вот, оказывается, что такое Грушинский фестиваль. Это целая вселенная под названием «Грушинка»!

Уже потом внутри палатки было зажжено маленькое костровое пламя. Колыхалась свеча, колыхались их тени на полотняных стенах, подрагивала гитара в руках Кнутикова.

— Ну что тебе спеть, дорогая?

И Ксюша, как обычно, пожала плечами:

— Что хочешь... Что твоей душе угодно.

Чаще всего кнутиковской душе оказывалось угодно не совсем то, что оказывалось угодно Ксюшиной душе, и уже с первых аккордов она начинала морщиться. Но сегодня он запел что-то, попавшее в унисон всему — вечеру, настроению, событиям.

*До тебя не дойдёт, — может, да, может, нет, —
Мой привет.*

*Формируются где-то в ночи поезда
И со звоном уходят в рассвет.*

*Я не знаю, куда мчат тебя поезда:
В мире столько дорог и забот.
Вот опять надо мной пролетела звезда,
Пополам разделив небосвод.*

*Я одну половину тебе подарю,
Половину вселенной бери!
А твой поезд всё дальше уходит в зарю
И становится частью зари.*

*И привет, что тебе я вдогонку пошлю,
Не услышишь, наверное, ты,
Потому что твой поезд уходит в мечту
И становится частью мечты...*

Да, у них была мечта — побывать на Гру-

шинке. Мечта, так долго существовавшая в виде мечты, что теперь никак не могла приобрести статус реальности, — даже не верилось, что они здесь.

Кнутиков пел, Ксюша слушала, а когда он закончил песню, сказала вдруг:

— А знаешь, почему я никогда не смогу выйти за тебя замуж?

— И почему же? — отложил он в сторону гитару.

— Потому что я — дорога. Буду всё время куда-то уходить, уезжать...

— Дорогая, но дорога ведь всё равно куда-нибудь приходит. Чаще всего — к дому. Значит, я — дом. Твой дом.

— Ну, вдоль дороги может стоять много домов, — обронила Ксюша.

— Ну так это же всего лишь вдо-оль... — уточнил Кнутиков.

— Но дорога не может жить с домом, — не сдавалась Ксюша. — Как ты представляешь себе жизнь дома и дороги?

— Вполне представляю! Может, мне, дому, как раз и нужна такая — дорога.

— Значит, мы обрекаем себя на вечный экстрим, — заключила Ксюша.

— Почему? — не понял Кнутиков.

— Единство и борьба противоположностей. Они не могут быть вместе, потому что дорога идет, движется, а дом стоит на месте. Но их и тянет друг к другу, ведь дома, как правило, всегда стоят вдоль дороги.

— И все же, Ксюшник, не стоит так сильно отождествлять себя с дорогой. По дороге, между прочим, ездят всякие машины, и далеко не только дальнобойщики.

— В таком случае и ты учти, Кнутиков, что в доме тоже может поселиться кто угодно. Его даже могут купить или снять за деньги.

— Не бойся, дорогая, я так просто не дамся! — в руках Кнутикова снова ожила гитара. — Я крепкий орешек, устою...

Уже потом, когда пламя свечи было погашено, Ксюша лежала, улыбаясь чему-то в темноте. Срабатывало ощущение удивительности дня, вобравшего в себя так много: Волга, теплоход, омик, дождь, глина, мокрая одежда... И вот теперь — вечер, гора, палатка, гитара, тепло.

Но ведь их вечер ещё не закончился... Ксюша попыталась разглядеть в темноте лицо Кнутикова. Тот лежал на спине, устало закинув руки за голову. Ей вдруг стало его даже жалко. Действительно, крутится целый день, вертится, старается ей угодить, а от неё — ну никакой благодарности. Но ведь благодарить можно не только словами. Тихонечко протянув в темноте руку, она погладила Кнутикова по щеке. Ксюша ждала, что он, как обычно, отзовется: прижмет её пальцы к губам. Но ответная реакция равнялась нулю. А вместо этого...

— Спокойной ночи! — вдруг резко раздалось в темноте. И, чуть ли не отбросив её ладонь, он... повернулся к ней спиной!

Ксюша оторопела. Такого в многолетней практике их отношений ещё не было. Обычно, а сказать правильнее, всегда Кнутиков проявлял инициативу первым. И вот вдруг, когда она чуть ли не впервые в жизни... Это было похоже... на пощечину. Нет, на сто тысяч таких пощечин. Кнутиков не просто отвернулся — он отодвинулся, словно запал куда-то, увеличив между ними расстояние. И это тот, который...

«Всегда помни: здесь твоя малая родина, — говорил он, похлопывая себя по плечу. — По-другому я просто не засну». И Ксюша действительно привыкла за эти годы засыпать на его плече.

«Тоже мне родина! — теперь фыркнула про себя она. — Малая. Что ж, брать крепости приступом — не мое хобби».

— Спокойной ночи, — дёрнула на себя одеяло и, тоже отвернувшись, уткнулась лицом в мокрый угол палатки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оккупированная Гора, или Ночевка
в зрительном зале. Развратники из Минска...

Утро повеяло пустой холодной отдалённостью. Кнутиков как будто был на другом конце материка и оттуда окликал её:

— Чай готов. Можно вставать, — просунул он голову за матерчатый полог. — Как спалось?

— Крепко, — сонно ответила Ксюша.

— Ну, я рад за тебя. На свежем воздухе обычно

хорошо спится, — но, чуть присмотревшись, спросил: — Может, тебе было холодно?

— Нет, мне было жарко, — с трудом заставила себя отозваться Ксюша.

Поспать действительно почти не удалось: обида и непонимание жгло, тупой иглой отзывается в сердце.

— Ну, раз проснулась, вставай, посмотри, что делается!

Ксюша откинула матерчатый полог — ведь не для выяснений же они сюда приехали, — и глаза её раскрылись от удивления. Их тихое место — гора — всё было оккупировано. По её поверхности, как трудолюбивые муравьи, ползали грушинцы. Они вбивали колышки, натягивали верёвки, превращая их тихую мирную гору в какой-то лабиринт из препятствий. Неистребимый культ верёвки, процветающий на Грушинском фестивале, добрался и сюда. Бацилла верёвочного сумасшествия неумолимо приближалась.

— Что это?! — изумлению Ксюши не было предела. Пришлось проснуться окончательно.

— А ты посмотри вниз, — невозмутимо посоветовал Кнутиков.

Ксюша посмотрела и ахнула. Там, внизу, и была она — гитара! Та самая, которую вчера они так упорно искали. Гитара — сцена. Вчера, так и не обнаружив её, они, следуя лишь могучей походной интуиции, устроились прямо над ней. Длинный гриф, служа мостиком, соединял сцену с берегом.

— Но что делают здесь все эти люди? — удивлялась Ксюша.

Кнутиков по-прежнему был спокоен:

— Как — что? Окапываются. Занимают места к сегодняшнему концерту. В десять вечера на гитаре.

— Но ведь... ещё утро! — всё равно чего-то недопонимала Ксюша.

— А они заранее. Места метят верёвками. Потом лопатой делают в земле углубления для сиденья. Окапываются, в общем.

— Так, значит, — до Ксюши доходило медленно, — мы что, устроились прямо в зрительном зале?

— Именно так! — покивал уже постигший суть происходящего Кнутиков.

— Интересно, а не снесут ли нас сегодня

ночью? — вместе с пониманием начало приходиться и беспокойство. — Во время концерта?

— Дорогая, а я-то на что? — гордо выпятил грудь Кнутиков. — Буду тебя охранять!

— А-а... — покивала Ксюша. — Ну да, ну да...

Шутить не хотелось. И, вообще, как к нему относиться теперь, она не знала. Как к близкому? Но нет близости — нет и близкого. Для чего-то природа создала их так, чтобы они могли стать близкими именно через близость.

Чай, приправленный лесными травами, они пили, глядя на разворачивающееся действие. Копшащиеся на горе люди вгрызались в землю лопатками, ножами, топориками, щепками и просто руками. Наверное, зрительный зал для такого количества народа мог существовать разве что в Древней Греции, в каком-нибудь театре под открытым небом.

Внизу, в районе гитары, периодически вспархивали, напрягая ушные перепонки, звуки ударной силы — шла подготовка к концерту, проверяли работу динамиков. Работал и местный Грушинский радиоузел, сообщая о новостях и предлагая потерявшимся встречаться у главной штабной палатки.

Жизнь кипела. И они, Ксюша и Кнутиков, находились в эпицентре этого кипения благодаря своей могучей походной интуиции.

Решив не заручаться никакими информационными указателями, отправились самостоятельно изучать лагерь. Спустившись к протоке, обогнув её теперь уже с противоположной стороны, неожиданно попали в лагерь индийцев. Да, самых настоящих. Что на Грушинском фестивале делают индийцы — того Кнутиков и Ксюша даже предположить не могли.

Красивые смуглые люди ходили в экзотических одеждах, что-то по-своему лопоча. Ладонь одной руки каждого была обмотана в тон одежды с загадочно торчащим наружу указательным пальцем. Индийцы оказались гостеприимными. Кнутиков и Ксюша рискнули попробовать предложенное ими национальное блюдо. На вкус оно напоминало самый обыкновенный жаренный в растительном масле хворост. Но, глядя на благожелательные лица индийцев, искренне желающих доставить удовольствие, Ксюша с Кнутиковым за-

кивали им, изображая наслаждение. В конце концов, не важно, в балахоне ты или нет, главное, что грушинец и, значит, свой человек.

В общем потоке гуляющих они прошествовали дальше и вскоре, обогнув протоку, оказались в самом центре фестивальных событий. Если с одной стороны на воде лежала сцена-гитара, то здесь — балалайка, тоже служившая сценой. На ней уже всюду шёл концерт — под гитару пели барды.

Едва Ксюша и Кнутиков пристроились послушать, как голоса бардов стали перебивать другие звуки. Выяснилось, что здесь недалеко друг от друга находятся несколько площадок-сцен, на которых происходят отборочные туры для основного ночного концерта на гитаре.

Попав на территорию лагеря тольяттинцев, в который зазывали развешенные плакаты, Ксюша первой заметила вывеску «Чайхана». Про неё она уже слышала от бывалых: по рассказам, там бесплатно давали чай и кофе. Слегка осмелев, Ксюша и Кнутиков приблизились к чайхане. Да, действительно, на длинном, крытом белой скатертью столе стоял огромный, внушающий уважение самовар. За самоваром, приветливо улыбаясь, сидел узбек — самый настоящий, в чалме и в длинном халате. Покручивая самоварную ручку, он то оживлял горячую струйку, текущую из самовара, то пресекал её. Ксюша, как замороженная, вошла в чайхану, среагировав то ли на запах кофе, то ли на магическую улыбку узбека. А он, поглядывая, уже творил своё волшебство, подставляя пиалу и вертя самоварной ручкой.

Едва Ксюша и Кнутиков сделали пару шагов к самовару, как перед ними вырос детина в костюме цвета бордо с подпирющим шею галстуком-бабочкой. Он придерживал толстыми пальцами пиалу, которая в ковше его ладони казалась напёрстком.

— Вы выступающие? — измерил он их взглядом; из его пиалы плыла ароматная струйка от горячего кофе.

— Мы? Да... то есть... Не то чтобы, но... всё может быть! — слегка растерялась под натиском взгляда Ксюша.

— А в списках вы есть? — детина в бордовом костюме сделал соблазнительный глоток, поигрывая кадыком. — Значитесь в списках?

— Не знаем, — пожала плечами Ксюша. — Может, и есть.

Хотя точно знала: они с Кнутиковым себя в списки точно не вносили.

— Вот когда будете в списках — тогда и приходите! — будто плюнул словами в них бордовый детина. — Здесь кофе только для выступающих!

Ещё мгновение Ксюша, словно замороженная, смотрела на ароматную струйку из его пиалы. Наконец не выдержала:

— Это что, и есть хваленая грушинская демократия?

— Нет, Ксюшик, это хваленая грушинская мафия! — Кнутиков взглядом в упор словно толкнул бордового верзилу.

Тот невозмутимо отвернулся и отплыл от незваных гостей, унося пиалу вместе с кофейным ароматом.

Метнув в него ещё несколько взглядов — уничтожительных стрел, Ксюша и Кнутиков сделали вид, что им совсем, ну ни капельки не хочется этого кофе. Пусть хоть обопьётся! И они гордо направились в сторону тольяттинского лагеря.

Но дойти до сцены им не удалось. Подсев на иглу кофейного запаха, они чутко уловили носами близость настоящей кофейни. Хоть и без узбека, но кофе здесь давали всем подряд. Правда, за деньги.

Устроившись с чашечками за небольшим круглым столом, Ксюша и Кнутиков принялись наслаждаться не таким уж и вкусным напитком. Заодно они наблюдали за происходящим на сцене. Смотреть концерт, как выяснилось, можно и отсюда.

А на сцене продолжался отборочный концерт для основного вечера на гитаре. Выступала девушка-бард из Минска. Город для Ксюши и Кнутикова не совсем чужой — там проживал ещё один из их «классиков», особенно часто упоминаемый Кнутиковым.

Девушка с гитарой держалась легко и непринуждённо, казалось, сцена была для неё родным домом. Песни под гитару она чередовала со стихами; декламируя, чуть покачивала рукой, будто намечая ритм. Сейчас как раз был черед стихов.

*Если б я была свободна,
Если б я была горда,
Я могла б кого угодно
Осчастливить навсегда.*

*Но поскольку не свободна
И поскольку не горда,
То могу я с кем угодно,
Где угодно и когда...¹⁹*

Кнутиков, сделавший было очередной глоток, чуть не поперхнулся и торопливо поставил чашку в сторону.

— До чего дошла женская поэзия! — качал он головой. — Вот он, результат вашей хваленной женской свободы! Что пропагандируют! И как после этого должны вести себя другие нормальные женщины? — обеспокоенно смотрел Кнутиков на Ксюшу. — Ты не слушай её, это плохая поэзия!

— А ты-то чего так разволновался? — передрнула Ксюша плечами. — Если насчёт меня, так я ещё пока «и свободна, и горда».

— А всё Минск этот проклятый! Только развратники там и бегают! — не мог успокоиться Кнутиков, не желая произносить фамилию. — Сидели бы вы дома, как раньше, кудель пряли — такая мура бы и в голову не полезла!

Ксюша поморщилась. Ей и разговаривать-то с ним сегодня не очень хотелось, но... задета честь женской поэзии.

— Между прочим, если уж на то пошло, то мужчины сами и виноваты. Женщины только идут за ними следом. Вспомнить хотя бы того же Есенина: «Сколько девушек я перещупал, сколько женщин в углах прижимал!» А Пушкин со своей «Гаврииладой»? Уж про древних и не говорю. Так что...

— Ну, а на меня-то ты что нападаешь? — отозвался Кнутиков. — Я за них не отвечаю! А что касается меня...

— А «что касается меня, то я опять гляжу на вас, а вы глядите на него, а он глядит в пространство», — Окуджава напрашивался. — Я в курсе: жениться — твоё хобби.

— Уж скажешь тоже — хобби! — хмыкнул Кнутиков. — Было бы хобби, я бы только и делал что женился. А тут один раз за бог знает сколько лет, да и то не могу толком!

— Может, подойдём ближе к сцене? — тему углублять Ксюше не хотелось.

— Пойдём, дорогая, — живо согласился Кнутиков. — Видишь, как славно мы кофе попили и без всякой чайханы. Ты только вслушайся в само слово: «чай-хана». Хана всякому чаю! Что можно ожидать от места с таким названием?

— А узбек? А пиала? — спросила Ксюша.

— А чем я хуже узбека? Борода и у меня есть. Да и вообще, сравнила меня, русского мужика, с каким-то узбеком! Со мной-то всё равно лучше! — самодовольно похлопал Кнутиков себя по груди.

Ксюша покивала. До окончания фестиваля, то есть до момента, когда она примет решение, оставалось уже два дня. Или ещё два дня — как посмотреть. И, кажется, она уже знала, какое это будет решение.

Протолкаться к сцене оказалось непросто — вблизи все горизонтальное и даже вертикальное пространство оказалось плотно утрамбовано телами прорвавшихся грушинцев. Те сидели, стояли, лежали, висели на деревьях.

Приглядевшись как следует, Ксюша и Кнутиков открыли для себя секрет так называемых «напопников» — круглых резиновых ковриков оптимистичного желтого цвета, подвязываемых сзади, так что при ходьбе они «элегантно» свешивались ниже пояса. С этими «напопниками» ходило почти всё уважающее себя грушинское население. Наличие «напопника» определяло статус грушинца. Впервые прибывшие «напопников» не имели. С любопытством они взирали на профессионалов, перенимая у них опыт, а пока что не знали, как им поудачней пристроиться на влажной земле.

Культ «напопника» процветал на Грушинке наравне с культом верёвки. Теперь Кнутикову и Ксюше становилось ясно: «напопник» нужен для того, чтобы иметь возможность присесть где угодно, в любом месте, не беспокоясь, что там под тобой. А пока приходилось и побеспокоиться. Не найдя себе место, они толкались в задних рядах, сожалея, что покинули уютный уголок в кафе.

Повезло снова. Милая молодая дама-грушинка попросила их присмотреть за своим надувным матрасом, пока они с мужем ненадол-

го отлучатся. Почему она обратилась именно к ним, было непонятно, но, похоже, их лица внушили женщине доверие. Так, неожиданно-негаданно Ксюша и Кнутиков оказались обладателями целого семейного матраса, получив возможность не только сидеть, но и по-лежать. Теперь они могли с удобством созерцать сцену, попутно охраняя предмет чужого семейного счастья.

А на сцену вышел вдруг... тот самый детина в бордо, не допустивший их до узбека в чайхане. Оказывается, он вовсе не был грушинским вышибалой, а был одним из выступавших, обозначенным в списках.

Детина долго щипал гитару, пытаясь добиться от неё взаимности. А потом, набрав в грудь побольше воздуха — чуть не выглотав весь озон Волжского побережья, он вытянул губы трубочкой и выпустил из себя тоненько:

— Ходила Маруся по двору гуляти, по двору гуляти — гусей окликати. Гуси мои гуси, гуси сероглазы... — старательно выводил он.

И так не вязалась монументальность его фигуры с игольной тонкостью почти женского голоса, что по лицам слушателей невольно поползли улыбки.

— Наверное, кофе перепил, — раздалось над Ксюшиным ухом. — Пожадничал, а не пошло, видать, ему на пользу... — Кнутиков сидел на коврике за плечами Ксюши.

Они продолжали перекидываться порой ничего не значащими фразами, но холодок, вынесенный из палаточной ночи, не исчезал. Сидя на чужом семейном матрасе, Ксюша и Кнутиков не касались друг друга, между ними была полоса нейтралитета. И сидящий на соседнем коврике мужчина-грушинец ощущался сейчас Ксюшей почему-то гораздо ближе, теплей, хотя бы по их общей совпадающей реакции.

А на сцене снова выступала бардесса — элегантная девушка в красивом длинном платье. У неё был низкий чувственный, проникающий голос под стать её душевным песням. Девушку принимали хорошо, заслуженно аплодируя. Вот она запела снова. Песня была про маму. Самая обычная песня про маму, каких на свете множество. Что-то такое, как она ей позвонит, как приедет и как мама будет ей рада...

Порой, сочиняя такие песни, люди совсем не

думают, что у каждого рано или поздно может наступить момент, когда приехать будет не к кому. И останется только горечь от так и не случившегося звонка или приезда. Особенно когда прошло ещё так мало времени и рана жива и кровотоцит.

Ксюша и сама не понимала, что с ней делается, а только голова её опускалась всё ниже и ниже. Она делала усилие, старалась её удержать, но... Слишком проникновенно пела девушка, слишком понятные и близкие слова у песни. Они напоминали совсем недавно: посиделки с мамой за самоваром на кухоньке, разговоры, её смех. И Ксюша уже не могла думать ни о чём другом, ей хотелось, чтобы скорей закончилась песня. Но куплет звучал за куплетом, и, казалось Ксюше, этому истязанию не будет конца.

Погруженная в эмоции, она не обращала внимания на лёгкое покашливание у себя за спиной, но вдруг её плечи обхватили крепкие руки. Голос над ухом сбивчиво произнёс:

— Я — с тобой. И всегда буду с тобой. Я буду заботиться о тебе, что бы ни случилось. Пусть даже ты считаешь, что этого мало, но... Сколько уж есть — всё твоё... навсегда. Помни об этом.

И песня, слава богу, закончилась, полностью обессилив Ксюшу.

А потом был обещанный Суханов. Выходили другие барды. Появились и участники ансамбля «Ариэль».

Ксюшины глаза постепенно просыхали, как грушинская земля после дождя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Страсти буйной ночи...

Ксюша с Кнутиковым обошли ещё несколько площадок и в конце концов, боясь получить отрывку от избытка бардовского искусства, ведь нужно было ещё сохранить силы для вечернего концерта, отправились на рыночный пятачок.

Грушинский рынок, настоящий, шумный, с разными торговыми рядами, где купить можно абсолютно всё: от морковки — до чепчиков для новорожденных, — пестрел яркими красками. Чего здесь только не было! Только вот «напопников», которые высматривала Ксю-

ша, не находилось. А может, они просто закончились? Так что стать истинными грушинцами им пока не удавалось.

Над рынком витал дымок от готовящихся на мангалах шашлыков, гремела музыка, и вообще здесь царила присущая рыночной торговле суета и неразбериха.

Основательно затоварившись, с двумя набитыми сумками, Ксюша и Кнутиков покинули гостеприимный торговый пятачок.

На протяжении дня нет-нет да и вспыхивала в Ксюшиной голове щекочущая мысль: «Как там палатка? Устояла ли среди нашествия буйных грушинцев?» Едва обогнув водоём, они с Кнутиковым принялись выгладывать её за деревьями. Палатка не просматривалась, и это увеличивало чувство тревоги.

В том, что Ксюша и Кнутиков точно запомнили место, где установили свою палатку, сомнений не было. Но теперь её как будто не было. Гора — на месте, яшень — на месте, а оранжевой палатки нет.

— Ну вот, я так и знал, не надо было её оставлять... — уже начал причитать Кнутиков.

И только подойдя совсем близко, поняли: палатка находилась на прежнем месте, но она была настолько плотно окружена людьми, что они просто загородили её своими спинами.

Вздых облегчения всё-таки последовал. Зато теперь у Ксюши и Кнутикова возникла новая тревога: а удастся ли им продержаться эту ночь среди такого скопления народа? Пока до ближайших «кресел» было около четырёх метров. До концерта оставалось около трёх часов.

— Может, нам пора начать вести дневник? — предложила Ксюша: — «До концерта осталось три часа. До палатки — три метра». А то засыплет, как в Помпеях, потомки и не узнают...

— Дорогая, у нас ещё будет возможность позаботиться о наших потомках, — непонятно к чему заметил Кнутиков. — По крайней мере, площадку перед палаткой занять никто не посмеет — я огорожу её как следует.

Они принялись разжигать костер. Ужин надо было успеть приготовить пораньше, чтобы не травмировать окружающих запахами еды — накормить всех Ксюша и Кнутиков явно бы не смогли.

— Ну какие мы всё же умные, — не удержалась от похвалы себе Ксюша, когда с тарелками, исходящими парком, они устраивались ужинать с видом на растущее многолюдие. — Все мечутся, ищут места, чуть ли не с утра жарятся на солнце, охраняя их, а мы сидим себе у своего очага и наслаждаемся.

— Да, — кивнул Кнутиков, но не преминул добавить: — Дай бог нам с тобой и завтра так радоваться!

И оба, не сговариваясь, с тревогой глянули на постепенно съедаемую нейтральную полосу: до ближайших зрительских рядов оставалось уже около двух метров. До концерта — ещё час.

Закончив трапезу, принялись разделявать купленного на рынке вяленого леща. Он вместе с безалкогольным пивом тоже должен был скрасить вечер Ксюше и Кнутикову не меньше, чем концертная программа.

Вот тут это и произошло. То самое, чего, собственно, и ожидали каждую минуту. Парусина палатки, в которой они в данный момент находились, вдруг заходила над их головами и резко осела, прогнувшись под ощутимой тяжестью.

Кнутиков выскочил наружу.

— Что там? — дернулась следом Ксюша.

— Не переживай, дорогая, — раздалось через минуту. — Просто один тут прыгнул, используя нашу палатку как батут: лучшие места занять хотел.

— А я думала нападение.

— Ну, если и нападение, то случайное. Чисто случайное.

Ксюша выглянула наружу. До палатки оставалось уже немногим больше метра. До концерта — чуть больше получаса.

Кирзовые ботинки Кнутикова продолжали маячить на уровне Ксюшиных глаз.

— Кого ты там высматриваешь? — спросила она.

— Просто, дорогая, я решил всю ночь простоять возле тебя в почетном карауле.

— Ленин я, что ли, в мавзолее, чтобы возле меня в почетном карауле? Да и не вижу я ничего, кроме твоих ботинок.

Перспектива сидеть в палатке с видом на кирзовые ботинки Кнутикова Ксюшу не очень вдохновила.

— Ну вот, опять не угодил. — Ботинки исчезли.

Итак, назначенный час приближался. Закат на небе был ещё силен, но уже чувствовалось его скорое угасание.

Последние приготовления для концерта были произведены. Расстелив небольшую скатерку внутри, перед самым выходом из палатки, Ксюша поставила на неё две кружки для пива и разодранного леща. Теперь, выставив головы наружу, они с Кнутиковым наблюдали, как ручеек из грушинцев тянется вверх по тропинке, огибая протоку и поднимаясь в гору.

Время концерта приближалось. Нейтральная полоса ещё продолжала существовать, но уже в минимальных пределах.

Решив не искушать публику, Кнутиков пока закрыл палатку изнутри на молнию.

А снаружи раздалось:

— Вот умные люди! Нашли где устроиться!

— Хорошо им!

— И места занимать не надо!

Летели реплики, пробиваясь сквозь полотняные стены палатки, где укрылись Ксюша и Кнутиков.

— Неизвестно ещё, что с ними к концу будет! — раздался голос какого-то завистника.

Концерт не начинался, хотя время уже и приблизилось к назначенному.

— Ну, что споём? — предложил Кнутиков, возможно, чтобы заглушить голоса завистников.

Не учли они только одного — их палатка обладала хорошей звукопроницаемостью. После первой же песни снаружи раздалась нежданная аплодисменты.

— Спасибо! Ребята, ещё, если можно!

На слушателей Ксюша и Кнутиков не рассчитывали. Переглянувшись с Ксюшей, Кнутиков тронул струны. Они продолжили петь:

*Милая, здравствуй, вот-вот и наступит зима,
Снегом седым занесет мой глухой переулок,
И полюблю время поздних вечерних прогулок —
В доме моем, я боюсь, не сойти бы с ума.*

*В доме моем, я боюсь, не сойти бы с ума,
Мне никогда ещё не было так одиноко,
Горестно смотрит луны желтоватое око,
Грозно на полке стоят золотые тома.*

*Грозно на полке стоят золотые тома,
Словно друзья одиночество встретить готовы...
Но выбегаю смотреть в синий ящик почтовый —
Там, в глубине, долгожданного нет ли письма.*

*Там, в глубине, долгожданного нет ли письма?
Вкрадчивый холод сжимает томительно сердце...
Но пустота за холодной безжалостной дверцей —
В доме моем, я боюсь, не сойти бы с ума.*

Едва песня отзвучала, снаружи снова раздался уже почти шквал аплодисментов, следом — выкрики:

— Чудесно! Молодцы! Спасибо! Если можно, ещё! Пожалуйста!

Сквозь сетчатый противокомарный полог Ксюша замечала, как в их направлении долго пробиралась какая-то парочка. Видимо, в поисках своих знакомых, а нашли Ксюшу и Кнутикова.

— Что, концерт уже начался? — поинтересовались новички.

— Да нет, затягивают, — ответил кто-то снаружи.

— А кому же вы тогда аплодируете?

— Да у нас тут свой концерт!

И снаружи снова заголосило, захлопало:

— Ребята, давайте открывайте Грушинку!

Ксюша с Кнутиковым переглянулись: что ж, открывать так открывать! им слабо что ли?

— «Диалог», — объявила Ксюша слушателям.

— Исполняется на два голоса — мужской и женский, — и начала первой:

— Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке...

Кнутиков подхватил:

— О чем ты говоришь — земля обожжена.

И дальше полились сплетённые мелодией голоса:

*Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке,
И чтобы свет луны струился из окна,
И чтобы шепоток завистниц в кулуарах,
И, вздрогнув, к нам вошли ночные зеркала...*

— *О чем ты говоришь? Земля от крови ала,
И комната, как вошь, прицелясь, напозла.
Мы пойманы в кулак, мы заперты, как в танке,
Мы выплунуты в ночь, как неугодный хлам.*

— *Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке,
И чтобы платья шелк скользил к твоим ногам.*

— *Мы пущены в расход, гнием живыми в склепе,
И наш с тобой уход уж предвкушает мышь...*

— *Мой милый, мы в раю, мой милый, мы на небе,
О чем ты говоришь, о чем ты говоришь!*

Когда песня закончилась, вокруг повисло молчание. Ксюша даже спохватилась: а не начался ли концерт? Может, они с Кнутиковым проворонили начало, пока пели?

Но аплодисменты грянули вдруг:

— Браво! Спасибо! Отлично, друзья! Класс! Молодцы!

А к их сетчатому пологу приблизилась физиономия.

— Перепишите, пожалуйста, слова последней, если можно! А?

Через минуту их палатка оказалась оккупирована — стоя на коленях, желающие записывали под диктовку Ксюши текст.

Творческий штаб фестиваля постепенно перекочевал в их палатку. Так благодаря наличию гитары и удобного месторасположения они первыми открыли главный концерт Грушинского фестиваля, хотя в списках не значились.

В конце концов, большой концерт всё-таки начался. Заиграли прожектора, ярким пятном высвечивая сцену, заработали динамики, на сцену один за другим начали выходить участники.

Зрительская гора была чем-то единым — общим. И ведущий обращался к зрителям: «Многоуважаемая гора», «Дорогая гора».

И «гора» откликалась световыми пятнами фонариков, зажигалок, аплодисментами, а порой и отчаянным свистом.

Лещ и пиво, заготовленные Кнутиковым и Ксюшей, давно были применены по назначению. Нейтральная полоса перед их палаткой опасно сократилась. От «зрительного зала» их ещё отделял отгороженный Кнутиковым при-

костровой пятачок, но и он был уже условным препятствием.

А на сцене-гитаре все продолжалось действо.

Вот в дурашливых колпачках выскочили артисты какого-то молодёжного ансамбля. Они кланялись, танцевали на сцене, и всё было довольно забавно, только непонятно, какое отношение это имело к бардовскому искусству.

Но «гора» благосклонно не засвистала молодёжь.

Наконец на сцену стали выходить люди с гитарами. Все выступающие имели какие-то титулы, звания — лауреаты и дипломанты — и об этом ведущий концерта не забывал сообщать. «Гора» ровно и вежливо аплодировала и так же ровно и вежливо отпускала исполнителя.

Но вот ведущий объявил без всяких титулов:

— Александр, — через значительную паузу выдохнул: — Дольский!

«Гора» молчала несколько секунд и вдруг взорвалась аплодисментами. А красивый, с лёгкой проседью человек уже шёл по сцене. Выйдя к микрофону, он тронул гитару, приветствуя. И зазвучала песня, ранившая всех такими знакомыми уютными строками:

*Пусть я подданный,
но всё же я весьма беспечный класс.
Притворяюсь я вельможей
в государстве синих глаз.
В этом царстве-государстве,
где погодится без бурь,
Мне прощается гусарство и мальчишеская дурь...*

Но, едва Дольский пропел пару куплетов, что-то случилось в работе динамиков. Звук пропал. И не раньше не позже, а именно когда пел долгожданный артист — бард-легенда.

Стоящий перед «горой» не понимал, что произошло: он старался, напрягал голос, но слышно его не было. «Гора» же, не желавшая мешать любимому барду, ещё какое-то время терпела, но динамики не включались. Наконец ропот начал нарастать:

— Звук, дайте звук!

А ничего не понимающий мэтр всё тянул песню. Народ стал подхватывать, подпевать. И постепенно, поднявшись со своих мест, вся «гора» уже пела:

*А устроен я так странно, всё скучаю по ветрам.
Неизведанные страны снятся, снятся по утрам.
Но когда за сотни делей я шагаю, как сейчас,
Мои мысли улетают в государство синих глаз...*

Зрителей всё прибывало. А Ксюша с Кнутиковым ещё пытались отстоять свой прикостровой пятачок, а нейтральной полосы уже не было в помине.

К их палатке подошла какая-то парочка, приметившая незанятое пространство.

Женщина смотрела умоляюще:

— Ребята, пустите хоть на краешек, ну, пожалуйста!

И, чтобы не быть уж совсем вредной «тётей Кошкой», Ксюша сдалась — первой согласно кивнула в ответ.

И рухнула, исчезла последняя баррикада: теперь, выглянув из палатки, взгляды Ксюши и Кнутикова упирались в чужие спины.

И вдруг!.. Как так случилось — они и не поняли, только их легкая, как воздушный парус палатка, стремительно осела, придавив своей тяжестью своих постояльцев.

— Мама родная, что это? — Ксюша не успела откатиться в сторону.

Кнутиков же вылетел наружу со скоростью пробки, выпущенной из бутылки шампанского.

— Ты жива там, дорогая? — услышала Ксюша через мгновение его голос снаружи. — Тут один товарищ явно недошел, сейчас я тебя от него освобожу.

Ксюша терпеливо ждала, пока Кнутиков поднимал с палатки свалившегося на неё грузинца.

— Ну и крупный мужик! — в проёме палатки появилась физиономия Кнутикова. — Втроём еле на ноги поставили: те ребята, которых приютили, помогли.

— Да уж, — кисло кивнула Ксюша.

— Хорошо, дорогая, что между вами была хотя бы парусина моей палатки...

— О, да! — Ксюша поморщилась.

В конце концов работу динамиков на сцене удалось отрегулировать. И выходили на сцену стройный Суханов, за ним — Дулов, Вихорев, сын Высоцкого Никита. Концерт теперь шёл своим чередом, как планировалось.

Освещаемая прожекторами, плыла внизу гитара. Давно перевалило за полночь, бездонный звёздный купол как будто плыл в такт мелодиям, и плыло, колыхалось вместе с ним «море» слушателей, покачивающихся со включенными фонариками в руках.

*— ...Милая моя, солнышко лесное,
где, в каких краях встретимся с тобою?..²⁰*

Ксюша огляделась. «Гора» действительно всколыхнулась, став чем-то одним, общим, целым, живым и неделимым, — зрители встали, знакомые и незнакомые, но объединенные мигмом могучей сопричастности. Покачиваясь, они положили руки на плечи друг другу.

*Качнется купол неба, большой и звездно-снежный,
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!²¹*

Ксюша поёжилась: плечам стало зябко.

— Жаль, что всё уже кончилось, — тихо произнесла сидящая рядом на прикостровом пятачке девушка.

А мужчина за её спиной вздохнул, утешая:

— Ничего, зато как следует подзарядились. До следующего года хватит.

Но все ещё не верилось, что праздник кончился.

Ручеёк зрителей, подхватив свои спальники и матрасы, уже потёк по тропинке вниз — к своим палаткам. Ожившая прежде «гора» постепенно становилась обычной горой, а сцена в виде гитары — плотом на воде. Только что обитавшие здесь «небожители»-грузинцы превращались в обыкновенных людей с привязанными сзади «напопниками». И только звёздный купол все ещё подрагивал в прежних ритмах.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Над землей фигня летала
серебристого металла...

Следующее утро из-за затянувшейся чуть ли не до рассвета концертной ночи наступило ближе ко времени обеда.

Ксюша пила чай, ёжась у костра. Они с Кнутиковым решили напоследок ещё раз обойти

грушинский лагерь и сходить на берег Волги, который манил их издали с самого первого вечера.

Погода наконец устоялась, и как следует искупаться перед дорогой было делом первой необходимости — палаточная жизнь давала о себе знать.

Ксюша планировала добраться и до штабной палатки: там висело расписание уходящих электричек. Она ещё не говорила Кнутикову, но хотела узнать, во сколько отправляется сегодня последняя...

Выяснив самый короткий путь, преодолели два шатких мостика. Один из них был весь увешан пёстрыми яхточками. Оказавшись на берегу Волги, который так манил их издали, Ксюша и Кнутиков ахнули. Казалось, если и существует рай, то он должен выглядеть примерно так, только вместо яблонь из песка тянулись ввысь стройные, отдающие золотистым загаром сосенки.

Берег оказался не совсем берегом, вернее — совсем не берегом: вытянутый вдоль него, но совершенно обособленный островок, соединенный с основным материком двумя мосточками.

Присутствие здесь вобравших солнечный свет сосен делало и всё пространство солнечным, легким. Подобный рай, наверное, не смог бы довести до грехопадения Адама и Еву, и дело даже не в отсутствии яблонь с провоцирующими яблоками. Сама природа здесь дышала какой-то особенной чистотой, неся отпечаток библейской первозданности.

— Может, сходим за палаткой? — Кнутиков с горящими глазами осматривал место. — Переночуем здесь хоть один разок?

Ксюша неопределённо пожала плечами. Место ей нравилось тоже... Но какой рай с Кнутиковым? Для неё холодные палаточные ночи последовали за такими же холодными днями. Но к природе это отношения не имело, тем более Ксюша ещё не побывала у штабной палатки.

Так ничего и не решив, они с Кнутиковым отправились в обратный путь.

Над ними не переставая, словно преследуя, кружил патрульный самолёт. Собственно, он кружил здесь все фестивальные дни — маленький, с серебристым брюхом, напоминавший

какую-то диковинную птицу. Совсем неподалеку на реке находилось место его дислокации — приземления, сказать правильнее — приводнения. Самолёт летел низко, выписывая в воздухе виражи, лихачил, покачивая серебристыми крыльями. Ксюша даже заметила, как им помахали из кабины.

Заметив, что, сделав очередной круг, самолёт снова начал приближаться к ним, Ксюша задала: «Если помажет крыльями — значит, уеду сегодня на последней электричке».

И правда, самолетик двинулся в их сторону. Крылья держались ровно.

«Если помажет — значит... Ну же!» — Ксюша не отрывала от него взгляда. Самолетик парил уже почти над головой. «Ну же, ну!» — Ксюшина рука непроизвольно протянулась навстречу:

— Эй, летчик-пилотчик! — крикнула она.

— Не старайся, Ксюшк, — отреагировал Кнутиков. — Им с высоты людей не видно. Ты кажешься ему такой маленькой-маленькой!

Но вдруг словно в противовес словам Кнутикова крылья самолета завибрировали, а лётчик весело помахал им рукой.

— Ну что? — победно отреагировала Ксюша.

— *Над землей фигня летала*

серебристого металла,

Сколько стало в наши дни

неопознанной фигни!

Это не я, — на всякий случай сообщил Кнутиков. — Это из народного фольклора, собранного Николаем Старшиновым.

— Мне кажется, сейчас больше подошло бы визборовское: «Крылья расправит искатель разлук самолёт...»

«Всё, пора идти к штабной палатке!» — решила Ксюша.

У главной «штабс-палатки» Ксюша тщательно изучила расписание электричек. Оставался суший пустык — принять окончательное решение. Но пока решение не принималось — в сердце жила ещё неотжитая, неотболевшая Грушинка.

Подойдя к развилке тропинок, Ксюша и Кнутиков удивились. Здесь, неподалеку от ручья, стояла разлапистая сосна, словно иллюстрируя визборовское: «Где тот ручей у янтарной сосны?» Ручей был. И янтарная сосна, отражающая закатное солнце, тоже присутствовала.

В фестивальные дни сосна напоминала собой разводной пикет с напутствующими надписями: «Прямо пойдёшь — на рынок попадешь, вправо пойдёшь — к горе попадешь, налево свернёшь — Волгу найдёшь, назад пойдёшь — куда-нибудь попадешь».

Сейчас на сосне висела всего одна табличка: «Отъезжающий! Позаботься об автостопщике! Не тащи с собой оставшиеся продукты — в дороге они тебе всё равно не пригодятся!»

Сосна с табличкой напомнила Ксюше кота Базилио тоже с табличкой на груди. Под деревом одиноко лежал разодранный кед, просящий каши, — видимо, это всё, что отъезжающие смогли пожертвовать автостопщику.

Полюбовавшись на сосну и не позарившись на рваный кед, Ксюша и Кнутиков пошли дальше. И, уже почти дойдя до своего лагеря, где Ксюша таки собиралась принять окончательное решение, обнаружили вдруг ещё одну концертную площадку, о существовании которой они даже и не подозревали. Здесь ещё шел последний — теперь уж точно последний — Грушинский концерт.

На то, что он последний, указывало всё кругом: медленный людской ручеек, тянувшийся по горе на электричку, радиоузел предупреждал о прекращении подачи пресной воды и прочее.

Но тут, возле малой сцены, ещё кипела жизнь. Мелькали лица, звучала гитара. Выходил Суханов в костюме защитного цвета, перетянутый солдатским ремнем, потом Егоров, мягкий и улыбчивый Вихорев.

Оставшиеся барды в задумчивости бродили позади сцены. Никакой чайханой тут не пахло. И на лицах у всех уже лежал отпечаток скорой дороги, в гитарный перебор вмешивался стук колес. И окончание чего-то — не только Грушинского фестиваля, а чего-то большего, — саднящей грустью отдавалось в сердце.

Наконец, добравшись до своего палаточного лагеря, Ксюша и Кнутиков вдруг... ни с того ни с сего вытащили из палатки гитару и, присев у костра, тоже принялись петь. Это произошло как-то само собой: просто Кнутиков взял гитару, просто запел, Ксюша ему просто подтянула.

И они пели, глядя на восходящий поток народа, на уже разоренный грушинский пейзаж, на свой лад устраивая проводы фестивалю.

А внизу уже снимали прожектора, а монтажники уже разбирали сцену, вот уже перестал работать радиоузел...

А они, Ксюша и Кнутиков, всё пели и пели и никак не могли остановиться. Вернее, это «что-то» пело в них. И, похоже, это было единственное, на что они сейчас и были способны:

*Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны,
Пеплом несмелым подернулись угли костра.
Вот и закончилось все, расставаться пора...²²*

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Кнутиков вживается в роль
Акакия Акакиевича,
а Ксюша отправляет его очень далеко

И вот она наступила — их последняя грушинская ночь. И то обстоятельство, что ночь последняя, вызывало у Ксюши вздох облегчения.

Утро, как итог, как затянувшая необходимость терпеть то, что уже не терпелось, разбудило в ней чувство наступающего освобождения. И она уже не задавалась вопросами: почему? отчего? В объяснении, так и не последовавшем за прошедшие трое суток, уже не было необходимости. Они общались с Кнутиковым, вместе обедали, пили чай, вместе кружили по фестивальным площадкам, они даже ночевали в одной палатке, но это не делало их ближе. Существовавшая раньше толика тепла, близости, доверия за эти три дня исчезла, так и не приведя их двоих к единому знаменателю.

Грушинский фестиваль состоялся. Но для них двоих его словно и не бывало. От их личного фестиваля тянуло чем-то скучным, рутинным, холодно пластиковым.

Да, он хорошо умеет справляться с костром и ставить палатку. Но ведь ради этого не выходят замуж. И потому... А что — потому?

Главное, что ночь последняя. И теперь Ксюша спокойно может собрать вещи. Удивительно, но в эту последнюю ночь, лишённую всяких иллюзий, она спала как убитая.

Утром, услышав, что она зашевелилась, Кнутиков просунул голову в палатку:

— Проснулась? А я только собрался тебя будить.

— Спасибо, уже встаю.

Кнутиков влез в палатку и впервые за последние дни сделал попытку приобнять.

Но сегодня это вызвало в ней только смех.

— Пожалуйста, уберите это! — скосила она глаза.

— А чего это вдруг? — озадачился он.

— Вдруг? — и Ксюша стряхнула со своего плеча его ладонь — так брезгливо, как насекомое. Она принялась искать полотенце.

— Ну объясни хотя бы, — Кнутиков интонацию уловил, — в чём хоть дело-то?

Ксюша продолжала искать полотенце, перебирая вещи. Да куда же оно задевалось-то?

— И всё-таки? Объясни! — теперь уже потребовал Кнутиков.

«Бедный, непонимающий, несчастный», — подумала Ксюша. Ответила всё же:

— Объяснять тут нечего!

— Мне непонятно. Может, всё же объяснишь?

«Издевается он, что ли?» — мысленно вскипела Ксюша.

— Ну, хорошо, раз так хочешь... — сдержав гнев, чётко выговаривала она. — Объясняю. Говорю, даже по слогам: а не пошёл бы ты куда-нибудь... подальше. Например, к чёрту!

Кнутиков испуганно дёрнулся, глаза его метнулись к палаточной прорези.

— Зачем же так громко? Потише-то нельзя?

Ксюша рассмеялась:

— Извини, но посылать к чёрту тихо очень трудно, практически невозможно. И поэтому — пошёл ты...

О, как же она была рада, что можно больше не терпеть то, чего уже не терпелось!

Кнутиков заёрзал, задёргивая палаточную прорезь, будто это как-то могло уменьшить звукопроницаемость палатки.

— Ну, а кричать-то зачем? Зачем специально привлекать внимание?

— Внимание? Чьё внимание? Кого привлечь? — выглянула Ксюша наружу. — Кажется, вблизи никого нет. Да и не было. Ближайшая

палатка от нас метрах в ста. Да и чего мне бояться? Если я люблю, то люблю. А если посылаю, то... И поэтому пошёл ты...

Обнаружив наконец искомое, она схватила полотенце и стрелой вылетела из палатки.

— Стой! Ты куда? — пытался остановить её Кнутиков. — А как же я? Подожди!

Но Ксюша неслась по тропинке вниз.

— А ты иди туда, куда тебя послали! — крикнула, не оборачиваясь.

Ксюша спустилась к протоке, радуясь и отступив Кнутикова, и своей вдруг наступившей свободе. Словно закрученная за эти дни пружина стала в ней наконец распрямляться.

Она долго и с наслаждением плавала, потом долго и с наслаждением лежала на прогретом песке, стремясь всем телом прочувствовать и конец фестиваля, и эту свою наступившую свободу, и... и... и откуда-то вдруг взявшийся сквознячок грусти.

Какой же ты дурак! Да как же ты посмел!

Взгляд женщины своей любимой ты имел.

Чужие города, другие поезда...

Исчезло всё как дым, пропало без следа.

Нам впереди одна разлука предстоит,

В ней не горит свеча, гитара не звучит.

Так погоди, постой, верни её назад,

Где в темноте густой горит любимой взгляд.

Когда Ксюша вернулась к палатке, Кнутиков по-прежнему торчал у костра.

— Наконец-то, — метнул он в неё осторожный взгляд. — А я уже кипяток пять раз подогревал. Садись завтракай.

И было в его суете что-то жалкое, особенно сейчас, когда она уже решила расстаться с ним навсегда.

— Спасибо, я сыта, — бросила ему Ксюша.

— Чем же, интересно, ты сыта?

— Впечатлениями. Я пришла за вещами. Надеюсь, — она чуть помедлила, — ты сможешь добраться до дома без меня?

— До дома? — застыл он с дымящимся котелком. — Без тебя?

И, чуть помолчав, ответил:

— Смогу. А ты без меня?

— Я? — пожала плечами Ксюша. — Если ты заметил, я всё делаю самостоятельно.

Скрывшись в палатке, она принялась за разбор вещей:

— Это — твоё. Это — моё. Твои спортивные — мои спортивные, твой свитер — мой свитер. Твоя кружка — моя кружка...

— Дорогая, может быть, ты всё же позавтракаешь перед дорогой? — Кнутиков, просунувшийся в палатку с миской в руках, наблюдал за её действиями.

— Спасибо, у меня сегодня разгрузочный день.

— А как же берег Волги? Мы же хотели сходить туда. Быть может, мы лишаем себя самого счастливого мига в нашей жизни!

— Боюсь, что для меня этот миг уже прошёл. И выйди, пожалуйста, ты мешаешь мне собирать вещи.

— Ну, если уж ты решила покинуть меня окончательно, объясни хотя бы, почему уходишь. В чём я так провинился?

Губы дернулись в усмешке. Ксюша помолчала.

— Кажется, Тэффи сказала: «Если надо объяснить — значит, не надо объяснять!» — выдала наконец она.

— Ну, пусть я такой тупой, по-твоему, но должен же я понять. Для чего такие жертвы? А то уйдёшь, а я даже не поумнею, — Кнутиков не отставал.

Ксюшина рука уже старательно утрамбовывала рюкзак.

— Не всё можно объяснить. Да и не всё хочется объяснять.

— И всё-таки... Пока не объяснишь, я тебя отсюда не выпущу, — загоразивал Кнутиков выход из палатки.

— Ну, хорошо, — поморщилась Ксюша. — Если это может принести тебе пользу... Хотя такое не объясняют. Трое суток я была рядом с мужчиной. И трое суток его со мной практически не было...

— Да как же не было?! А кто же тебя охранял в палатке? — пытался возмущаться Кнутиков.

— Для этой цели я могла бы нанять сторожевую собаку. Поцеловали меня — ноль раз, обняли — ровно столько же. В палатке я чуть не заиндевела от холода. И всё это с учётом того, что я была рядом с мужчиной, который на каждом шагу кричит о своей любви!.. О своём знании жизни!.. Приглашает замуж!.. Так за-

чем мне выходить замуж? Чтобы спать на другом конце палатки? — выпалила Ксюша.

— Но ведь я же... — Кнутиков даже покраснел.

— Да, вероятно, вы были чем-то очень заняты, — неожиданно перешла на «вы» Ксюша. — Очень занят. До меня дело как-то не доходило. Ну так и продолжай заниматься этим дальше. Зачем тебе жениться?

— Так, кажется, я что-то начинаю понимать.

— Только начинаешь? — Ксюша разошлась не на шутку. — Так что же мне делать рядом с человеком, который только «что-то начинает понимать»? Вот когда поймёшь — тогда и женись. Так красиво рассуждал о гармонии двух начал, что я чуть было не поверила в жизнеутверждающее начало твоей философии, в силу простых мужских понятий. Но всё оказалось трёпом!

Ксюша осмотрелась ещё раз: не забыла ли чего?

— Но ведь мы же всё время были на виду, — вяло промямлил Кнутиков, оглянувшись и сейчас. — Кругом же всё слышно!

— Что — слышно? — оторопев, уставилась на него Ксюша. — Кому — слышно? Как ты меня поцелуешь — слышно? Обнимешь — слышно? До ближайшей палатки больше пятидесяти метров! А сегодня вокруг вообще никого, — тут до неё стало что-то доходить. — Так ты что, всё это время боялся?.. Боялся, что тебя услышат? — она смотрела на него с изумлением. — Да у всех своя жизнь! И до тебя в ней нет никому дела! Или ты думаешь, что твоя жизнь кому-то интереснее, чем своя собственная?

— Просто мой принцип — доставлять как можно меньше хлопот и неудобства окружающим, — оправдывался Кнутиков.

— Окружающим?! — остолбенела Ксюша. — Значит, ты предпочёл доставить неудобства мне, единственному человеку, которому до тебя было дело, ради тех, которым до тебя и дела не было? — она усмехнулась, осмысливая. — Интересно, какой ещё бардак в твоей голове? — и снова нетерпеливо подёрнула шнурки рюкзака. — Знаешь, это философия какой-то... консервной банки, микроба... Акакия Акакиевича!..

— Ну и пусть микроба! Зато на своей территории я хозяин! — почти крикнул Кнутиков.

— На какой «своей территории»? Где она? В банке? В шкафу? Посадите меня в шкаф, запеча-

тайте в горшок — и я покажу вам, какой я храбрый! Но мир — это не горшок! В нём, хочешь или не хочешь, приходится совершать поступки, принимать решения. При этом не дожидаясь, когда для этого будут сопутствующие обстоятельства! — Ксюша глотнула воздуха. — Знаешь, я ведь с тобой даже... — она недоговорила.

Подумала: «Как же прав был Каурин, говоря о кислородной подушке!»

Схватив рюкзак, Ксюша метнулась в сторону палаточной прези.

Кнутиков перегораживал ей путь:

— Я тебя всё равно не пушу!

— Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж.

Но ведь может возникнуть любая ситуация. Любая! И я никогда не буду знать, как ты себя поведёшь. Кого испугаешься? Милиционера? Дорожного рабочего? Соседа по купе? Пусти! — попыталась Ксюша прорваться. — Мне надо успеть на электричку!

— Я же сказал: не пушу! — с места не сдвинулся он.

— А я кричать буду. Испугаешься, что услышат, и выпустишь!

— Ну и кричи!

Ксюша усмехнулась:

— И ты не испугаешься?

— Не испугаюсь!

— Трус! — борьба за выход из палатки продолжалась.

— Пусть трус, а всё равно не пушу! — сдерживал Кнутиков её порывы.

— Рак, зарывшийся в своей скорлупе! — хлестнула словами Ксюша.

— Пусть рак!

— Акакий Акакиевич!

— Уже лучше, все же литературный персонаж! — спокойно ответил Кнутиков.

— Жалкий подземный крот, зарывшийся в своей норе! — Тут ей всё-таки удалось получить доступ к молнии и даже раздёрнуть створки палатки.

— А ты — Дюймовочка, рождённая на лепестке лилии! — нашёл Кнутиков подходящее слушание сравнение.

— Между прочим, Дюймовочка всё равно сбежала от крота. Потому что не могут существовать рядом земное и небесное!

— А лилия-то, на которой она родилась, меж-

ду прочим, корнями в землю уходила! В навоз! Потому что не может существовать небесное без земного! А вот земное без небесного... Это ещё как сказать!

— Земное без небесного — ничто, рутинная пыль. Ни один росток не взойдёт без света. К чему ему тянуться? И вообще, надоел ты мне со своим словоблудием! — толкнула Ксюша его в грудь.

От этого толчка Кнутиков вылетел головой из палатки, опрокинувшись на спину.

— Помогите, спасите! — заорал он дурашливо. — Люди, ау! Что эта женщина со мной делает!

Находящийся неподалёку мальчик лет десяти, очищавший гору от пластикового мусора, удивленно поглядел в их сторону.

— Не ори так, ребёнка испугаешь! — шепотом сказала Ксюша.

— А-а, мне теперь всё равно! Терять нечего. Теперь я нарочно буду кричать. Мальчик, спаси меня от этой женщины! — Кнутиков замахал руками.

Мальчик, опустив мешок на землю, смотрел на него, не понимая.

— Не пугай ребенка! — вновь велела ему Ксюша.

— Мальчик, не бойся! Всё нормально, — пояснил Кнутиков. — Просто эта женщина так признается мне в любви!

— Что?! — опешила Ксюша. — Даже в виде клеветы это недопустимо! Мальчик, закрой уши!

— Вернее, это я признаюсь ей в любви! — шустро поправился Кнутиков.

— Ну, это уже лучше, — чуть смягчилась Ксюша. — Но на твоём месте я бы поостереглась — вдруг кто-нибудь услышит, кроме мальчика.

— А мне теперь всё равно! Всё — всё равно! Лишь бы только Багрянцева не уходила!

— Да? Всё равно? И не боишься, что услышат? — недоумевающе переспросила она.

— Не боюсь!

— Ну, тогда давай кричи! — приказала ему.

— А что кричать-то? — Кнутиков не понял.

— Да что хочешь, главное — громко!

Кнутиков набрал в грудь побольше воздуха:

— Багрянцева! Я... тебя... люблю!

— Любишь и ничего не боишься?

— Люблю и ничего не боюсь! Слушайте все, слушай гора: я люблю Багрянцеву! И я не хочу,

чтобы она от меня уходила! Потому что я её люблю-ю-ю!

Люди, ещё тянущиеся поредевшей цепочкой вверх, удивленно завертели головами. Вроде фестивальная программа закончилась. Но при тихшая было гора сейчас выдавала какой-то свой новый неожиданный репертуар:

— Багрянцева, я тебя очень!.. Очень-очень!.. И ни за что никогда... Потому что, пока ты со мной, я ничего не боюсь! Я... люблю... тебя!

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Кнутиков борется
с энергией Мирового океана

Ксюше всё-таки удалось выбраться из палатки. От своего решения она отказываться не собиралась, несмотря на кнутиковское признание.

— Дорогая, может, ты всё-таки позавтракаешь? Зря я, что ли, готовил?

— Хорошо, позавтракаю, — милостиво согласилась Ксюша. — Не пропадать же добру.

Пока она пила чай, Кнутиков собрал палатку. Пока мыла кружку, собрал рюкзак. Теперь, нацепив на себя свой походный инвентарь, он старательно торопился следом, пытаясь не отстать от Ксюши.

— Дорогая, куда ты спешишь с такой скоростью?

— Разумеется, туда, где тебя нет!

— Но, согласись, нельзя прийти туда, где меня нет, вместе со мной. А поскольку я отставать не собираюсь, тогда... Куда же мы так спешим?

Они вышли на песчаный пляжик, со всех сторон заросший осокой. Прямо перед ними на том берегу лежала на воде балалайка. Балалайка-сцена. Сейчас она была пуста, и это тоже казалось противоестественным. Даже не верилось, что ещё вчера она была сосредоточением грушинской жизни.

Ксюша сбросила с плеч рюкзак. Кнутиков последовал её примеру.

— Наконец-то ты привела меня искупаться! — Быстро раздевшись, он первым зашел в воду. Крикнул: — Спасибо тебе!

Стоя в воде в нескольких метрах от берега, Ксюша с досадой поглядывала на спрятавшееся

солнце, пытаясь в уме рассчитать, успеет ли она сегодня вечером хотя бы на последнюю электричку и состыкуется ли эта электричка в городе с поездом.

— Дорогая, почему ты не заходишь в воду? — Кнутиков уже успел сплавать к балалайке, обследовав её вблизи.

— Солнце спряталось. Холодно!

— Моей маленькой холодно... — заныл Кнутиков, чем вызвал неприязненное движение её плеч. И вдруг, задрвав к небу голову с редкими волосами, принялся что-то бормотать себе под нос.

— Что это вы бормочете, господин Кнутиков? Уж не заговариваете ли вы начали? — обеспокоенно посмотрела на него Ксюша.

— Нет, просто с сегодняшнего дня, дорогая, я решил исполнять все твои желания. Ты сказала, что солнце исчезло, поэтому ты не можешь покупаться. Значит, я должен вернуть его обратно. На небо.

— А-а! — покивала Ксюша. — Понятно. А ты не надорвешься? Солнце всё-таки!.. Светило! — пыталась она удержаться от смешка. — Со светилом тягаться — это, знаешь, не шутка.

— Чего не сделаешь, чтобы исполнить желание любимой женщины... — привычно медовым голосом продолжил Кнутиков.

— Вот именно: чего не сделаешь! И лучше всего ничего не делать, а просто потягаться с солнцем. Тем более оно и само скоро выйдет. Кстати, один уже пытался. «Я крикнул солнцу: «Слазь! Довольно шляться в пекло!»

— В отличие от Маяковского, я пойду другим путём. Я буду пальцем разрезать небо! — ткнув указательным пальцем в небо, Кнутиков упёрся в облако.

— А не сделаешь ли ты в небе дырку? — Ксюша знала, что смеяться нельзя: рассмеялся — значит, проиграл. Она же проигрывать не собиралась. И всё же больно смешной был вид у Кнутикова: весь мокрый, тычущий в небо пальцем. — Хоть волоски из бороды не вырывай! А то и впрямь наколдуешь...

— Не мешай, Багрянцева, мне надо сосредоточиться. Я должен разрезать это облако.

— Может, тебе принести нож?

Ксюша снова попыталась сосредоточиться, высчитывая в уме время...

— Значит, ты считаешь, что я не смогу разре-

зять это облако? — прервал размышления Ксюши Кнутиков.

— Ну, если представишь, что это пирог, да ещё с хорошей начинкой... — она сдерживалась уже изо всех сил.

— Не веришь, что я могу вернуть солнце? Не веришь, да? Признавайся, Багрянцева! Ты мне не веришь?

— Верю! — бороться со смехотворной бациллой становилось невозможно.

— Хорошо, давай сделаем так: если через пятнадцать минут солнце не появится, можешь не верить мне и дальше. Но если появится, — сделал Кнутиков значительную паузу, — тогда идёшь со мной на берег Волги! А там я постараюсь реабилитироваться и буду исполнять все твои желанья. Ну как? Идёт? Договорились?

— Угу, — буркнула Ксюша, старательно поджимая губы узелком.

«Что же там насчёт электрички?!» — опять вспомнила она.

Небо было сплошь затянуто облаками.

— Ага, ты сказала «угу»! Смотри, не отказывайся потом! Так и решим! Ну, смотри, Багрянцева! Попробуй потом только откажись, слово не воробей.

— Не понимаю я вообще, как можешь ты, человек православной веры, каждую минуту поминающий Бога, вмешиваться своим грязным пальцем в гармонию божественного мира? — Ксюша старалась говорить серьёзно, чтобы удержаться от смешка после такой кнутиковской клоунады.

— Во-первых, палец у меня не грязный, — продолжал Кнутиков гвоздить им небо. — Я его полоскал...

— В этой грязной луже, где мы купаемся, — не удержавшись, поддела Ксюша.

— А во-вторых, в каждом христианине живёт язычник. Мы же всё равно поклоняемся каждому пню. Тот же Пушкин — вспомни, какой он был суеверный, — верил во все приметы: в зайца, в попа, в бабу с ведром...

— Я в курсе, — пресекла Ксюша, опасаясь, что Кнутиков прямо сейчас начнёт делиться с ней от неё же полученными знаниями.

— И мой корявый палец вовсе не отрицает основ православия. Бог един, только разлит во всём. И, поклоняясь пню, мы поклоняемся той части божественного, которая...

— Ну, всё, хватит о высоком, — надоело Ксюше вместо плавания слушать его ликбез. — Давай дырявь небо быстрее!

Через пять минут на небе, словно приклеенные, стояли облака.

— Наверное, если бы мы были в Древней Греции, ты бы со своей смелостью вызвал на поединок самого Зевса! — продолжала Ксюша измываться, чтобы удержать себя от смеха.

— О! — Кнутиков даже обрадовался. — На Олимп хорошо бы! Ты бы, конечно, была Афродитой, выходящей из вод морских. Хотя, на мой взгляд, тебе больше подошла бы роль Дианы. Только копьё и стрелы лучше отобрать заранее.

— А себя бы ты, конечно, произвёл в Аполлоны, — вновь поддела Кнутикова Ксюша.

— Дорогая, согласишься, я больше похож на Давида! — тот даже постарался принять характерную для Давида позу, поигрывая мускулатурой.

— А я думала на Приапа! — бороться со смехотворной бациллой становилось уже практически невозможно. — И вообще, Кнутиков, кончай валять дурака! Всё равно осталось пять минут!

— Ты мешаешь мне сосредоточиться.

Ксюша не поняла:

— Чем это мешаю?

— Ты меня смешишь.

— Я? — побагровела от разрывающего её смеха Ксюша. — Это ты меня смешишь! Здоровый мужик, а... торчишь тут, как пугало на огороде, в красных плавках! Сейчас вороны слетятся!

— Багрянцева, прекрати! — Кнутиков словно увидел себя со стороны. — Не мешай мне. Остались последние минуты!

— Поздно, Кнутиков! Мы никуда не идём!

«Так что же там насчет электрички?» — Ксюша посмотрела на наручные часы.

— Не мешай, я должен сконцентрировать свою энергию на кончике...

— На кончике — чего? — у Багрянцевой сдерживаться больше не было сил.

— Пальца, дорогая, всего лишь пальца!

— Что — сконцентрировать?

— Энергию! — прокричал Кнутиков во всё горло.

— Да откуда она у тебя... — устав сопротивляться, Ксюша уже вытирала со щёк слёзы от смеха. — Хотя, может, за последние дни и накопил!

— Ну, Багрянцева! — Кнутиков дёрнулся вместе с пальцем, чуть не улетев в небо.

— Всё! Пятнадцать минут прошло! Ура! — устав дрожать, стоя по-прежнему в воде, Ксюша нырнула.

Она сделала всего несколько торопливых гребков, опустив лицо в воду, а когда вынырнула... не поверила собственным глазам!

Всё вокруг было залито солнцем! Ярким, праздничным, торжествующим! Брызнувшим вдруг, взявшимся непонятно откуда, вмиг оживив осиротевший грушинский пейзаж. Казалось, чья-то невидимая рука там, на небесах, раздвинув облака, подыграла происходящему на земле. Это было похоже на фантастику.

А на берегу, пытаюсь попасть ногой в брючину, прыгал Кнутиков.

— Ну, всё, Багрянцева, собирайся. Идём. Как договорились — на берег Волги. Ты проиграла.

— Ладно уж, — смирилась Ксюша, так и не поняв, не поверив до конца. Уж если ему сами небеса подыгрывают...

— Так и быть, раз обещала, схожу, но... — договаривать она не стала.

Они прошли через разорённый грушинский пейзаж, ещё совсем недавно чужой, а теперь отдающий горьковатым привкусом уже обжитого, но покинутого гнезда. Уже не работал радиоузел, перестал действовать штаб, закончилась подача пресной воды.

Возле первого мостика, ещё вчера весело украшенного яхточками, пустынно, лишь покачивались на воде откормленные жирные утки.

На мосточке решили отдохнуть, уселись, свесив ноги. Утки, похоже, истосковавшиеся то ли по человеческому общению, то ли по возможному подкорму, тут же ринулись к ногам. Наибольшей общительностью отличалась одна, особенно её почему-то привлекла кирзовая обувь Кнутикова.

— Такое ощущение, что она хочет мне что-то сказать, — Кнутиков даже склонился, подставив птице ухо.

— А может, это не утка, а превращенная в неё прекрасная царевна подает тебе знаки. Смотри, Кнутиков, не проворонь своё счастье! — поддержала Ксюша сказочную версию.

— Уточка, уточка, что ты мне хочешь сказать? — присмотрелся к ней Кнутиков, словно и в самом деле пытаюсь разглядеть черты прекрасной царевны.

— Она хочет тебе сказать: «Кнутиков, возьми меня замуж. Я буду нести тебе яички — простые и золотые».

Кнутиков поглядел на утку с сожалением, словно расставался с перспективой несъеденной яичницы.

— Уточка-уточка, — вздохнул он, — взял бы я тебя замуж, да только я уже Багрянцевой обещал.

— Так Багрянцева за тебя всё равно не идёт, — подхватила Ксюша. — Чего зря время терять? Сам говоришь: с такой фамилией ей только на баррикады!

— Уточка-уточка, она хоть и не хочет, но я всё равно постараюсь её уговорить!

— От меня-то тебе какая польза? А тут проснулся, бац — готовая яичница! — искушала Ксюша Кнутикова.

— Эгоистка ты, Багрянцева! Живого человека на яичницу меняешь. Счастье — это тебе не яичница, пусть даже и с беконом! Я сам согласен тебе и простые, и золотые яйца, и кофе в постель носить. И любые желания исполнять! Вот скажи, есть у тебя желания?

— Уже нет, — уже одетая после купания Ксюша закидывала на плечи лямки рюкзака. — За последние дни куда-то пропали.

— Не верю! Чтобы у тебя и нет? Не верю! — придурковато крутил головой Кнутиков. — Давай загадывай! Любое твоё желание для меня закон! Ну?

— Ну, хорошо, — Ксюша поняла, что он не отстанет. — В космос ты всё равно меня отправить не сможешь... Сочини какой-нибудь стишок, что ли.

— Стишок? Про что? — изобразил готовность Кнутиков.

— Ну, про любовь, конечно.

— Просто про любовь?

— Ну, про любовь и... про меня. Про твою любовь ко мне, — усложнила Ксюша задачу.

— Ну, это просто!

Кнутиков молчал минуты три.

— Готово! Слушай:

*Пускай потрёпан я слегка
И в дом господ не вхож,
Зато такого мужика
Нигде ты не найдёшь!*

- Ну как? — спросил он самодовольно.
— Это про что?
— Как заказывала: про тебя и про любовь!
— А-а... И где тут любовь?
— Ну как где? — искренне удивился Кнутиков.
— Здесь всё про любовь. Мужика-то какого? Такого! А какого «такого»? Любящего! А любящего-то — кого? Тебя! Чего тут непонятного?
— А-а... — снова протянула Ксюша. — Теперь понятно.
— Что, не понравилось?
— Не знаю, что и сказать.
— Ну, хорошо, буду думать дальше. — На этот раз Кнутиков молчал чуть дольше. — Есть! Слушай!

*Пускай слова мои не те.
Любимая, прости!
Такую женщину нигде
Мне больше не найти!*

- Ну, как теперь? Лучше?
— Ладно, — кивнула Ксюша. — Сойдёт!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

В жизни всегда есть место детективу,
или Рай в ивовых кустах

Воздри ударил смолистый запах сосен. Пейреда последний мостик, они остановились как вкопанные: вчера пустовал островок, а сегодня оказался заселён — весь усеян людьми и палатками. Похоже, на островок перекочевала добрая половина грушинцев.

Ксюша и Кнутиков долго блуждали в поисках места, пока не поняли всю бессмысленность этой затеи. Их рюкзаки, цепляясь за ветви, лишали их возможности маневрирования. Скинув их с плеч и закидав ветками, они отправились изучать побережье налегке.

Пройдя почти весь вытянутый островок, но так и не найдя подходящего места, Ксюша и Кнутиков повернули обратно. Теперь они обна-

ружили совершенно свободный, незанятый пятачок. Как они его просмотрели по дороге туда — непонятно. Возможно, тогда там ещё стояла чья-нибудь палатка.

На этом пятачке всё было как им надо: сосны, вид на Волгу, сухая почва под ногами и даже уже готовое кострище. Похоже, действительно кто-то освободил его совсем недавно, скорее всего — только что, пока Ксюша и Кнутиков изучали остальную часть острова. Обработанные, они поспешили за своими вещами.

Шли кромкой леса, а по самому берегу, по песку навстречу им двигался высокий парень, судя по преогромному рюкзаку, типичный грушинец.

Ксюшу удивил его рюкзак. При всем разнообразии, которое пришлось им повидать, этот выделялся: он вырос над головой парня, как мощный ствол дуба-богатыря, не только по высоте, но и по ширине.

— Смотри какой!.. — восхитилась Ксюша.

— Что ты имеешь в виду? — Кнутиков на рюкзак и хозяина посмотрел с неудовольствием.

— Конечно, рюкзак, дорогой. А ты подумал что-то другое?

Парень тоже бросил в их сторону мимолетный взгляд.

— Вот и пусть себе идет своей дорогой!

А парень и пошёл. Но буквально через несколько минут их дороги снова пересеклись.

Когда прибитые к земле своим затяжелевшим багажом Ксюша и Кнутиков вернулись к выбранному месту, там уже вовсю, как трудолюбивый муравей, копошился хозяин того самого безразмерного рюкзака. Не замечая двоих, остановившихся рядом, он спокойно распаковывался, раскладывая на земле вещи.

— Пробежали! — уныло отреагировал Кнутиков. — Придется другое место искать.

— Подожди, — остановила его Ксюша. — Попробуем с ним поговорить!

— А чего разговаривать? И так всё ясно. Тебе лишь бы повод поговорить был! — Кнутиков недовольно дёрнул бородкой.

Ксюша, не вступая в препирательства, подошла поближе к парню. Тот, отодвинув подальше в сторону гитару, уже раскатывал на земле палатку.

— Послушайте! — обратилась к нему Ксюша. —

Вы, конечно, извините... Может, вам покажется это странным, но это место мы нашли первыми.

Парень поднял голову.

— Да, — торопливо кивнула Ксюша. — Мы просто ходили за вещами! Вы же, наверное, видели нас. Мы как раз шли вам навстречу.

— Но почему же тогда вы здесь ничего не оставили, чтобы было понятно: место занято? — пожал он плечами. — Странно.

— Мы не могли ничего оставить, потому что вещей тогда с нами не было. Как раз мы шли за ними. Перед этим больше часа искали место, обошли весь остров.

— Но я пришел сюда — место было не занято, значит, оно моё! — деловито заметил парень.

— Теоретически — да, — согласилась Ксюша. — Но практически — не совсем. Мы же не обманываем. Мы нашли его первыми. И сейчас, вы же видите, с рюкзаками мы шли именно сюда! Целенаправленно. Вы что, нам не верите?

— Ну, допустим, верю, — пожал парень плечами. — Но я уже расположился. Лес большой — неужели вы себе не найдёте другое место?

— Я же объясняю: мы искали, долго искали и не нашли ничего подходящего! Нам понравилось именно это место! — не отступала Ксюша.

— Но мне тоже нравится именно это место! — с напором заметил парень.

Соперники замерли, глядя друг на друга. Одна из сторон должна была уступить.

Молчаливый Кнутиков всё время дёргался, то и дело хватая Ксюшу за руку. И тогда она решила использовать последний аргумент:

— Послушайте, неужели вы, такой молодой здоровый мужчина, не можете уступить уж если не мужчине, так хотя бы даме, которая вас просит? Ведь мы действительно нашли это место первыми! И мы не...

Тут Кнутиков, не дождавшись конца Ксюшиной аргументированной речи, дернулся ещё раз и рванул вперёд. Сделав пару шагов, он вернулся, схватил Ксюшу за руку и со словами: «Ещё упрашивать его будешь!» — окончательно ринулся прочь.

Вырвав ладонь, Ксюша пожала плечами, глядя на удирающую спину Кнутикова. Ей, собственно, тоже больше ничего не оставалось, как отправиться следом, ведь палатка всё равно была у него.

Ксюша уже и пошла, как её окликнул голос:

— Стойте! Погодите немного! — Она обернулась. — Раз такое дело... Мне тоже не хочется быть совсем уж эгоистом. Давайте сделаем так: это место я вам, так и быть, уступлю, а сам поставлю палатку чуть дальше, метрах в двадцати-тридцати, чтоб уж не уходил вовсе. Я ведь тоже долго искал место. Согласны?

Ксюша ликовала. Ещё бы!.. Ещё бы они не согласны! Всё будет как они хотели: сосны, дюны, фитонциды, вид на Волгу!

— Так что можете вернуть... этого своего... Кто он вам там... муж? — парень неловко подбирал слова.

Ксюша передёрнула плечами: «Ему-то какое дело?» Но она вынужденно кивнула в ответ: мол, муж, конечно, муж. Стала бы она ещё с кем-то в палатке...

— Ну, так догоните этого вашего... мужа, — улыбнулся парень. — Пусть идет устраивается.

И, склонившись к рюкзаку, он принялся его упаковывать.

А Кнутиков в это время, совершив марш-бросок по лесу и зарывшись в ивовые кусты, распаковывал рюкзак.

— Дорогой, не спеши! Мы можем вернуться! — Ксюша нашла его в ивовых кустах. Она глядела на Кнутикова торжествующим взглядом. — Пойдем!

— Что? Куда? — недоверчиво смотрел на неё Кнутиков.

— Он согласился! Мы можем поставить палатку там, где хотели! Так что идём!

— Интересно... — сомнение звучало в голосе Кнутикова. — И как это тебе удалось его уговорить?

— Ну... — шутя повела она плечами. — Назначила ему свиданье. Ночью, на берегу Волги.

— Ну-ну... — мрачно покивал Кнутиков. — Конечно, разве удержишься при виде таких плеч!

— А чего задавать глупые вопросы? Так что, мы идём?

— А сам он где будет? — приостановил Кнутиков процесс распаковывания.

— Поставит палатку чуть в стороне, дальше — под соснами.

— Что? Чуть в стороне? — Кнутиков даже брови поднял.

— Ну, метрах в двадцати-тридцати! — уточнила Ксюша.

— А-а! Теперь понятно, почему ты туда так рвёшься!

— Я туда рвусь, потому что мы с тобой вместе выбрали это место! — почти речитативом впечатала она в его уши. — Или ты забыл?

— Не забыл. Но теперь я туда и шага не сделаю! Будем здесь! — Кнутиков поджал губы.

— Почему это?

— А вот потому!

— Потому — почему? — напирала Ксюша.

— Потому! — буркнул Кнутиков.

— О, высокое косноязычье! Он, между прочим, уже освобождает нам место! — всё так и кипело у Ксюши внутри. — Человека надо тоже уважать! Он согласился уступить. Не может же он без конца распаковываться, упаковываться...

— Да будут там всякие ходить... плечами трясти! — ворчал Кнутиков. — Хотели же отдохнуть вдвоём, без посторонних! Вот и будем вдвоём! Здесь.

— И там — вдвоём! А тут посмотри, — окинула Ксюша взглядом пейзаж. — Сыро, болото почти. Вида нет. Сосен тоже нет. Ивы одни. В ивах вообще вредно. Фитонцидов тоже нет!

— Обойдёшься одну ночь и без фитонцидов! — упрямылся Кнутиков.

— Я и так обхожусь все ночи без фитонцидов. Могла бы уж одну — и с фитонцидами! Там — всё: Волга, сосны...

Кнутиков перебил:

— И сосед молодой! — Он уже раскладывал палатку на земле. — Сказал: будем здесь!

— А-а... — покивала Ксюша. — Теперь понятно. Это и называется «исполнять все мои желания»?

Кнутиков скорчил физиономию, но продолжил заниматься палаткой.

— Ну и делай как знаешь! — Ксюша махнула рукой и, развернувшись, пошла в сторону противоположного лагеря.

Грушинский пришелец уже снова принялся за распаковывание рюкзака. Теперь уже на новом месте.

— Знаете... — терялась Ксюша в неловкости. — Спасибо вам, конечно, но... Вы можете вернуться.

Ей действительно было неудобно, возникало ощущение собственной капризности: то сами просили, а то...

— А что так? — с удивлением глянул на неё парень.

— Да... — пожала она плечами. — Не хочет! А вы устраивайтесь!

— Не хочет возвращаться?

— Ну да, — развела она руками. — Такой он! А вы можете занять!

И, развернувшись, пошла обратно.

— А знаете, — вдруг крикнул ей вдогонку парень, — у меня, между прочим, тоже собственный кодекс чести есть! А не только у этого вашего «мужа — не мужа»! Раз он не хочет, так и я туда не пойду! Это вы и можете ему передать!

Ксюшу это уже начинало злить: она не рупор для обмена чужими амбициями. «Я понимаю только одно: когда два самца сталкиваются — рога начинают трещать у обоих», — подумала она про себя. А вслух произнесла:

— Спасибо, я передам. Счастливо оставаться!

— Ну что — навестила? — Кнутиков в ивовых кустах уже вовсю обживался, вбивая в землю колышки.

— Навестила, — Ксюша старалась быть спокойной.

— И что он тебе сказал?

— Привет тебе передавал. Сказал, что ваше большое чувство обоюдное. Он тоже не желает туда идти! Так что прекрасный пятачок свободен. Его займет кто-нибудь третий. А может, мне туда пойти? Чтобы между вами была нейтральная зона.

— Послушай, — шарахнул Кнутиков топориком по колышку. — Ты можешь... это... Ну, хотя бы здесь не это... не того... — Кнутиков, когда нервничал, становился особенно «красноречив».

— Дорогой, я могу и это, и не это... — осматривала Ксюша выбранное Кнутиковым место, ей всё не верилось, что из-за его вредности они останутся в ивовых кустах.

— Сколько можно, в конце концов, над человеком издеваться? — ворчал себе под нос Кнутиков, проверяя, хорошо ли забил колышек.

— Интересно, кто над кем издевается? — Ксюша опять вскипала как чайник. — Я тут ношусь

между вами на побегушках, договариваюсь...

— Конечно... — похоронным голосом продолжил Кнутиков. — Как приехали на этот фестиваль — ни одной минуты вдвоём, наедине. Всё люди, люди кругом... И вот, когда появляется, наконец, возможность побыть только вдвоём... появляются тут всякие... ходят, плечами трясут!

— Что же, он виноват, что у него такие плечи? — чуть смягчилась Ксюша.

— А ты сразу и заметила, какие это у него плечи! — прицепился Кнутиков.

— Так как не заметить, когда ты все время напоминаешь?! Что же теперь — к каждому столбу ревновать будешь?

— Так ведь... к столбу же! — Кнутиков оторвал взгляд от колышков и уставился на Ксюшу.

— Тьфу! — в сердцах та плюнула и пошла собирать хворост.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Гитарное соперничество.

С Рогожинными лучше дел не иметь

Когда, наконец, уже в плотных сумерках палатка была установлена, запыхавшись костер, Ксюша и Кнутиков устроились посидеть с видом на ивовые кусты. Всё было не так уж и плохо. Невдалеке дышала Волга, шум волн доносился и сюда.

Тот заманчивый пятачок так и остался незакрытым. Вид с него, конечно, был преотличный, сосны вырабатывали фитонциды, Волга дышала в лицо, но ни тем, ни другим так никто и не воспользовался. А ещё чуть дальше за ним вспыхивал фитилёк кострового пламени, над которым то и дело склонялась долговязая фигура.

Наконец Ксюша и Кнутиков забрались в палатку, задернули сетчатый полог. Показалось, ночь со всполохами огней перебралась за ними тоже.

— Ну, что тебе спеть, дорогая? — Кнутиков взял в руки гитару.

— Что хочешь... — равнодушно ответила она.

— Ну, а всё-таки?

Ксюша смотрела на Кнутикова, перебирающего струны, и думала о том, что «вот завтра»... Почему-то в голову ей пришли строчки, и она произнесла:

*Я хотела бы стать моложе,
Я хотела бы стать глупей,
Чтобы снова мороз по коже
От улыбки прошел твоей...*

Строчки ко Кнутикову отношения не имели — от него «мороз по коже» у неё почему-то не проходил, — просто пришли в голову.

— Так, ясно, — присмотрелся Кнутиков к Багрянцевой, пытаясь поймать волну. — Похоже, у нас сегодня лирическое настроение. Только зачем тебе ты мне нужна была такая — «глупее»? Нет, ты мне нравишься такой, какая есть, — умной, порой даже мудрой...

Ксюша усмехнулась:

— Как черепаха Тортиллы?

— Ироничной — в меру.

— Ты хотел сказать язвительной? — выпытывала она.

— И, пожалуйста, Багрянцева, никогда не становись другой. А то мне станет скучно.

— А я и не бралась тебя веселить.

— Так мне с тобой и так весело! — Кнутиков усмехнулся.

— А мне с тобой?.. — Ксюша снова просто подумала вслух.

Кнутиков помолчал.

— Но, согласишься, дорогая, бывает и от меня какая-то польза. Кто бы тебе сейчас, например, ставил палатку? Играл на гитаре? Пел колыбельные? Всё равно лучше, чем у меня, это ни у кого не получится.

Ксюша тоже усмехнулась, вспомнив прошедшее. Но, взглянув на Кнутикова, перебирающего струны, почему-то подумала вдруг: «А может, это и не так глупо, как кажется на первый взгляд?»

Почему-то ей стало грустно.

А Кнутиков потихонечку снова начал что-то напевать. Ксюша искоса поглядывала на него.

— *А всё — они, глаза твои, зеленоватые слегка...*²³

Ксюша искоса поглядывала на него. Сейчас глаза у него были тёмными, даже скорее чёрными. Такими же, как мир вокруг. Он, этот мир, который на самом деле такой разный — синий, желтый, красный, розовый, зелёный, — сейчас казался темным, и это был его единственный цвет в данную минуту.

Сегодня Кнутиков не был похож на самого себя. Был вредным, даже неуправляемым. Поставил палатку там, где ему взбрело в голову. И всё же его сегодняшнее упрямство почему-то корбило её меньше, чем его постоянная приторная покладистость.

Кнутиков продолжал, струны отзывались прикосновениям его пальцев. Напевая, он бросал на Ксюшу взгляды, словно пытаясь сказать ей что-то голосом, мелодией, словами, — то, что не умел порой выразить в их обыденной жизни:

*...И кажется, мы ни при чем и нигде —
Герои несыгранной пьесы.
И странны лиловые сваи в воде,
И стол, и льняные навесы.*

*Всё это похоже отчасти на сон,
Где явь с полубредом на стыке.
И есть красота византийских икон
В твоём неприкаянном лице.*

*И корчится вечер в закатной пыли,
И ночь проступает огнями...
И призрак ещё не отжитой любви,
Как ангел, летает над нами.*

Это была целиком кнутиковская песня, посвященная ей, Ксюше, сочиненная им в их очередной разлуке.

«И есть красота византийских икон в твоём неприкаянном лице», — повторила она мысленно. И где он её такой увидел?

Сможет она обходиться без всего этого? Без их песен, походов, костров, посиделок, вечеров вдвоём под гитару? Без этой кнутиковской медлительности, его не всегда остроумных шуток, плохо прожаренных окорочков, его философствований, крупнолистовой заварки в чае, уханья сзади его кирзовых сапог, даже его занудства. Сможет ли? Наверное, да. Человек может обходиться без многого.

А Кнутиков всё пел, перебирая струны и поглядывая на Ксюшу. Но вот он закончил песню и теперь замолчал. И Ксюша тоже сидела молча. А гитара ещё продолжала звучать под его пальцами. Но вот он отложил её в сторону. Повернулся...

Ксюша почувствовала: что-то происходит. Между ними что-то происходит. Воздух вокруг словно становился электризованным.

— Я хочу тебе сказать, дорогая... — он от волнения кашлянул. — В общем, я...

И в этот момент... как раз в этот момент из глубины ночи вдруг выплыли звуки. Это были не просто звуки: нарушая покой, лирическую интонацию ночи, в неё вдруг выплыли слова романса:

*— В лунном сиянии ночь серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится...²⁴*

Голос снаружи проник к ним в палатку. Он словно распахнул створки палатки, выветривая их ещё только-только зарождающийся с таким трудом интим.

*— Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
колокольчик звенит,
Этот звук, этот звон много мне говорит!*

Тягуче звучал голос, сопровождаемый грубым тембром гитары. Голос у певца был сильный, красивый, мягко баритональный, наполняющий каждое слово каким-то особым смыслом. Кому принадлежал голос — стало понятно сразу: пел тот самый широкоплечий грушинец, устроившийся неподалёку.

Прозвучи этот романс где-нибудь в другое время и в другом месте — он, наверное, только подчеркнул бы ту мелодию, которая у них начала зарождаться. Но сейчас он словно вызывал на невидимое состязание — всем: и самим романсом, и глубиной голоса, и страстностью исполнения.

— ...С молодой женой мой соперник стоит!

— Так... — Кнутиков нервно сжал кулаки. — Пойду сейчас и набью ему морду!

— Это ещё за что? — удивилась Ксюша.

— А вот за то! Он специально, назло мне!

— Почему — назло? — пыталась Ксюша как-то нейтрализовать ситуацию. — Не можем же мы в самом деле запретить ему петь! Просто ты запел, а он, как типичный грушинец, решил поддержать.

— Ага, поддержать. Как только он здесь появился — всё пошло кувырком! У меня тут, можно сказать, судьба решается! — заводился Кнутиков. — К чёрту, пойду сейчас и сломаю его гитару!.. Чтобы он вообще больше не пел!..

— Ну, а гитара-то тут при чём? — невозмутимо заметила Ксюша. — Чем она виновата, что ты в каждом видишь соперника? Чего уж теперь — жить, на всё закрывая глаза и уши?

— Как же, закроешь ты! Дождешься от тебя! — разошёлся Кнутиков. — Как услышала этот крик марала — так вся и растаяла. Прямо подходи и бери голыми руками!

— Что?! Что ты сказал?.. — возмутилась Ксюша. — Знаешь... ведь за такие слова и по физиономии схлопотать можно!

Она даже оторопела от его слов — оскорбительных и несправедливых.

Их вечер... их такой чудный, едва начавший зарождаться вечер невозвратно летел в пропасть. В тартарары.

— Ну, дай! Попробуй! Ну! — всё больше злился Кнутиков, чем злил и Ксюшу.

— Вот и попробую! — выпалила она и размахнулась было, но увидела вблизи глаза — какие-то бешеные не кнутиковские глаза и осеклась. — Ладно. В следующий раз. Лучше уйти от греха подальше... — она сделала движение в сторону палаточной прорези.

— Что, к бархатному побежала? Романсы его слушать? — загородил ей выход Кнутиков. — Никуда не пойдёшь!

— Ну, знаешь! — распаялась Ксюша. — Это уж слишком! Ты мне не муж, чтобы командовать! И похоже, им никогда не станешь!

— А это мы ещё посмотрим! — перехватил Кнутиков её руку, тянущуюся к палаточной молнии. — И слово дай, что, кроме меня, у тебя больше никого не будет. Что выйдешь за меня замуж! — пытаясь удержать, Кнутиков схватил её за запястье. — И обвенчаемся! Чтобы уж никуда!

— Боюсь, что при таком отношении нас отпоют и обвенчают одновременно! — огрызнулась Ксюша.

— Ах, вот как ты заговорила! Стоило лишь этому бархатному...

— Да как ты не понимаешь! — ей всё-таки удалось вырвать руку. — Мне, чтобы с тобой рядом жить, постоянно кислородную подушку под ру-

кой иметь надо! — озвучила она вслух ту мысль, которую часто прокручивала в голове.

— Ничего! Я куплю тебе кислородную подушку! — напористо пообещал Кнутиков.

Ксюша рванулась, пытаясь выбраться на воздух: кислородной подушки пока под рукой не было. Кнутиков, желая её удержать, резко двинул в темноте локтем, и... Резкая боль пронзила Ксюшину губу: показалось, зуб вспорол её изнутри. Губа распухла на глазах, кровь, неслышно струясь, сползала по подбородку, капала на одеяла.

*День-день-день, день-день-день,
Колокольчик звенит...*

Ксюша молча выбралась из палатки. Пошла к реке — губу надо было как следует промыть.

Кнутиков понуро брёл следом.

— Ксюшник, прости! Я — нечаянно, я не хотел...

Потом они долго плавали, пытаясь смыть осадок от произошедшего. А когда стояли, обсыхая, возле костра, вокруг было тихо и пустынно, лишь одинокий глаз луны присматривал за ними сверху.

— Вот если бы так было всегда: ты, я и первозданная природа вокруг, — вздохнул Кнутиков.

Он стоял за спиной, обхватив Ксюшины плечи, чтобы согреть.

— Сам не знаю, почему у меня всё так по-дурацки получается? Ведь я же действительно хочу, чтобы ты была счастлива. Со мной — счастлива.

Ксюша молчала, только потрогала губу.

— Знаешь, мне иногда кажется, будто я до тебя вообще не жил. Раньше думал, что жил, что любил... И только сейчас понял, что это такое. Раньше мне казалось: женщина — она для того, чтобы позаботиться, создать уют. Уезжал и не тосковал даже. А ты появилась и всё перевернула. Бегаю за тобой, как дурак, всюду, потому что знаю: где ты — там мой дом. Сойдёшь с поезда где угодно — и я уже дома, можно приступать к своим обязанностям. Заботиться там, кормить, беречь тебя... Пусть даже и бардак в этом доме, а всё равно — дом, уют! А уезжаешь ты — я как мёртвый, словно мой дом ты увозишь с собой. — Он осторожно коснулся кончиками пальцев её губ. — А насчёт этого не беспокойся. К свадьбе заживёт.

— К чьей — свадьбе? — наконец подала голос Ксюша.

— К нашей, конечно, — Кнутиков несколько не сомневался.

— Тогда точно. Заживёт, — вздохнула Ксюша.

— Вот вернусь и устроюсь на новую работу, заработаю денег, всё будет как надо, — он уже строил планы.

— Не сомневаюсь...

А сама припомнила не совсем кстати байку, пушенную тем же Кауриным, что если Кнутиков куда-нибудь и устроится, будь это самое процветающее заведение, — впереди у него будет одно банкротство.

— Прости, сам не знаю, как получилось, — искренне винился Кнутиков. — Мою любимую девочку, единственную мою радость...

Ксюша криво улыбнулась:

— Ладно уж, Рогожин ты мой.

— А ты моя Настасья Филипповна.

Они ещё долго стояли — одни, вдвоём, посреди тихого ночного мира. Венчанные уже навсегда — ночью, этой тишиной, небом с мигающими звёздами, всей обступившей их громадой мироздания. И, наверное, простояли бы так до утра, если бы вдруг начавшийся дождь не настучал им крупными каплями так и не дозвучавший романс:

*Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
колокольчик звенит,
Этот звук, этот звон много мне говорит...*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, заключительная

Собираясь замуж,
не забудьте посоветоваться
с декабристами

Утром Ксюша проснулась в палатке с ощущением чего-то важного, произошедшего в её жизни. Кнутикова рядом не было. Не было его и у костра — снаружи не доносились обычные звуки.

Но Ксюша не волновалась. А чего ей теперь, собственно, волноваться? Наверно, пошёл за дровами... Она чувствовала какое-то умиротворение, поселившееся в ней. Подумала: «Хорошо всё-таки, что не надо расставаться».

Прошло ещё минут пятнадцать, полчаса... «И всё же странно, — начинала тревожиться Ксюша. — Уж не отправился ли он...» Ей вспомнилась вдруг вчерашняя сцена с соседом-грушинцем, кулаки Кнутикова. Начиная нервничать уже по-настоящему, она собралась было отправиться на поиски, как вдруг в палатку просунулась голова.

— Интересно, — не удержалась от расспросов она, — и где это ты так долго был? Куда ходил?

— Куда надо, туда и ходил, — был ответ. — Я что, обязан тебе обо всем докладывать?

Ответ Ксюшу несколько удивил.

— Дорогой, может, тебе ночью показалось, что я уже стала твоей женой? И теперь ты репетируешь роль мужа?

— Ну, должна же ты понять, что это такое. И вообще, имей в виду: теперь я буду делать то, что сам посчитаю нужным.

— А-а, ну хорошо, — усваивала Ксюша. — Тогда скажи, пожалуйста, дорогой... что ты посчитал нужным делать в последние сорок минут? Надеюсь, ты не отравил соседа ядом, как Моцарта — Сальери?

— Ещё неизвестно, кто из нас Моцарт... — заметил Кнутиков. — По крайней мере, его там уже нет.

— Но, надеюсь, он ушёл своим ходом? Ты не закопал его за ближайшими кустами?

— Вот ещё, буду я руки марать!..

— Ага, значит, этот вариант отпадает. Тогда где же ты был на самом деле?

Наконец Кнутиков объяснил:

— Ходил узнавать, не убрали ли мосты. Их же обещали развести. Но пока все на месте.

— Отлично, — Ксюша потянулась, разминая плечи, — значит, мы ещё можем спокойно выпить чаю. Надеюсь, ты напоишь меня?

— С удовольствием, дорогая! — Кнутиков наконец прорвался в палатку с утренним поцелуем. — Для тебя я согласен на любой подвиг!

— Ну, для кого-то чай заварить тоже подвиг, — Ксюша улыбалась.

— Только не для меня, — Кнутиков выбрался из палатки к костру. — Такой подвиг я совершаю каждый день и за подвиг не считаю.

— А ты бы хотел как Матросов — на амбразуру? — иронично поддела его Ксюша. — Или как декабристы — на площадь?

— Ну, насчет декабристов — это ещё как посмотреть, — хмыкнул Кнутиков, обернувшись. — Можно ли эту их выходку вообще назвать подвигом?

— Как — «выходку»? — Ксюше показалось — ослышалась.

— Ну да, а что же ещё? Конечно, выходку! — Кнутиков, стоя спиной к ней, хлопотал у костерка.

— Ну, ты даёшь! — отреагировала Ксюша из палатки. Понятия «декабристы» и «выходка» в её голове не совмещались. — Они, между прочим, за эту «выходку» на каторгу пошли. Жизнью своей заплатились!

— А кто их просил-то против царя идти? — Кнутиков поправил котелок на костре. — Против законного царя, заметь! Чего уж теперь-то перед ними расшаркиваться?

— Как — расшаркиваться? — всё больше недоумевала Ксюша. — Хорошо так рассуждать спустя два столетия! Тем более сейчас, когда так модно все осуждать! Сейчас ведь за это не наказывают. А по тем временам это был мужественный поступок, жертвенный! Среди них такие люди были — благороднейшие умы России!

— Чего уж тут такого сильно благородного? — Кнутиков почесал затылок. — Против царя пойти законного, Богом данного — благородно?

Ксюша искала аргументы:

— Они же хотели счастья своему Отечеству! Уж как умели, как понимали, как...

— Ну и пусть бы хотели... — подхватил Кнутиков. — А царей-то зачем свергать? Вот и досвергались уже в семнадцатом году!

— Скучный ты, Кнутиков! — Ксюша зевнула. — Все критикуют — и ты критикуешь! А где ты раньше-то был?

— Я всегда был за монархию!

— Не понимаю я такой хамелеоньей способности перекрашиваться. Небось, раньше-то ты так не рассуждал. Ведь декабристы, они... — Ксюша даже заволновалась, на мгновение умолкла, ей приходилось защищать тех, кто, собственно, в защите и не нуждался; вспомнилось почему-то цветаевское: «Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...» — Среди них, между прочим, участники войны восемьсот двенадцатого года были — молодые генералы,

раненые, пострадавшие в боях, — наконец нашлась Ксюша.

— Ну и что? — с убийственным равнодушием выдал Кнутиков.

— А вот то! Что они подставляли себя под пули за своё Отечество, а не рассуждали. Может, им и не хватило продуманности идеи или...

— Вот именно, — перебил её Кнутиков. — И у Гитлера своя идея была. И у Ленина идея — коммунистического завтра.

Ксюша усмехнулась:

— Ну, сравнил декабристов и Гитлера. А у тебя-то самого какая идея, Кнутиков? Чихнуть без оглядки не можешь. Небось, если бы жил в то время, так и на Сенатскую площадь не пошел бы!

— Конечно, не пошел бы! Дурак я, что ли, по площадям бегать! Себя под пули подставлять!

Ксюша смотрела на кнутиковскую спину... и чего-то не понимала. Снова ничего не понимала. Да знала ли она вообще этого Кнутикова?

— Да, ты бы не пошел. А вот тот же Пушкин пошел бы, как сам сказал царю: «Не смог бы не пойти — все мои друзья были там!» А ты бы и ради друзей не пошёл.

— Конечно, дурак я — ради кого-то своей жизнью рисковать!

— Все с тобой ясно.

— Ну и что тебе ясно? — оторвавшись от хлопот у костра, Кнутиков обеспокоенно просунул голову в палатку.

— Ничего, — сухо сказала Ксюша, садясь в палатке. — Просто то, что в декабре 1825 года тебя не было бы на Сенатской площади.

— Ну и что? Что из того? — допытывался Кнутиков.

— Ничего! Просто не было бы. А они бы все были! Те, кого ты так упорно вспоминаешь, повторяя фамилии. Зеньковский, Быстринкин, Орлов, Каурин... Просто не смогли бы не пойти! А ты бы не пошел. И не почему-либо, а просто опасаясь за свою шкурку. А они бы пошли, и их там могли убить! — при этих словах Ксюше представился падающий под пулями Быстринкин. — Да, они бы пошли, а ты бы отсиделся!

— Ну и отсиделся бы! Да! И горжусь этим! — Кнутиков снова выполз из палатки и принялся нервно вышагивать у костра. — Потому что я не

намерен жертвовать своей жизнью ради чьих-то бредовых идей!

— Бредовые идеи? А-а, ну всё понятно. — «Как бы пригодилась она... эта чертова кислородная подушка», — подумала Ксюша, копаясь за чем-то в своём рюкзаке. Вслух сказала: — Значит, хочешь счастья своему Отечеству — бредовая идея? А отсиживаться, спасая свою шкурку, не бредовая идея? Ясно. Теперь мне всё стало ясно.

— Да что тебе ясно-то? — напирал Кнутиков с улицы.

— Так. Ничего. Всего лишь то, что в декабре 1825 года тебя не было бы на Сенатской площади, — из палатки ответила ему Ксюша.

— Ну и не было бы! И что с того? — вновь просунув голову в палатку, уже с тревогой смотрел на неё Кнутиков.

— Ничего. Ты говоришь — за что я их люблю? Да вот за то и люблю! За то, что не отсиделись бы! Первыми подставили бы свои глупые горячие головы под пули, — Ксюшин голос звенел. И вдруг ей стало... всё равно. Всё — всё равно. — Вот потому они, декабристки, сами такие хрупкие и нежные, за своими мужьями и поехали. Потому что они того стоили! Любви их стоили! — уже ровно сказала она.

Опустив голову, Ксюша принялась завязывать лямки рюкзака. «Что ж, может, кому-то это и покажется глупым, что в новом веке, в новом тысячелетии женщина не хочет выходить замуж за мужчину только потому, что в декабре 1825 года его не было бы на Сенатской площади», — размышляла она. Почему-то вспомнились слова Гынянова о том, что в начале девятнадцатого века стали исчезать люди, идущие по жизни лёгкой играющей походкой.

Нет, думала Ксюша, она не осуждает Кнутикова: он такой, какой он есть. И каждый имеет право на свой взгляд, свою позицию. Просто она пыталась понять его, рассуждая об их разности, непохожести. Так, мучаясь сердцем, она не находила ответа. А ответ-то, наверное, простой: разный он — уровень дыхания их сердец.

Вздыхнув, Ксюша подтолкнула уже окончательно собранный рюкзак к выходу.

Матерчатый полог палатки зашевелился.

— Ксюшик... — в руках Кнутикова исходили

паром две кружки. — Пожалуйста, не спеши делать выводы. Я вот тут как следует всё обдумал, поразмыслил... И знаешь, я бы тоже пошел на Сенатскую площадь! Да, пошел бы! Не думай, не отсиделся бы. Просто не смог бы не пойти, раз уж там решалась судьба Отечества! И меня бы там тоже могли убить! Не только твоего Зеньковского или Быстринкина. Но только... если уж твой Быстринкин был бы на стороне декабристов, тогда я бы уж точно на противоположной!

Между прочим, там тоже очень порядочные люди были, не меньше декабристов обеспокоенные судьбой своего Отечества! Взять хотя бы того же генерала Милорадовича — достойнейший, между прочим, был человек! Образованнейший ум России...

Давай, дорогая, лучше пить чай!

ЭПИЛОГ

Такие-сякие смешные герои
Останутся жить вопреки всякой правде.
И Кнутиков снова дрова переколет
В каком-то отчаянном детском азарте.
И снова Багрянцева скажет остроту,
Рюкзак соберет и решительно встанет.
А полночь пропахнет полыньёю и мёдом,
И розой, что в сердце цветет и не вянет.

Кнутиков и Багрянцева жили долго и счастливо. Правда, в разных семьях.

Дорога и дом.
Дом и дорога.
Дорога и дом...

Прмечания

- ¹ Из стихотворения Алексея Решетова.
- ² Из стихотворения «Пой же, пой» Сергея Есенина.
- ³ Похоронная контора (из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова).
- ⁴ Из стихотворения Евгения Евтушенко.
- ⁵ Из стихотворения «Кто-нибудь утром проснется и ахнет...» Юрия Левитанского.
- ⁶ Имеются в виду выпускники Высших литературных курсов (Литературный институт им. А. М. Горького).
- ⁷ Из «Песни попугая» Владимира Высоцкого.
- ⁸ Из стихотворения «Одиночество» Ивана Бунина.
- ⁹ Из стихотворения Николая Заболоцкого «Уступи мне, скворец, уголок...»
- ¹⁰ Из стихотворения Осипа Мандельштама «Довольно кукситься!..»
- ¹¹ Из поэмы Самуила Маршака «Рассказ о неизвестном герое».
- ¹² Из песни «На далёкой Амазонке» на стихи Редьярда Киплинга (в переводе С. Маршака).
- ¹³ Из стихотворения Владимира Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».
- ¹⁴ Из повести Сергея Довлатова «Заповедник».

¹⁵ Из стихотворения Юрия Левитанского «Всего и надо, что взглядеться, – боже мой...»

¹⁶ Из песни «Старая драма» на стихи Вероники Долиной.

¹⁷ ОМ – тип речных судов, теплоход.

¹⁸ Из монолога Чацкого в комедии А. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁹ Стихотворение Елены Казанцевой.

²⁰ Из авторской песни Юрия Визбора.

²¹ Из авторской песни Олега Митяева.

²² Из авторской песни Юрия Визбора.

²³ Из песни «Зеленоватые слегда» на музыку и слова Бориса Вахнюка.

²⁴ Романс на стихи и музыку Евгения Юрьева.

Наталья ЛАВРЕЦОВА –

прозаик, поэт.

Окончила Ленинградскую лесотехническую академию им. Кирова, работала ученым лесоводом в государственном заповеднике «Михайловское».

В 1997 году окончила Высшие Литературные курсы.

Печаталась в журналах «Север», «Carelia», «Двина», «Наши современники», «Слово», «Согласие», «Мир женщины», «Доля», «Бийский вестник» и др.

Автор более десятка книг.

Лауреат премии карельского писателя Бориса Кравченко,

Международной Пушкинской премии (Нью-Йорк),

премии администрации Псковской области (2010, 2017),

премии «Журнальный вариант» (Симферополь, 2015) и других.

Член Союза писателей России.

В настоящее время живет в Пскове (д. Савкино).

